

От автора, более известного как
Джеймс Роллинс

Джеймс Клеменс

ЗВЕЗДА ВЕДЬМЫ

КНИГА ФАНТАЗИЯ

Джеймс Клеменс
Звезда ведьмы
Серия «Проклятые и изгнанные», книга 5

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5314021
Клеменс Дж. Звезда ведьмы: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-58591-5
Оригинал: James Clemens, "WITCH STAR"
Перевод:
Владислав Русанов

Аннотация

Опасное странствие Элены и ее друзей продолжается. Каменные врата уничтожены, но сила Темного Властелина все еще велика.

Вернувшись в А'лоа Глен, Елена встречает Арлекина Квэйла. Маленький человечек в шутовском наряде утверждает, что сбежал из подземелий Блэкхолла, и предлагает свою помощь. И хотя у юной ведьмы каждый союзник на счету, Елена не уверена, что сможет довериться Арлекину. Правда, он сообщил, что еще одни врата Вейра уцелели, а значит, до гибели мира осталось не больше месяца...

Так начинается одно из самых опасных путешествий юной ведьмы. Слуги Темного Властелина преследуют Элену и ее отважных спутников буквально по пятам. Удастся ли им найти и уничтожить последние каменные врата? Выдержат ли узы любви и дружбы новое испытание? Останется ли магия по-прежнему всесильной? Ответы пока не найдены, но приключения продолжаются!

Содержание

Моя благодарность	4
Предисловие к «Звезде ведьмы»	5
Книга первая	8
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	49
Книга вторая	59
Глава 5	59
Глава 6	70
Глава 7	76
Глава 8	87
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Джеймс Клеменс

Звезда ведьмы

Посвящается Спенсеру Орею за то, что магия жива в новом поколении

Моя благодарность

Спасибо всем тем, кто сделал возможным путешествие по Аласее, то есть моей семье, друзьям и группе верных коллег. Это Крис Кроу, Майкл Гэллоугласс, Ли Гаретт, Денис Грейсон, Пенни Хилл, Дебби Нельсон, Дэйв Ми, Джейн О'Рива, Крис Смит, Джуди и Стив Прей, Кэролайн Маккрей, Кэролайн Уильямс, Ройал Адамс и Джин Колгров. Вдобавок хочу поблагодарить издательство «Дель Рей» и тех, кто там трудился и трудится и чьими стараниями работа над историей Элены далась мне легко и приятно. Я очень признателен вам, Стив Саффель, Денис Фитцер, Куо-Ю Лянь, Коллин Линдси, Кэтлин О'Ши, Крис Шлюп. И отдельное спасибо Веронике Чапмэн, которая вместе со мной проделала каждый шаг этого долгого похода. И наконец, хочу посвятить добрые слова моим литагентам (в отечестве и за границей) Руссу Галену и Дэнни Бэйрору.

Предисловие к «Звезде ведьмы»

Джир'роб Сордан, магистр искусств, глава отдела университетских исследований

Как я предварял вступительным словом первую книгу, так теперь предваряю последнюю.

Нет, предостережений вы не услышите; насколько я понял, пользы от них никакой. Сейчас вы держите в руках последний из Келвишских свитков, последний богохульный труд безумца с островов Келл. Либо вы готовы устоять перед новым знанием, либо нет. Либо вас наградят багровой лентой выпускника, либо вздернут на виселице Златодрева. Так почему же я обращаюсь к вам?

Ответ лежит на поверхности – наступает миг, когда вам откроется последняя истина.

Там, дальше, каждого учащегося ждет или смерть, или спасение. Пришла пора отринуть заблуждения и ложные истины ради правильного понимания нашего прошлого... и нашего грядущего. Прежде чем вы вольтуетесь в закрытое общество ученых Содружества, должно явиться последнее откровение... истина, которую вам предстоит постичь до того, как вы отправитесь в заключительное путешествие в глубины безумного разума.

А что же это за истина?

Автор свитков – не лжец.

Вам может показаться, что это утверждение противоречит предшествующим, хотя на самом деле никакого противоречия нет. Действительно, в большинстве случаев слова автора свитков могут быть истолкованы как ложь, однако в историческом контексте безумец говорит правду. Древние, запрещенные ныне источники свидетельствуют и неоспоримо доказывают, что история ведьмы по имени Элена Моринстал – не выдумка. Она существовала в действительности, будучи той, кто создал наш мир. События, описанные в свитках, не плод большого воображения, они правдивы, они – наше истинное прошлое.

Вот тут-то и кроется ловушка. Последнее свершение ведьмы, о котором вам предстоит прочитать, несет угрозу нашему обществу. Его огласка грозит безумием и разрушением всему Содружеству. Вот та самая причина, по какой свитки должны быть надежно спрятаны от малообразованного населения.

Данный курс обучения плавно подведет вас к тому, чтобы стать стражами Содружества. Отдельные истины для непосвященного подобны смертельному яду. Во имя спасения целостности общества они должны быть опровергнуты, растоптаны и отринуты.

Вот потому-то истекшие четыре года вы привыкали не верить тому, что прочли и изучили. Начиная с сегодняшнего дня вам предстоит шагать по лезвию кинжала между выдумкой и действительностью.

Итак, ведьма существовала. Она создала наш мир. В этом безумец с островов Келл не солгал.

И тем не менее автор свитков остается лжецом в более широком понимании. В последнее свершение ведьмы, если понимать его как физическое действие, поверить можно. Но не в его последствия. Абсолютная ложь, несущая опасность для общества, кроется в простых словах, оброненных в Зимнем Айри. Да, они были произнесены, но были ли они правдой?

Спешу заявить вам, что это не имеет ни малейшего значения. Истинные или лживые, слова эти остаются проклятием для Содружества. Поэтому нам приходится отрицать даже то, что ведьма когда-либо существовала. Это самый простой выход для всех.

Таким образом, читая заключительную книгу, вы должны запомнить две взаимоисключающие истины:

автор – лжец;

автор – не лжец.

Настоящий исследователь обязан научиться балансировать между этими двумя утверждениями. Там, где кончается эта грань, лежат разрушение и погибель.

Странно мечтать о смерти погожим весенним днем.

Повсюду на островах Келл жизнь пробуждается под теплыми лучами солнца. С той поры, как дни начали удлиняться, свежий ветер приносит с побережья звонкий детский смех. Зеленеют склоны холмов, а нежные цветы тянутся к свету. Люди открывают ставни, пересаживают комнатные растения в ящики на подоконниках. Настала пора возрождения.

Но, глядя на буйство красок из окна мансарды, я знаю: смерть моя – лишь вопрос времени. Закончится пышное цветение, и я уйду. Никогда ранее не испытывал я столь сильных чувств, вспоминая обещание ведьмы освободить меня от бесконечных смен времен года. И эта мысль приносит бесконечное наслаждение.

На столе лежат орудия моего ремесла, и неважно, сколько они могут стоять, вздумай я устроить распродажу. Я готов расстаться со всеми пожитками, словно змея со своей кожей. Тончайший пергамент, привезенный из Виндхейма, самые лучшие чернила, какие только способны добыть торговцы из Да'бау, прекраснейшие перья снежных цапель, что в изобилии водятся в окрестностях Куэ-куэй, далекого заморского города множества каналов...

Все готово и ждет начала последней истории. Подобно алхимику, я создам смерть из пергамента и чернил.

Но я все жду чего-то. Пыль ложится на груды свитков и чернильницы. Почему же? Уж не из-за сомнений в обещании ведьмы и не из страха перед смертью в этот весенний день, само собой. Вначале я попросту полагал, что оттягиваю завершение, пытаюсь отсрочить его, как будто это жестокие муки.

Но я ошибался. Причина гораздо проще.

Я разгадал загадку в то утро, когда рассматривал ветви дерева перед своим окном. Там свила гнездо, украсив его перьями, маленькая как'ора. У этой птички блестящий черный хохолок, а грудка алая, отчего кажется, будто ей перерезали горло. Весь день она гоняется за мошкаррой или ковыряется в грязи под ногами спящей туда-сюда черни. Поэтому почти все время ее гнездо пусто, и я вижу три отложенных яйца.

Несколько дней созерцал я гнездышко, пытаюсь разрешить загадку, которая крылась в гладких скорлупках голубоватого цвета с россыпью бурых крапин. И что в итоге?

Ответ пришел нынче утром. Каждое яйцо – символ бесконечных возможностей жизни. Что ждет птенцов? Все они могут умереть, задохнувшись еще до того, как вылупятся, в собственной скорлупе. Или кого-то сцапает подкравшаяся кошка, когда птенцы начнут учиться летать. Кто-то другой умрет от бескормицы или заразной болезни... Но, возможно, один из них вернется в это же гнездо будущей весной, создаст семью и начнет тем самым новый цикл

жизни. Столь много возможностей, столь много открытых дорог заложено внутри яйца, чей размер не превышает ногтя на моем большом пальце.

Возможности жизни бесконечны... Вот что я открыл для себя в то утро.

Какой же вывод я должен сделать? Отринуть стремление к смерти и снова принять жизнь?

Нет... Конечно же, нет.

Когда я смотрел на яйца, то понял: смыслом существования наполняют жизнь не заложенные изначально возможности, а обретение собственного, отличного от всех других пути. Пути от утробы матери до могилы.

Вняв мольбам, ведьма дала мне бесконечную жизнь – одновременно и дар, и проклятие. Когда все эпохи проходят перед тобою нескончаемой чередой, то возможности становятся бесконечными. Когда все пути перед тобой открыты, ты уже подчиняешься воображению, но не диктату реальности. Среди бесчисленных дорог так легко заблудиться.

Впрочем, довольно. Нынче утром, глядя на яйца, я понял, что устал от выборов и в жизни желаю лишь одного – определенности.

Итог жизненного пути – вот что я хочу обрести. Если у пути были начало и середина, то должен быть и конец.

И вновь я соединяю чернила с пергаментом, воплощая чародейство жизни и вселенной через алхимию написанного слова. Каждая буква приближает меня к смерти, приближает к тому мигу, когда смысл опять наполнит мое бытие.

Открылась ли эта истина ведьме уже тогда? Неужели она из милости оставила мне последнюю надежду?

Поживем, увидим.

А теперь меня влекут иные времена, дальние края. Следуйте же за мной на звон колокольцев, туда, где последний актер, опоздавший к началу представления, поднимается на сцену. У него кожа синюшного оттенка, его наряд – пестрое тряпье. Он играет шута.

Следите за ним внимательно...

Книга первая

Стремнина

Глава 1

Восседая на Троне Колючих Роз, Елена изучала представшую перед ней загадочную личность. Невысокий человек, одетый в шелк и лен, казался мальчишкой из-за гладкого, невыразительного лица, но явно был немолод. Слишком уж уверенно он держался под пристальными взглядами собравшихся в большом зале людей. Его глаза светились едкой иронией, словно все происходящее было развлечением, но читался в них оттенок горечи и усталости. А тень улыбки, искривившая губы, оставалась холодной и жесткой.

Несмотря на кажущуюся простоватость, он вызывал у Элены болезненное чувство беспокойства.

Незнакомец сдернул с головы щегольскую шляпу и опустился перед тронем на одно колено. Тонко зазвенели множество колокольчиков – золотых, серебряных, медных, оловянных, – нашитых на его одежду.

Рядом с коротышкой замер, неслышно подойдя, человек ростом повыше – Тайрус, лорд Тайламон Ройстон, властелин северного замка Мрил. Принц, ставший пиратом, вместо подобающего его положению наряда носил потертые сапоги и черный плащ в соляных разводах. Щеки его загорели докрасна, а светлые волосы давно не знали гребня. Принц приплыл в А'лоа Глен на заре и тут же потребовал встречи с Эленой и военным советом.

Тайрус преклонил колено, указывая рукой на спутника.

– Могу я представить вам Арлекина Квэйла? Он прибыл издалека и принес весть, которую все непременно должны выслушать.

Элена жестом приказала им встать.

– Поднимитесь, лорд Тайрус. Добро пожаловать.

Под хор колокольчиков, зазвеневших, когда Арлекин выпрямился, Елена изучала вновь прибывшего. Да, этот человек в самом деле явился издалека. Его лицо было бледным, даже слегка синеватым, словно ему не хватало воздуха. Но больше всего удивляли его глаза: золотистые, наполненные лукавством.

– Прошу простить, что потревожил в столь ранний час, – бесстрастно произнес принц, разглаживая плащ так, будто только сейчас заметил его жалкое состояние.

– Что за срочность, лорд Тайрус? – заговорил Эр'рил, супруг и первый советник Элены, стоявший по правую руку от трона. – У нас нет времени на шутов и болванов.

Ведьме не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться – воин стандийских равнин сохранял свой обычный угрюмый и суровый вид. Слишком часто она видела его недовольство за минувшие два месяца. Очень уж неутешительные новости приходили из Аласеи: то поставки на остров срывались из-за чудовищ и странностей с погодой; то в городах полыхали пожары и появлялись болезни; то уродливые звери вытаптывали поля сельских тружеников. Но самые худшие беды подступили к самому порогу.

Странная пугающая болезнь охватила стихийников, тех немногих, кто мог еще использовать магию самой земли. Ме'рай переставали чувствовать море и теряли связь с драконами; воздушные корабли элв'инов не могли летать высоко и далеко; даже Ни'лан жаловалась, что голос ее лютни слабеет, словно древесный дух покидает ее. Стало ясно, что, несмотря на полученный удар, врата Вейра продолжают приносить вред земле. Стихийная магия истощалась, как вытекающая из раны кровь.

Ощущение стремительно уходящего времени лежало на плечах ведьмы и ее соратников непомерным грузом. Следовало поторопиться с выступлением против Гал'готы до того, как иссякнут дары земли, до того, как их сила превратится в слабость. К несчастью, армии Элены располагались далеко друг от друга. Поэтому решительное наступление на цитадель Темного Властелина, черный вулкан Блэкхолл, откладывалось до следующей весны. Эр'рил утверждал, что раньше середины зимы не удастся собрать все войска. Но переправа через зимнее штормовое море сыграла бы на руку тем, кто обороняет Блэкхолл.

Итак, весной, когда утихнут бури... Но Элена сомневалась, будут ли они готовы даже тогда. Столь многое оставалось невыясненным. Тол'чаку предстояло вернуться из земли своего народа, куда он отправился с Фардейлом и горсткой спутников, желая расспросить старейшин огров о загадочной связи между эбеновым камнем и сердце-камнем. Элв'инские корабли-разведчики должны были принести ценные сведения, совершив дальний рейд к Блэкхоллу. Армия д'варфов, возглавляемая Веннаром, связь с которым поддерживалась с помощью почтовых воронов, накапливалась неподалеку от Пенрина. Предводитель д'варфов просил об отсрочке, чтобы успеть собрать как можно больше воинов. Время поджимало всех. И вот теперь срочные новости издалека.

– Арлекин, – Тайрус повернулся к своему спутнику. – Расскажи все, что ты разузнал.

– У меня вести и добрые, и дурные одновременно, – кивнул шут.

На его ладони, словно по волшебству, возникла монета. Щелчком пальцев он послал ее высоко вверх. Золото ярко заблестело в свете факела.

Элена внимательно следила, как монета взлетела едва ли не до стропил и упала вниз... И отшатнулась, увидев, что загадочный человек успел за считанные мгновения оказаться возле ее трона. Теперь он стоял почти что рядом с ней, и ни один из его колокольчиков не зазвенел.

Даже Эр'рил оказался захвачен врасплох. С яростным криком он выхватил меч и отгородил им правительницу от шута.

– Что за трюки?!

Вместо ответа Квэйл поймал падающую монету на ладонь, насмешливо подмигнул Элене, а затем отступил на пару шагов, вновь сопровождаемый мелодичным перезвоном.

– Не позволяй пестрому наряду Арлекина одурачить себя, – с холодной улыбкой сказал лорд Тайрус. – На протяжении минувших десяти зим он оставался главным лазутчиком на службе пиратского братства Порт-Роула. Если вам надо незаметно что-то разноухать, лучших глаз и ушей не сыскать.

– Да, он неплохо притворяется, – выпрямилась в своем кресле Элена.

– Довольно уловок, – Эр'рил опустил меч, но не спешил убирать его в ножны. – Если он раздобыл какие-то сведения, пусть говорит.

– Раз человек железа просит, надо исполнять, – Арлекин держал монету, любясь игрой света на ее поверхности. – Вначале хорошая новость. Разрушив три эбеновых статуи, вы нанесли Черному Сердцу гораздо больший ущерб, чем могли себе представить. К тому же он потерял свою нежно любимую армию д'варфов. Теперь его поддерживают только люди и всевозможные чудища, которые защищают берлогу внутри вулкана.

– Арлекин потратил половину последней зимы на разведку Блэкхолла, – вмешался Тайрус. – Он составил карты и выяснил численность сил Темного Властелина.

– А как он пробрался туда? – проворчал Эр'рил.

– Прямо под носом командующего войсками Темного Властелина, – с вызовом ответил Арлекин. – Кажется, он ваш брат, да?

Покосившись на Эр'рила, Элена увидела ярость, вспыхнувшую в его глазах.

– Он мне не брат, – холодно ответил станидец.

– Ты был в самом Блэкхолле? – спросила Элена, желая сгладить напряженность.

Шутовская маска на миг слетела с Квэйла. Девушка сумела заметить в его глазах боль и тьму.

– Да, – прошептал разведчик. – Я прошел сквозь его чудовищные залы и погруженные во мрак казематы и заявляю – больше я туда не сунусь.

– Но, мастер Квэйл, – Елена подалась вперед, – ты упоминал о дурной новости?

– Да, есть и плохая новость, – Арлекин поднял руку и разжал кулак, в котором сжимал золотую монету. Теперь на его ладони лежал уголек. – Если вы вознамерились одолеть Черное Сердце, то должны успеть до кануна летнего солнцестояния.

– За один месяц? – нахмурилась Елена.

– Это невозможно! – усмехнулся Эр’рил.

Но Арлекин смотрел прямо на ведьму необычными золотистыми глазами.

– Если вы не остановите Черного Зверя до следующей полной луны, все мы погибнем.

Мерик бежал по палубам «Крыла бури». Он отталкивался от знакомых досок, перепрыгивал через релинги, переходя с уровня на уровень. А взгляд его неотрывно следил за небом. Там, в высоте, над утренней дымкой, виднелось крохотное темное пятнышко, которое стремительно и неотвратно снижалось. Это был один из элв’инских кораблей-разведчиков, возвращавшихся из похода в земли, окружающие Блэкхолл.

Что-то пошло не так...

Подбежав к бушприту собственного судна, Мерик вскинул обе руки и обратился к магии. Поток силы прошел через его тело и вырвался на свободу, устремляясь в небо, чтобы там влиться в стремительно пустеющий киль другого корабля. Мерик щедро напитал его своей силой, но судно продолжало падать в раскинувшийся вокруг А’лоа Глен океан.

Борясь с неотвратимым, принц чувствовал тяжесть чужого корабля, рушившегося вниз. Ему пришлось опуститься на одно колено в то время, как «Крыло бури» терял магическую силу и его несло к гавани.

Задыхаясь в борьбе с волшебными потоками, Мерик не собирался сдаваться.

«Помоги мне, Добрая Матушка!»

Теперь он смотрел двумя парами глаз: одна глядела вверх, а вторая – вниз. Выступая связующей нитью между двумя кораблями, принц чувствовал слабеющую волю капитана судна-разведчика, Фрелишии – его троюродной сестры по материнской линии. Она едва держалась на ногах, отдав, по всей видимости, последние силы, чтобы вернуть корабль в порт.

– Держись, кузина, – шептал Мерик ветру.

Его слова слышали. Через магическое соединение последние слова капитана достигли его разума: «Нас предали!»

С этими словами сердце, биение которого Мерик ощущал рядом с собой, сжалось в последний раз, а потом замерло навеки.

– Нет! – Элв’ин опустился на второе колено.

Мгновение спустя огромная тень стремительно промчалась мимо релинга правого борта. Поднялся столб воды вперемешку с изломанной древесиной, но принц слышал грохот крушения словно издалека. От причалов донеслись тревожные испуганные крики, но он шептал одно лишь слово:

– Предали...

Когда в порту тревожно зазвонил колокол, Ни’лан сидела в Большом внутреннем дворе Замка и следила за игрой детей. Ее пальцы замерли над струнами лютни.

На пристани что-то случилось.

В нескольких шагах от нее маленький Родрико опустил палку, изображавшую меч, и оглянулся на мать. Его противник в шуточном поединке – Шишон, девочка дри'ренди – задрала голову, услышав шум, и позабыла о своем игрушечном клинке.

Ни'лан вскочила на ноги, закидывая лютню за плечо, и задела при этом тонкий ствол коа'коны позади себя. Листва задрожала. Молодое деревце с трудом выдерживало тяжесть кроны и напоминало мальчика, связанного с ним.

– Родрико, уходи! – приказала Ни'лан сыну.

Мальчик все еще был неуклюжим и нескладным.

«Благодарение Доброй Матушке, первоначальный ускоренный рост приостановился».

Теперь и дерево, и мальчик будут взростеть постепенно.

– Шишон! Ты тоже! – добавила нифай. – Пойдите на кухню, посмотрите – не готова ли ваша овсянка.

Выпрямившись, Ни'лан прикоснулась босыми ступнями к плодородной почве у корней дерева и потянула из нее силу. Так она готовилась войти в каменные палаты замка. Чувствуя, что уходить не хочется, нифай продолжала напиваться силой корней.

В это время года сады Большого внутреннего двора находились в самом расцвете. Плющ, покрывавший стены, цвел крошечными белыми цветками. Землю под кустами кизила усеивали опавшие лепестки, а сами обрезанные кусты вдоль дорожек из светлого гравия покрывали красные ягоды. Но прекраснее всего были сотни розовых кустов, которые посадили прошлой осенью. Они распустились нежными розовыми, бордовыми, желтыми цветками. Казалось, даже морской ветерок обрел вещественность, наполнившись их чудесным ароматом.

Но не только красота удерживала здесь Ни'лан – двор хранил ее прошлое, настоящее и будущее. Лютня, вырезанная из сердцевины любимого дерева; юное деревце, выращенное из семени, связанного с ребенком; мальчик – последняя надежда народа нифай.

Вздыхнув, Ни'лан взъерошила выгоревшие на солнце кудри Родрико и взяла его за руку. Так много надежды в такой маленькой оболочке.

Шишон подбежала и протянула Родрико маленькую ладошку с перепонками между пальцами – знак связи между мореходами – кровавыми наездниками и обитателями океанских глубин мер'ай. Мальчик сжал ее руку. За минувшие месяцы эти двое детей, так отличающиеся от других, стали почти неразлучны.

– Пойдемте, проверим кухни, – Ни'лан повернулась и сделала шаг.

Но Родрико, казалось, прирос к земле.

– Мама, ты говорила, что я могу попробовать спеть Древесную Песню.

Ни'лан открыла рот, чтобы возразить. Ей хотелось узнать, что же случилось в гавани, но набат начал стихать.

– Ты обещала, – настаивал Родрико.

Нахмурившись, Ни'лан посмотрела на дерево. Да, она обещала. В самом деле, мальчику пришла пора научиться петь собственную песню, но нифай все еще не решалась позволить ему это.

– Я уже большой. И нынче ночью полнолуние!

Ни'лан не знала, что и ответить. Юные нифай всегда устанавливали связь со своими деревьями в первое полнолуние лета. Так дитя и семечко становились подростком и деревцем.

– Ты правда уверен, что готов, Родрико?

– Он готов, – ответила Шишон, глаза малышки излучали уверенность.

Ни'лан слышала, что девочка владела магией моря, могла предчувствовать будущее, скрывающееся за горизонтом. Дри'ренди называли эту способность – раджор мага.

– Ну, пожалуйста, мама, – просил Родрико.

Колокола в порту смолкли.

– Ты можешь попытаться, – строго сказала Ни'лан. – Но постарайся успеть на кухню, пока повар не рассердился.

Лицо мальчика просияло, словно солнце, выглянувшее из-за туч.

– Шевелись! – повернулся он к Шишон. – Мне нужно успеть подготовиться.

– Это тебе надо торопиться, – нахмурилась девочка, всегда отличавшаяся практичностью. – Если ты хочешь успеть, пока не закрылись кухни.

– Я не возражаю, – кивнула Ни'лан. – Но не расстраивайся, если в первый раз не получится. Может быть, следующим летом...

Родрико кивнул, хотя явно не слушал ее. Он подбежал к дереву и встал на колени. Его руки и ноги казались такими же тонкими, как молодые побеги. Настал миг, когда судьба их народа или обретет новую жизнь, или сломается окончательно. Родрико был первым мужчиной-нифай. Мальчик и дерево – единственные в своем роде – явились плодом союза дерева Ни'лан и охваченного порчей призрака – Цесилии. Кто знает, имеют ли над ними власть древние обряды, песни, законы произрастания?

Ни'лан затаила дыхание.

Прикоснувшись пальцем к коре, Родрико слегка расцарапал ее ногтем. Вытекла капелька сока, Древесная Песня, вырвавшись из сердцевины коа'коны, стала доступной для мальчика. Ни'лан слышала ее ушами и сердцем. Ее сын сейчас или проникнется песней дерева, или будет отторгнут. Она не знала, чего ей хотелось больше. Какая-то часть души нифай молила, чтобы мальчик потерпел неудачу, ведь у них было так мало времени – одна-единственная зима...

Родрико уколол палец о шип и выдавил капельку крови, а потом прижал раненый палец к поцарапанной коре.

– Пой, – шепнула Ни'лан. – Пусть дерево услышит твое сердце.

Он оглянулся со страхом в глазах. Мальчик ощущал значение предстоящего ритуала.

«Пой», – повторила Ни'лан мысленно.

И он начал петь. Рот его приоткрылся, мальчик выдохнул, и полилась чистая мелодия. Его голос звенел так, что даже солнце, казалось, поблекло. Вокруг потемнело, будто прежде времени опустились сумерки, но вокруг молодого деревца сохранился ореол света, который становился ярче и ярче.

В ответ развернулась песня самого дерева, как распускающийся навстречу солнцу бутон. Вначале нерешительно, потом все увереннее мальчик и коа'кона слили голоса в единой мелодии.

В этот миг Ни'лан поняла, что у Родрико все получится. Слезы хлынули из ее глаз, слезы потери и облегчения одновременно. Теперь возврата нет. Нифай ощутила всплеск стихийной магии от дерева и мальчика, они подпитывали друг друга, и трудно было сказать, где между ними граница.

Две песни слились в одну.

Ни'лан не помнила, как опустилась на колени. Древесная Песнь затопила мир. Никогда раньше она не слышала подобного могучего хора.

Зная, что сейчас должно произойти, она поглядела на тонкие ветви. Листья охватила дрожь, будто от сильного ветра. Кончик каждой веточки пульсировал Древесной Песнью и стихийной магией. Мальчик и дерево продолжали петь в унисон, их голоса звучали все громче, красивее, напряженнее и многообещающе.

Магия, пойманная в ловушку в каждом стебле, не имела никаких путей выхода. Кроме одного...

На конце веточек набухали бутоны, возвращенные магией и кровью. Благодаря союзу ребенка и деревца Древесная Песнь обретала жизнь.

Он – или они? – сумели это сделать.

Родрико задышался от радости и от боли.

Очень медленно Древесная Песнь затихала, словно теряя силы, истощаясь. Летнее солнце вновь озарило внутренний двор.

– У меня получилось, мама! – Родрико повернул сияющее от радости и гордости лицо. Его голос стал более глубоким и богатым, напоминая голос взрослого человека. Но он не был человеком, он – нифай. Мальчик вновь повернулся к дереву. – Теперь мы едины!

Но Ни'лан хранила молчание, не в силах оторвать взгляд от коа'коны.

«Что мы натворили? – думала она про себя. – Добрая Матушка, что мы наделали?»

Появившиеся на концах стеблей бутоны и вправду являлись следствием нового союза. Им предстояло открыться этой ночью, когда впервые за лето в небе появится полная луна. Но цветы Родрико не имели ничего общего с пурпурными цветами всех нифай. Появившиеся бутоны были окрашены в цвет запекшейся крови, черно-багровый, похожий на мрачные цвета призраков-гримов.

Ни'лан уткнула лицо в ладони и разрыдалась.

– Мама! – кинулся к ней Родрико. – Мама, что случилось?

А глубоко в подземелье, под внутренним двором замка, пробирался по узкому коридору Джоак. Целый месяц он разыскивал тайный проход. Большая часть туннелей, скрытых под твердыней, была разрушена, когда Рагнар'к пробудился от каменного сна. Джоак хорошо помнил тот день – как сам он едва живой вырвался из плена чародея Грэшима, как бежал вместе с братом Морисом, как сражался в пещере под островом. Хотя минуло всего две зимы, казалось, что эти события происходили столетия тому назад. Ведь он стал дряхлым старцем, его молодость похитили.

Иногда Джоак отдыхал, всем телом налегая на посох, сделанный из окаменевшего дерева, усеянного зеленоватыми кристаллами. Один конец посоха излучал слабое свечение, разгоняя тьму. Очень маленькая частица темной магии оставалась в этой жуткой штуковине.

Пальцы Джоака помимо воли сжимали посох, стремясь ощутить тонкую струйку остаточной силы. Кусок окаменевшей древесины достался ему как дар от мерзкой сделки с Грэшимом. За него Джоак заплатил юностью, став изможденной и дряхлой копией самого себя. Спускаясь теперь глубоко в недра острова, он чувствовал, как гранитная толща давит на его хрупкие плечи. Удары сердца отзывались в ушах. На то, чтобы спуститься по узкой длинной лестнице, ушло почти все утро.

«Осталось совсем немного», – утешал брат ведьмы самого себя.

Это сработало, и Джоак продолжил путь, молясь, чтобы тот зал, который он разыскивал, оказался неповрежденным. Добравшись до конца тоннеля, он культей правой руки раздвинул путаницу высохших корней, загоразивавшую проход. Они рассыпались от одного прикосновения.

Он выставил посох перед собой.

И увидел пещеру.

Хрипло вздохнув от облегчения, Джоак с трудом перешагнул порог. С потолка, подобно желтому и хрупкому болотному мху, свисали корни деревьев. Даже юное деревце Родрико, должно быть, протянуло свои корни сюда, в каменную могилу. Здесь царила смерть.

Но нарочитая мрачность принесла Джоаку некоторое утешение. Наверху, за стенами замка, летние дни казались ему слишком яркими, слишком зелеными и цветущими. А он теперь предпочитал тень.

Измученный, на дрожащих ногах, он пошел вперед. Пол пещеры устилала россыпь камней и высохшие трупы. Крошечные мохнатые зверьки разбежались во все стороны, задев блеклый свет посоха. Не обращая внимания на падальщиков, Джоак поднял посох

повыше. Стены покрывала копоть – напоминание о магическом огне – оружию Грэшима и Шоркана. словно древние письма, выведенные углями.

Если бы он смог их разобрать...

Джоак вздохнул. Сколько знаний все еще продолжало оставаться для него тайной за семью печатями. Минувшие два месяца он провел в уединении, скрываясь в книгохранилищах и прочих укромных уголках, где досконально изучал старинные книги и свитки. Если он хотел вернуть себе молодость, ему нужно было разобраться в той магии, которая ее отняла. Но он оставался простым учеником черного мага, слишком далеким от понимания истинной сути волшебства. Удалось найти лишь одну подсказку. Рагнар'к.

Прежде чем соединиться с Кастом, дракон спал долгие века в каменном основании острова, а будучи наполненным стихийной магией сна, отдавал часть ее окружающим скалам и их обломкам. Надежда на возвращение юности для Джоака заключалась в полном подчинении магии сна. Ведь именно в сонной пустыне он стал стариком и потерял еще нечто...

Он закрыл глаза, сосредоточившись на пульсации крови в жилах, которая слегка отдавалась в ушах.

«Кесла», – прошептал он пещере смерти.

Порождение сна, девушка в чем-то была подобна Рагнар'ку.

Раз боль и горечь утраты пришли к нему из сонной пустыни, возможно, исцеление следует искать там же. Именно эта призрачная надежда и влекла Джоака в глубокие пещеры под островом.

Он долго лелеял свой замысел.

Опираясь на посох, словно на клюку, Джоак ковылял по костям, обходил валуны. Хоть Рагнар'к и улетел отсюда давным-давно, за время его долгого сна каждый камень, каждый осколок пропитался магией. Джоак рассчитывал извлечь ее.

Как и Грэшим, он умел сплетать сны. Но в отличие от темного мага, Джоак был ваятелем снов, так как мог овеществлять сновидения. И если он хотел добраться до Грэшима и вернуть себе юность, ему предстояло отточить мастерство. Вот для этого Джоаку и требовалась магия. Он нуждался в силе снов.

Добравшись до середины пещеры, он медленно огляделся по сторонам, внимательно изучая помещение. Здесь чувствовался избыток силы. Довольный Джоак зажал посох сгибом изуродованной правой руки и обнажил кинжал. Держа рукоять в зубах, полоснул по левой ладони. Затем выплюнул оружие и поднял руку. Стиснув кулак, щедро окропил кровью каменный пол. Капли упали у его ног.

Подготовившись, Джоак прикрыл глаза и скользнул в мир снов. Темная пещера внезапно ярко осветилась, так как валуны и стены вспыхнули мягким светом остаточной эманации драконьей магии.

Тонкие губы Джоака скривились в улыбке.

Потянувшись к магии собственной крови, он привязал эту силу к себе, сливая магию и силу воедино, с помощью врожденного дара. Покончив с этим, перехватил посох окровавленной ладонью и поднял его над головой. Затем принялся медленно поворачиваться, втягивая магию в окаменевшую древесину. Джоак вертелся и вертелся, пока не закружилась голова, но не останавливался, пока последняя капелька силы не оказалась внутри посоха, а затем связал камень и магию.

Пока он трудился, посох, холодный на ощупь, дрожал от скрытой мощи. Кристаллы, разбросанные вдоль его поверхности, ярко блестели, хотя в пещере потемнело.

Вскоре вокруг Джоака сгустилась тьма.

Удовлетворенно вздохнув, он опустил посох и оперся на него, давая отдых слабым трясущимся ногам. Зеленоватые кристаллы горели во мраке. Плечи Джоака облегченно расслабились. У него получилось! Магия влилась в посох.

Теперь осталась самая малость – связать посох с собой, чтобы в полной мере обрести возможность управлять заключенной в камне силой. Одно лишь плетение снов здесь не могло помочь. Требовалось более изощренное колдовство, и он знал его – старинное заклинание, за которое следовало заплатить немалую цену, впрочем, как и за любые серьезные поступки. Но чего стоили несколько потерянных зим по сравнению с теми, что он утратил? Кроме того, он уже сталкивался с этим заклинанием, когда Елена «передылывала» старый посох Грэшима для брата. Итак, почему бы не попытаться? Почему не наложить заклинание на новый посох, наполненный силой снов, но теперь уже собственноручно?

Чтобы бросить вызов Грэшиму, Джоак нуждался в могущественном оружии и навыках его использования. Существовал лишь один способ добиться желаемой цели.

Нужно было сделать из посоха оружие крови.

Джоак приготовился, сосредоточившись на алой капле, сбегавшей по окаменелости. Заклинание было не таким уж и сложным – гораздо проще, чем вызывание огня, к примеру. Пугала цена, которую придется заплатить. Он хорошо помнил, как внезапно повзрослела Елена.

Но, раз уж начал, отступать нельзя. Не дожидаясь, пока ослабнет решимость, Джоак произнес заклинание, усилив его своей волей.

Действие волшебства сказалось немедленно. Он почувствовал, как часть жизни вырвалась из него, перейдя через кровь в посох.

Задыхаясь, Джоак упал на колени. Перед глазами мелькали пятна, но он заставил себя не уйти во тьму. Начал глубоко дышать, словно только что вынырнул. Наконец зрение прояснилось. Стены перестали кружиться в хороводе.

Положив посох на колени, Джоак посмотрел на руку, сжимавшую его. Как и в случае с Эленой, заклинание мгновенно пожрало годы. Ногти на пальцах отросли и загнулись, кожа сморщилась. Стоило ли содеянное такой жертвы?

Он поднял посох. Серый некогда камень сиял снежной белизной. Зеленые самоцветы, как и потеки запекшейся крови, резко выделялись на нем. С каждым ударом сердца кровь впитывалась все глубже в каменную древесину, сплавляя воедино посох и тело, приспособившая оружие под его хозяина.

Джоак с трудом поднялся на ноги. Когда Елена «передылала» старый посох Грэшима, ее брат ощутил себя полноценным бойцом, который един со своим оружием. Получится ли на этот раз? Сумеет ли он, как и рассчитывал, без ограничений использовать магию снов, заключенную в посохе?

Откинув полу плаща, он выставил наружу обрубок правой руки, кисть которой откусил кровожадный гном, сопровождавший Грэшима. Если бы Джоак мог исцелиться, то появилась бы надежда – не только для него самого, но и для всех. Приближалась великая война, и он не хотел оставаться в стороне вместе с детьми и старцами.

Джоак потянулся к силе посоха. Как только его культа коснулась камня, он обратился к магии – на этот раз не к плетению, а к ваянию.

Из обрубка запястья выросла призрачная кисть, сотворенная из тонких струек силы. Полупрозрачные пальцы сомкнулись на окаменелости. Ноги Джоака дрожали, но он использовал свою связь с посохом, чтобы зачерпнуть как можно больше силы сновидений. Очень медленно воображаемая рука обретала плотность, получая осязаемость благодаря желанию мага. Джоак смог ощутить ею шероховатость окаменевшей древесины, острые вкрапления кристаллов.

Теперь он держал посох в изваянной руке и даже смог его поднять. Через наколдованную кисть сохранялась их кровная связь.

Сон в самом деле стал явью!

Сила билась в нем. Темная магия и магия сновидений смешались и подчинились ему! Джоак вспомнил девушку с глазами цвета летних сумерек, и с его губ сорвалась беззвучная клятва мести. Он найдет Грэшима и заставит его сполна заплатить за кражу молодости и за ту, кого Джоак утратил в песках.

Опустив посох, он натянул на здоровую ладонь перчатку, а потом перехватил свое оружие защищенной рукой, разъединив плоть и каменное дерево. Едва только кровь перестала поступать в посох, он вновь стал из белого светло-серым. Теперь новая победа Джоака будет оставаться тайной.

Не стоило показывать всем подряд правую ладонь, изваянную из стихийной магии. Появятся любопытные, пойдут вопросы... Кроме того, сохранение волшебной ладони отбило очень много силы. Он взмахнул рукой в воздухе и распустил плетения. Кисть исчезла, словно потушили свечу. Она вновь стала сном.

Всем телом налегая на посох, Джоак побрел прочь из пещеры.

Еще придет пора открыть его тайну. А пока он решил хранить новое знание у самого сердца, рядом с памятью о девушке с волосами цвета красной бронзы и самыми нежными в мире губами.

Элена устроилась в кресле в своих покоях, рядом с камином, где к утру почти прогорели угли. Остальные тоже сидели или стояли у очага. Трое слуг принесли блюда с кружками кофе, овсяными булочками, яблоками, ломтиками сыра и наперченного бекона.

Эр'рил устроился за плечом девушки. Если бы Элена повернула голову, то прикоснулась бы щекой к его руке, сжимающей спинку кресла. Но еще не пришла пора просить у него защиты. Элена выпрямилась, руки в перчатках сложила на коленях и постаралась сделать бесстрастное лицо.

«Всего один месяц»...

Арлекин Квэйл замер у камина, глядя на угли, будто пытаюсь прочесть какое-то предсказание в их багровых, присыпанных пеплом огнях. Он теребил серебряный колокольчик, пришитый к камзолу, пока слуги не ушли.

Шум, поднятый в совете после ошеломляющей новости, достиг такой силы, что не могло быть и речи о спокойном обсуждении вопроса. Яростно кричащие, возмущенно пререкающиеся советники словно оглохли и не могли прислушаться к гласу рассудка из-за пережитого потрясения.

И вот тогда их отвлек тревожный набат. Вскоре принесли весть – корабль-разведчик эль'инов рухнул в море. Элена прервала военный совет.

– Где Мерик? – пробормотал Эр'рил.

– Он скоро придет, – ответила ведьма.

Словно в подтверждение ее слов раздался стук в дверь. Один из слуг впустил в комнату принца-эль'ина. Мерик поклонился собравшимся, окинув их быстрым взглядом.

Главный шкипер кровавых наездников восседал напротив Элены, длинная черная коса, подернутая сединой, свисала через плечо. Рядом стоял его сын, Хант, высокий и статный, татуировка в виде ястреба поблескивала в свете камина.

Еще одно кресло у камина занял мастер Эдилл, из мер'ай. Сухопарый старик с белыми волосами крутил кружку перепончатыми пальцами.

Мерик кивнул вождям поочередно, а потом его внимание привлек странный, ярко разодетый человечек, стоящий рядом с лордом Тайрусом.

Приподняв бровь, он обратился к Элене.

– Прошу простить меня за опоздание, – произнес эль'ин с холодной учтивостью. – Потребовалось время, чтобы отдать распоряжения в гавани.

– А что произошло? – спросила девушка, кивнув. – Мне донесли, что разбилось судно.

– Корабль-разведчик возвращался с севера. Капитаном на нем была моя кузина.

Хотя лицо Мерика сохраняло присущую ему невозмутимость, Элена заметила искру горя в его глазах и дрогнувшие губы. Еще одна утрата. Вначале погиб в пустыне брат Мерика, затем мать отдала жизнь, чтобы могли спастись последние беженцы из Стормхейвена, их родного города. Теперь народ элв'инов рассеялся кто куда, а Мерик по праву рождения, как последний член королевского рода, обязан был принять на себя бремя короны. За глаза его давно уже звали королем, но он пока отказывался принять титул. «Только после воссоединения моего народа», – заявил он излишне нетерпеливым. И вот еще одна смерть.

– Я сожалею, Мерик, – вздохнула Элена. – Эта война больно бьет по всей Аласее.

– Тогда, быть может, – проворчал главный шкипер со своего места, – нам следует дать бой, пока нас не ободрали до последней нитки?

Элена знала, что дри'ренди так и норовят направить свои могучие корабли к Блэкхоллу, но не стала заострять внимание на словах главного шкипера, продолжая разговаривать с Мериком.

– Что случилось с кораблем твоей кузины?

– Прямо сейчас, – ответил он, глядя в пол, – Сай-вен и Рагнар'к обследуют место крушения.

Девушке показалось, что Мерик что-то недоговаривает.

– Что случилось? – повторила она.

Синие глаза элв'ина сверкнули из-под серебристой челки.

– Я разговаривал с Фрелишей, когда судно падало. За миг до смерти моя кузина послала предупреждение о предательстве.

– Предательство? – переспросил Эр'рил, и Элена почувствовала, как пальцы воина равнин, сжимающие спинку кресла, напряглись. – Что это значит?

– Она умерла, не успев разъяснить, – покачал головой Мерик.

Элена обернулась к Эр'рилу – в его серых глазах плескалась тревога, но самообладания советника хватило, чтобы кивнуть, ободряя ее.

От камина послышался голос мастера Эдилла:

– Надо ли понимать сообщение твоей кузины так, что в нашем окружении завелся изменник?

Элена пристально посмотрела на разодетого, как павлин, чужака. И ее взгляд не был единственным. Человечек стоял к ним спиной, но лорд Тайрус заметил подозрительность соратников.

– Я ручаюсь за Арлекина Квэйла! – воскликнул он, расправив плечи.

Но мастер Эдилл вроде бы не слышал слов пирата. Он вглядывался в темные глубины кружки.

– Сразу два сообщения с севера в один день. В одном – намек, что следует действовать стремительно, а второе – просьба соблюдать осторожность и предупреждение о возможном изменнике в наших рядах. Слишком странное совпадение, чтобы поверить. Быть может...

Звон колокольчиков прервал речь предводителя мер'ай. Арлекин Квэйл повернулся и теперь стоял лицом к лицу с остальными. На бледных щеках вспыхнул румянец, золотистые глаза сверкнули.

– Быть может?! Да у вас нет никакого выбора! Вы или бросите все силы на битву с Черным Зверем Гал'готы до летнего солнцестояния, или погибнете все!

Глаза мастера Эдилла расширились от ярости, но главный шкипер расхохотался, будто гром загрохотал.

– А мне нравится огонь в сердце этого малыша!

Лорд Тайрус выступил вперед, возвышаясь над Квэйлом.

– Не судите о человеке по внешности, – сказал он. – Вы обидели отличного парня, усомнившись в его словах. Когда я только притирался к пиратскому братству Порт-Роула, то

мог доверять лишь Арлекину. Его словам и его сердцу. – Тайрус опустил ладонь на плечо разведчика. – Он рисковал всем, чтобы выведать тайны и подробности обороны, возводимой Темным Властелином против нас. Ну, хорошо, вы усомнились в нем, незнакомом вам человеке, который, словно шут, увешан дурацкими колокольчиками, но как вы могли усомниться во мне?

– Я не хотел никого оскорбить, – протянул мастер Эдилл. – Но в это страшное время я готов подозревать даже собственного брата.

– Тогда мы проиграем войну прежде, чем начнем ее. Как можно рассчитывать на победу, когда нет доверия между соратниками? Даже пираты доверяют своим товарищам по кораблю.

– А как же тогда предупреждение о предательстве от кузины Мерика? – спросила Елена.

– Пусть не обижается принц, – Тайрус повернулся к элв'ину, – но слова его кузины – пустой звук для меня. – И добавил, глядя в глаза Элене: – Пока мы не выработали четкий порядок действий, я отказываюсь пялиться на всех и каждого с подозрением.

– Когда я ступил на эти берега, – ко всеобщему удивлению, кивнул Мерик, и тень улыбки осветила его лицо, – я тоже с подозрением относился ко всем и ко всему. Но жизнь показала мне, что я был не прав. Я видел, как друг превратился во врага, а потом сумел вернуть себе доброе имя.

– Крал, – догадалась Елена.

– Я согласен с лордом Тайрусом, – продолжал Мерик. – Пока мы не выясним наверняка, о чем же предупреждала меня кузина, нужно жить с открытым сердцем. Утратив доверие друг к другу, мы потеряем все.

Элена вдруг поняла, что смотрит прямо в золотистые глаза Арлекина.

– Тогда, мастер Квэйл, расскажите нам, что вы разузнали.

Все лица повернулись к человеку.

– Пока вы сидели здесь, зализывая раны, – медленно проговорил он, – Черный Зверь трудился как пчела в своем логовище под вулканом. И хоть вы слегка расстроили его замыслы, уничтожив врата Вейра, даже не надейтесь, что вам удалось заставить его отказаться от поставленной цели.

– И какова же она? – спросил Эр'рил.

– Наконец-то ты решил пораскинуть мозгами, старый рыцарь. С тех далеких времен, когда Темный Властелин впервые появился на ваших берегах, выскочив, как пробка из бутылки, из своего огненного вулкана, вы старались изгнать его. Относились к нему как к захватчику, с которым нужно расправиться.

– Ну... – усмехнулся стэндиец. – А что бы ты делал на нашем месте? Принял бы его с распростертыми объятиями? Пригласил на праздничный ужин?

– О, я бы посетил такой пир хотя бы из любопытства, – хохотнул Квэйл. Затем, изящно склонившись, подхватил кружку кофе с подноса. Его голос вдруг стал слащавым до неузнаваемости. – Еще печенья, мастер Черное Сердце? А может, ложечку сливок? – Он выпрямился, в глазах его сверкало злое веселье. – Очень может быть, что подобный ужин положил бы конец векам кровопролития.

Элена почувствовала, как напрягся Эр'рил, и заговорила, не давая ему выплеснуть гнев:

– Мастер Квэйл, во имя всего святого, что ты говоришь?!

– Говорю, что вы никогда не выгоните Черного Зверя Гал'готы со своих берегов, – он поставил кружку на каминную полку. – Никогда!

– Наше войско вышвырнуло его из А'лоа Глен, – проворчал главный шкипер.

Арлекин подскочил к дри'ренди, которому едва доставал макушкой до груди.

– Вышвырнули его военачальников, кривляк-полулюдей с манией величия, но не Черного Зверя. И тем не менее вы потеряли почти половину своего войска.

Внутри себя Элена почувствовала холодок под ложечкой. Этот удивительный человек говорил правду.

– По сравнению с Блэкхоллом, – продолжал Арлекин, – этот остров не больше, чем затычка в бочке. Кто-нибудь из вас видел Блэкхолл?

– Я видел с опушки Каменного Леса, – ответил Эр’рил.

– У нас есть карты, рисунки, планы глубин, – добавил Хант.

– Планы глубин? – разведчик покачал головой и оглянулся на Тайруса, словно призывая его в свидетели глупости юного дри’ренди. – Я вступил в залы Блэкхолла в образе шута, весельчака, призванного развлекать тех, кто обитает на верхних уровнях этой пустотелой горы. Там больше пяти тысяч залов и зальчиков, коридоры тянутся на целые лиги, и на каждом повороте тебя ждет ужасающая неожиданность. Так послушайте меня! То, что ты, Эр’рил из Станди, видел со своей опушки... То, что ты нанес на карты, капитан Хант... Это – ничто. – Арлекин взмахнул щегольской шляпой. – Это просто верхушка истинного Блэкхолла. Ниже уровня моря скрыто в три... нет, в четыре раза больше, чем видно над волнами. – Он обвел взглядом собравшихся. – Блэкхолл – не остров, который можно осадить. Это целая держава внутри земли, населенная людьми, искаженными порчей, ревущими чудовищами и темными чародеями. Вот с чем вы столкнетесь.

Тишина повисла в комнате.

Ее нарушил звон серебряного колокольчика, одного из сотен, украшающих наряд Квэйла.

– Я хочу помочь вам, чем могу, – он повернулся к Ханту. – Самые точные карты, самые подробные рисунки оборонительных укреплений. А все потому, что даже в таком ужасном месте, как Блэкхолл, маленького человека, валяющего дурака, всюду пропускают беспрепятственно. Но даже я, со всеми своими навыками, сумел проникнуть лишь на самые верхние уровни этой отвратительной твердыни, словно воробей, скачущий по черепичной крыше. Поверьте этим словам, если не хотите верить другим, – вам никогда не одолеть Блэкхолл. – И он снова оглядел собравшихся.

Элене показалось, что свет померк в ее глазах.

– Тогда зачем ты советуешь нам кинуться навстречу гибели в полнолуние, – возмутился мастер Эдилл, – если все, что нас ждет, приведет к поражению?

– Потому, что иногда проиграть сражение – не самый худший выход, – вздохнул Арлекин.

– А что может быть хуже? – напрягся главный шкипер.

Квэйл посмотрел на предводителя дри’ренди, словно тот был зеленым малолеткой.

– Гибель мира.

Зазвучали возмущенные голоса, но их остановил лорд Тайрус:

– Выслушайте, что он предлагает!

Но Арлекина, похоже, гневные возгласы не волновали.

– На протяжении многих столетий Аласея сражалась, чтобы прогнать Черного Зверя со своих берегов, – продолжал он. – Ваши древние волшебники отдали магию своей крови до последней капли, пытаясь добиться успеха. Армии разбивались об эту землю, пока по ней не потекли алые ручьи. Пять веков все восстания сокрушались черным кулаком. За что вы боролись?

– За свободу нашей земли! – прорычал Эр’рил. – Чтобы изгнать подлого захватчика!

– А задавались вы вопросом – зачем?

Эр’рил открыл было рот, чтобы ответить, но брови его сошлись на переносице.

– Что ты хочешь сказать? – резко бросил он.

– Почему Черное Сердце появился сюда? – Арлекин облокотился о каминную полку. Стандиец хмурился все сильнее. – Вам потребовалось пятьсот зим, чтобы выяснить – Черное Сердце вовсе не порождение Гал’готы, а огр, предок вашего друга Тол’чака.

– К чему ты ведешь?

– Вы не знаете своего врага. И никогда не знали. Блэкхолл представляется вам островом, и вы понятия не имеете о скрытых под ним глубинных уровнях. И с хозяином острова та же история. Вы ничего о нем не знаете. Почему этот огр покинул ваши края в незапамятные времена? Зачем он явился к д’варфам? С чего бы это он вернулся с победоносной армией, вооруженный изощренной магией? Как сумел сохранять свою власть над вашими землями столько зим? Почему он разместил врата Вейра в точках сосредоточения стихийной магии в разных местах Аласеи? – Арлекин пристально смотрел на них, золотистые глаза его не мигали. – Что ему здесь нужно?

Повисла гнетущая тишина, которую нарушило покашливание Эр’рила.

– А что ему нужно?

Арлекин подпрыгнул, перекувыркнулся в воздухе и приземлился рядом с воином равнин, нацелив ему в лицо указательный палец.

– Ну, наконец-то! Не прошло и пяти сотен зим, как кто-то спросил!

Эр’рил отвел его руку.

– Так зачем он пришел сюда? – проговорила Елена с места.

– Добрая Матушка! Откуда же мне знать? – пожал плечами разведчик. – Я имел в виду, что кто-то должен был задать этот вопрос.

– Ничего не понимаю, – нахмурилась девушка.

– А никто из вас не понимает. И пока так продолжается, Черное Сердце обладает властью.

– Теперь, когда ты отругал нас за слепоту, – мастер Эдилл выпрямился в кресле, – может, объяснишь толком, почему мы должны спешить?

– Под полной луной, в канун летнего солнцестояния, – оглянулся на него Арлекин, – Черное Сердце исполнит то, что намеревался совершить все минувшие столетия. Хотя уничтожение врат Вейра несколько помешало ему, остались одни последние врата. И он их использует, чтобы закончить то, что начал.

Элена вспомнила, как оказалась в ловушке внутри Вейра, где убедилась воочию, что четверо врат высасывают стихийную магию из самой земли.

– Он стремится истощить стихийную магию сердца земли... – сказала она. – Но зачем?

– Ну да... Зачем, зачем... – Квэйл напялил шляпу на макушку. – Это отличный вопрос. Вы учитесь, моя маленькая птичка. В самом деле, зачем? – Он пожал плечами и подмигнул. – Понятия не имею. Зато я знаю ответ на другой вопрос.

– И на какой же?

– Не зачем, а где... – погрозил он пальцем.

– Где? – моргнула порядком озадаченная Елена.

– Где Темный Властелин намерен действовать. Вот почему я стремглав унес свою задницу из черных залов Блэкхолла. Я знаю, когда он приступит к осуществлению замысла, – в следующее полнолуние. И я знаю где!

– Где? – подался вперед Эр’рил.

– А вы не догадываетесь? – Арлекин смотрел в пустоту между Эр’рилом и Эленой.

– Может, хватит задавать вопросы? – стандартно опустил ладонь на рукоять меча.

– Речь истинного воина, – вздохнул Арлекин. – Да, именно такой подход к борьбе и завел нас в тупик. Разве ты не слушал меня? Вопросов никогда не бывает слишком много.

Элена все еще сидела на кресле, замерев в раздумьях. Одни последние врата... Виверн, изваянный из эбенового камня... Когда она видела статую последний раз, виверна везли на судне... Судно направлялось... направлялось...

– О, Добрая Матушка! – охнула она, внезапно обнаружив разгадку. – Врата виверна везут в мой родной город! В Уинтерфелл!

– Боюсь, у меня есть худшая новость, чем эта, – печально кивнул Квэйл. – Черное Сердце не сидел сложа руки, пока вы готовились – составляли карты, замеряли глубины моря...

– Что ты хочешь сказать? – Эр’рил взял Элену за плечо, желая поддержать ее.

– Я видел краем глаза письмо, полученное из этих краев, которое прислал полководец Темного Властелина, Шоркан, – слова Арлекина сопровождало жалобное позвякивание колокольчиков. – Врата Вейра не везут в Уинтерфелл. Они уже там.

Глава 2

Сай-вен тесно прижалась к шее дракона, мчавшегося в морских глубинах по широкой дуге, завалившись на одно крыло, покрытое эбеново-черной чешуей. Ее темно-зеленые волосы, похожие по цвету на буйную чащобу водорослей, шевелили струи воды. Океанское дно вокруг А'лоа Глен покрывали коралловые рифы, шевелящиеся анемоны и плотные заросли морской травы. Стайки юрких рыбешек и отсвечивающих креветок разбегались при появлении огромного дракона. Сай-вен прикрыла глаза прозрачными внутренними веками, чтобы напор воды не мешал смотреть по сторонам.

«Справа от тебя, Рагнар'к», – мысленно обратилась она к великану.

«Вижу, моя родная... Держись крепче»...

Сай-вен почувствовала, как приподнялись чешуйки, чтобы она не соскользнула с холки дракона, а потом Рагнар'к круто повернул вправо, едва не запрокинувшись брюхом вверх. Женщина чуть не завизжала от восторга, ощутив обнаженной кожей напор воды, перекачивающиеся мускулы на холке могучего зверя, которую она сжимала ногами, увидев расплывшиеся растения и кораллы. Ее радость передалась дракону, а потом вернулась обратно, окрашенная его чувствами: запах водорослей, привкус крови недавно убитой акулы, звучные крики других драконов в глубине, где несли дозор гигантские левиафаны.

Мер'ай сосредоточилась на цели их путешествия – там впереди в прозрачной воде клубилось облако ила. Элв'инский корабль, который вела кузина Мерика, должно быть, ударился со страшной силой, раз обломки разлетелись по песку так далеко. Она тихо приказала Рагнар'ку проплыть вокруг замутненного пятна, перед тем как нырнуть в него.

Дракон плавно огибал место трагедии, постепенно сужая кольца. Железный киль судна пробороzdил на дне глубокую канаву. На поверхность вынырнуло всего ничего – несколько сундуков, обломок мачты и какие-то доски. Оставшиеся части разбитого корабля покоились на дне.

Как только Мерик обратился за помощью к мер'ай, Сай-вен покинула левиафана, где гостила у матери вместе с Кастом. Она не знала наверняка, что искать, но решила попытаться найти хотя бы тело кузины Мерика, чтобы похоронить ее по обычаям народа элв'инов. Не слишком приятное поручение, но уклоняться от него стыдно.

К тому времени, как Рагнар'к достиг противоположной стороны грязевого облака, стала видна корма корабля – течение постепенно сносило ил дальше в океан. Корабль лежал, опрокинувшись на правый борт. Его киль, выкованный при помощи магии бури, был едва различим в полумраке. Когда суда элв'инов летели по воздуху, их кили сияли, словно медно-красный закат. Но теперь волшебство ушло, осталось лишь холодное и тусклое железо.

Рагнар'к, сложив крылья, скользил над обломками, извиваясь как змея. Крупная серая каменная акула устремилась прочь, едва завидев тень приближающегося дракона.

Не обращая на нее внимания, Сай-вен во все глаза рассматривала разрушенный корабль. Его корпус от удара раскололся напополам. Мачты сломались, а паруса, которые удерживал такелаж, трепетали в потоках воды, будто призраки.

«Что же произошло?» – спросила она саму себя.

Но ее мысли разделял дракон.

«Странно пахнет, – прошептал он. – Плохо. Давай уйдем».

«Нет, мой милый великан. Нам нужно разобраться».

Она уловила не только слабый отголосок его тревоги, но и согласие дракона.

«Я должна посмотреть поближе. Ты можешь доставить меня поближе к разбитому корпусу?»

Вместо ответа Рагнар'к изогнулся и опустился ниже, подплыв точно к пересекавшей борт трещине. Его брюхо и лапы, коснувшись дна, подняли клубы ила.

«Теперь ты уйдешь?» – спросил дракон раздосадованно.

«Я должна. Ты же знаешь».

«Да, знаю. Мое сердце будет скучать по тебе».

Сай-вен ощупала пузыри с воздухом и гарпуны, привязанные за спиной. Довольно кивнув, высвободила ноги из сжимающих их драконьих чешуй.

«Не бойся, любимый. Ты всегда остаешься в моем сердце».

Она ощутила ответное теплое чувство дракона.

«Скоро увидимся».

Женщина выплюнула трубку, которая связывала ее с воздушными запасами Рагнар'ка, и позволила течению унести себя с драконьего заливка. Едва ее тело соскользнуло с чешуи, море забурлило, закружилось водоворотом, вздымая ил и песок со дна. Темная тень ниже ее вращалась и уплотнялась. Сай-вен загребала руками, чтобы удержаться на месте в мощном потоке, и выжидала.

Именно к Сай-вен обратились с просьбой изучить разрушенный корабль, потому что у нее был свой собственный знаток всего, что касалось кораблей и кораблекрушений.

Из мутного водоворота вдруг вынырнул обнаженный Каст, отчаянно вращающий глазами. Улыбаясь, она подплыла ближе. Темные волосы кровавый наездник, по обыкновению, стягивал на затылке веревочкой, но сейчас они развевались в воде вокруг его лица. Татуировка, изображавшая дракона, четко выделялась на шее и щеке. Их глаза встретились. Хотя они не могли разговаривать мысленно, но Сай-вен ощутила знакомое теплое чувство. Оба они разделяли старинную магию.

Каст подплыл к ней и обхватил длинными руками за талию, заглядывая в глаза. Прожив настолько долго бок о бок с мер'ай, он чувствовал себя в море почти так же непринужденно, как и она. Сай-вен протянула ему наполненный воздухом бурдюк, но Каст отыскивал своими губами ее. Они слились в поцелуе.

Но не в таком долгом, как ей хотелось бы. Кровавый наездник не мог задерживать дыхание настолько, насколько истинные мер'ай.

Взяв из рук Сай-вен бурдюк с воздухом, Каст откусил заклеенный смолой наконечник и дважды вдохнул. После этого он показал жестом, что все в порядке. Тогда она проделала то же самое со вторым бурдюком и указала на треснувший корпус эль'инского судна. Сделав несколько гребков, они поравнялись с разломом и погрузились в полумрак трюма. Каст стиснул ладонь Сай-вен. В холодной воде его рукопожатие согревало, как угли костра.

Вдвоем они скользили между оскаленными клыками уродовавшей корпус дыры. Эль'инский корабль-разведчик не отличался большими размерами – едва ли вдвое длиннее дракона. В носовой части располагались три каюты и маленький камбуз, а все пространство со стороны кормы занимал грузовой трюм.

Взмахом руки Каст показал, что собирается исследовать помещения на носу корабля. Сай-вен кивнула. Они обсудили план поисков заранее, еще в левиафане. Поскольку тело кухни Мерика не всплыло, возможно, оно зацепилось за что-то при крушении.

Сай-вен сняла с перевязи один из двух коротких гарпунов и передала его Касту. Она помнила о каменной акуле, шныряющей неподалеку. Потом женщина высвободила свой гарпун и резко встряхнула два шара размером с кулак, прикрепленные к его древку. Туго скрученные морские водоросли вспыхнули гнилостным зеленым светом, озаряя выступающие внутри бортов судна шпангоуты.

Каст последовал ее примеру, а потом, отсалютовав гарпуном, поплыл к носу корабля. Как они и договорились заранее, Сай-вен должна была отправиться на корму.

Она долго разглядывала груды ящиков и бочек, заполнивших трюм. Некоторые всплыли и болтались над головой. Другие оказались достаточно тяжелыми, чтобы лежать, скатившись по наклонной палубе к борту. Дальний конец помещения скрывался в темноте – света водорослей, прицепленных к гарпуну, не хватало, чтобы разогнать мрак во всем трюме.

Оглянувшись, женщина увидела только ноги Каста, мелькнувшие в люке, и отправилась на разведку мрачного отсека в одиночку. Держа гарпун перед собой, она обогнула распорку и скользнула между беспорядочно сваленных припасов. Может, какая-то подсказка к разгадке печальной судьбы корабля-разведчика кроется среди этих сундуков? Сай-вен поплыла неторопливо, старательно пытаясь разглядеть что-либо подозрительное.

Оттолкнув с дороги гарпуном плавающую корзину, она потревожила большую морскую черепаху, которая покосилась на девушку с нескрываемой обидой и, загребая лапами, отправилась восвояси.

Сай-вен проникала в трюм все дальше.

Вскоре она заметила под собой несколько рядов маленьких бочонков. Каждый размером не больше человеческой головы и необычной формы – овальные. Больше всего они походили на крупные яйца. Но удивительнее всего был их цвет: насыщенно-черный, эбеновый, как сама тьма, будто они поглощали свет без остатка, а не отражали его. Охваченная любопытством, женщина подплыла ближе и увидела на каждом бочонке серебристые полоски, разбегающиеся, словно трещины на скорлупе.

Приблизившись почти вплотную, Сай-вен вдруг осознала, что же она нашла. Добрая Матушка! В испуге она забила ногами и отскочила к борту, ударившись об него спиной. Лишь бы подальше от этой мерзости! Сердце защемило, холод океана, казалось, проник до мозга костей. Оглядевшись по сторонам, Сай-вен увидела множество таких яиц. Наверняка больше сотни.

Глаза ее широко распахнулись от ужаса.

Это был эбеновый камень. Яйца, сделанные из эбенового камня!

Оттолкнув с пути плавающий сундук, Сай-вен кинулась к разлому, отыскивая взглядом сияющее в вышине солнце, чьи лучи проникали сквозь толщу морской воды. Она пыталась почерпнуть силу из яркого света, очиститься от увиденного.

Что-то прикоснулось к ее плечу.

Сай-вен завизжала, выпустив изо рта трубку и наглотавшись воды. Крепкие руки подхватили ее и развернули. Прямо перед собой она увидела озабоченное лицо Каста, которое помогло ей справиться со страхом быстрее любого солнца.

Бросив свой гарпун, кровавый наездник поймал уплывающий бурдюк и поднес трубку к губам девушки. Сай-вен с благодарностью приняла помощь, выплюнула воду и с наслаждением втянула воздух. Готовая разрыдаться, она прижалась к Касту и уткнулась лицом ему в грудь.

Он держал ее, пока не утихла дрожь.

Несколько раз глубоко вздохнув, мер'ай пришла в себя и освободилась из объятий любимого. В ответ на ее вопросительный взгляд Каст покачал головой. Тело кузины Мерика он так и не сумел найти. Зато, подняв левую руку, он показал Сай-вен толстую книгу. Скорее всего, корабельный журнал. Женщина кивнула. Если вода не повредила страницы, то, возможно, они смогут прочесть их. Может быть, станет понятно, каким образом судно наткнулось на страшный груз.

Закусив губу, Сай-вен вцепилась в Каста и потащила его в глубину трюма. Он должен увидеть ее находку. Кровавый наездник поймал плавающее оружие и последовал за ней в лабиринт корзин и сундуков. Во второй раз женщина очень быстро отыскивала гнездо странных яиц.

Каст выглядел таким же напуганным, как и она. Он хотел подплыть поближе к находке, но Сай-вен удержала его. Она опустила светящиеся шары пониже и почувствовала, как напрягся Каст, пораженный догадкой. Когда он оглянулся, в его темных глазах можно было прочесть потрясение и страх.

Воспротивившись настойчивой попытке подруги оттащить его подальше, Каст снял с пояса Сай-вен сплетенную из водорослей небольшую сеточку, в которую мер'ай обычно складывали морские раковины и прочую снедь. Передав женщине гарпун и корабельный журнал, он встряхнул сеть, расправляя ее. Сай-вен догадалась, что он хочет сделать.

Она вцепилась в запястье кровавого наездника, хотя в душе знала, что он прав. Им придется взять с собой хотя бы одно из ужасных яиц. Нужно показать его друзьям, тщательно изучить и попытаться предугадать грозящую опасность.

Поэтому Сай-вен лишь взглянула Касту в глаза, умоляя его быть осторожным. Он понимающе кивнул.

Одно из яиц лежало в стороне от прочих. Каст накрыл его сетью, а потом подцепил снизу, не рискуя прикасаться к эбеновому камню руками.

Махнув подруге, чтобы та плыла вперед, он медленно попятился.

Прижимая к груди книгу, Сай-вен стремительно покинула разбитое судно, оказавшись в светлых водах.

Там она остановилась и, обернувшись, подождала Каста. Закинув гарпуны за спину, она раскинула руки, паря в воде, как птица. Кровавый наездник понял ее и кивнул. Да, они должны как можно скорее доставить свои находки в замок.

Каст поравнялся с подругой, передал ей ношу. Как ни противно было Сай-вен брать сетку с эбеновым камнем, она знала – выбора нет. Держа журнал и сумку в одной руке, она протянула вторую любимому. Перехватив ее пальцы, он приник к ним губами. Его поцелуи обжигали даже под водой.

Каст притянул Сай-вен к себе, одна его нога скользнула между ее ног. Он будто выдавливал весь страх из подруги своими могучими руками. Задыхаясь, она заглянула ему в глаза и прочитала в них любовь.

Наконец она прикоснулась свободной рукой к его щеке, там, где кожу украшало изображение дракона. Каст выгнулся, будто от боли или удовольствия.

«Ты нужен мне», – мысленно произнесла Сай-вен.

Мир рядом с ней взорвался. Песок взвихрился смерчем. Она закружилась, между ее колен, наполняясь мускулами и магией, возник дракон, раскинувший крылья. Его рев кувалдой ударил по ушам. Сай-вен вцепилась в огромного зверя железной хваткой.

«В замок, Рагнар'к! Скорее!»

Мысли и чувства дракона смешивались с ее собственными.

«Как прикажешь, моя родная!»

Вокруг ее щиколоток сомкнулись теплые пластины чешуи. Дракон заботился, чтобы напор воды не сбросил всадницу.

«Поспешим же, мой милый гигант!» – она прижалась к его шее.

Словно стрела, слепленная из мускулов и мощи, Рагнар'к рванулся вверх, к размытому диску солнца. Сжимая в кулаке плетеную сумку с находкой, Сай-вен терзалась сомнениями – не лучше ли было оставить яйцо на морском дне?

Но вот дракон и его всадница вырвались из воды. Вдалеке на морской глади и над ней виднелись корабли. За ними левиафаны выбрасывали к небу фонтаны, пополняя запасы воздуха. Целый мир ждал их, и возможные опасности следовало встречать лицом к лицу.

Рагнар'к завалился на одно крыло, разворачиваясь по направлению к острову и возвышающейся на нем твердыне А'лоа Глен – последнему оплоту свободы в темном мире.

Мельком глянув на покоящийся в сетке груз, Сай-вен вновь спросила себя – что же за ужас они извлекли из водяной могилы? Потом вспомнила чудовищную кладку черных яиц в трюме и вздрогнула.

Неважно, что за зло там таится, его следует остановить.

– Уинтерфелл... – прошептала Елена.

Эр'рил смотрел на пораженную известием девушку. Как ему хотелось обнять любимую и стереть тревогу с ее лица. Она, казалось, погрузилась в воспоминания о детстве, которое закончилось слишком рано. Изумрудно-зеленые глаза потемнели, будто она вглядывалась в нечто далекое-далекое, в закоулки памяти. Он попытался представить ту маленькую девочку, которую впервые увидел на мостовой Уинтерфелла. И ему тоже показалось, что это было ужасно давно.

Внезапно взгляд Элены остановился на нем. Что она видела? Старика, скрывающегося под маской молодого мужчины? Что он мог предложить ей? Он отказался от бессмертия ради этой маленькой девочки, взвалив все заботы о будущем Аласеи на ее хрупкие плечи. Воину вдруг захотелось рухнуть на колени и молить о прощении.

Но вместо этого он продолжал быть тем, кем был. Рыцарем, советником, защитником... и, в какой-то мере, супругом. Согласно обычаю эль'инов, они стали мужем и женой и перестали скрывать чувства, переполнявшие их... Но, впусив любовь в сердца, они еще не допускали телесной близости. Хотя Эр'рил желал ее, он все еще не мог переступить огромную разницу в возрасте, разделявшую их. Для него Елена по-прежнему оставалась ребенком в теле женщины. Так же, как и он оставался стариком в теле молодого мужчины. Преодолеть это различие им должны были помочь нежные прикосновения, взгляды, мимолетные поцелуи.

– Эр'рил, – голос Элены вернул его к действительности, к выбору, который предложил им ехидный шут в разноцветной одежде с колокольчиками, – мы не можем так просто отмахнуться от того, что поведал нам Арлекин Квэйл. Когда мы последний раз видели врата виверна, их везли в Уинтерфелл. Я не могу представить, каким образом темный огр хочет добиться успеха, располагая всего одними вратами Вейра, но его надо остановить.

– Вне всякого сомнения, – кивнул стэндиец. – Но как?

– Мы уже разрушили трое врат, – пояснила ведьма. – Уничтожим и эти. Врата виверна – последний запор, который удерживает Чи в темнице. Разобьем их, и Чи освободится. Темный Властелин из Блэкхолла лишится своей силы. – Воин поморщился. – Так сказали духи.

Он не был столь уверен. Во время последнего полнолуния Елена и Эр'рил долго беседовали с духами Кровавого Дневника: тенью тетушки Филы и духом Чо. Пять веков тому назад брат Чо, которого звали Чи, угодил в ловушку из четырех врат Вейра. Трое врат им удалось разрушить, и никто не мог понять, почему Чи все еще в плену. Эр'рил склонялся к выводу, что дело тут вовсе не во вратах.

– Как можно полностью полагаться на мнение духов, если мы не уверены, что они знают истину?

– Духи, шлюхи или шуты... – проговорил Арлекин, стоящий у камина. – Какое это имеет значение? Я читал послание Шоркана его помощникам. Он заявлял, что к кануну летнего солнцестояния с миром будет покончено. Могу даже по памяти пересказать его последние слова: «А в канун и ведьма, и весь мир сгорят на костре, разожженном Повелителем». – Он пожал плечами и скусил заусенец на пальце. – Ну, уж не знаю... Меня это напугало, признаюсь.

– В самом деле, предельно откровенно, – откашлялся Мерик.

– А вдруг это ловушка? – заметил Эр'рил. – Чтобы выманить Элену... Или чтобы заставить нас начать действовать, не подготовившись как следует.

– Или уловка, чтобы разделить наши силы, – лицо главного шкипера сморщилось так, будто он отведал гнильи.

Несколько мгновений все молчали, обдумывая возможные ответы.

– Я не могу отмахнуться от угрозы, которую несут врата Вейра, – сказала Елена. – Ловушка это или нет, мы обязаны разрушить последние врата.

– А что ты думаешь об атаке на Блэкхолл? – вздохнул Эр’рил, поняв, что она уже приняла окончательное решение. – Может, отложим до тех пор, пока не разберемся с вратами?

– Нет, нельзя, – ведьма посмотрела на свои затянутые в перчатки руки. – Нельзя дожидаться, пока стихийная магия наших союзников ослабеет, а потом бросаться в бой на цитадель Темного Властелина. Может быть, отвлекая его внимание ударом по Блэкхоллу, мы сумеем добиться успеха в горах.

– Мы? – удивился Эр’рил.

– Если в этих последних вратах заключен главный замысел Темного Властелина, то будьте уверены, он защищает их лучше, чем когда врат было больше. Если мы желаем преуспеть, то не обойдемся без моей силы. Погрузимся на один из элв’инских кораблей и помчимся в Уинтерфелл. А как только врата будут разрушены, вернемся и поможем войскам, осаждающим Блэкхолл.

– Предлагаю использовать мое судно, – подал голос Мерик. – Нет кораблей быстрее «Крыла бури», а моя магия самая сильная среди элв’инов. Я быстро домчу вас к горам и обратно.

– Но ты будешь нужен здесь, чтобы возглавить войско своего народа, – засомневалась Елена.

– Старший из капитанов Грозных Туч, наших боевых кораблей, – возразил принц, – вполне может возглавить их. Тем более что он опытнее в тактике и вообще лучший воин, чем я.

Прежде, чем кто-либо успел возразить, сверху послышался звук падения тяжелого тела, сопровождаемый скрежетом металла по камню. А когда донесся знакомый рев, все догадались, в чем дело.

– Рагнар’к, – высказал общую мысль мастер Эдилл.

– Может, они разузнали что-то о судне моей кузины? – встрепнулся элв’ин.

– Я пойду погляжу, что там, – вызвался Тайрус.

Принц-пират торопливо прошел в маленькую дверь, впустив в зал порыв океанского ветра.

Послышались голоса, а потом Тайрус вернулся. В его плащ кутался Каст, рядом шла Сай-вен. Вновь прибывшие хмурились и дрожали от нетерпения, сжимая что-то в руках.

– У нас есть горячий каффи, – предложил Эр’рил.

Каст и Сай-вен приблизились к камину, наслаждаясь теплом. В руки им тут же сунули исходящие паром кружки и коротко ввели в курс дела.

– Я должен сообщить кое-что пострашнее, – Каст глянул на Мерику.

– А куда ты денешься?! – воскликнул в притворной ярости Арлекин.

– Что-то не так с кораблем моей кузины? – нахмурился Мерик.

– Мы не нашли ее тела, – кивнул кровавый наездник. – Но нашли кое-что другое. – Он вытащил из-под плаща книгу в кожаном переплете. – Корабельный журнал.

Мерик принял находку, придавив обложку ладонью.

– Благодарю тебя. Я молюсь, чтобы мы отыскали здесь хоть какие-то ответы.

– Молись усердней, – Каст подал знак Сай-вен. – Мы нашли не только журнал.

Мер’ай подняла странный темный предмет и водрузила на стол, а потом сняла с него сетку из морских водорослей.

– Яйцо? – воскликнул мастер Эдилл.

– И что в нем удивительного? – спросил главный шкипер.

Эр’рил подозрительно оглядел находку и вдруг охнул, не в силах вымолвить ни слова. Все собравшиеся в комнате поняли причину его изумления.

– Эбеновый камень! – Стандиец наконец обрел дар речи.

– Мы так и думали, – заметил Каст.

– Тогда зачем вы принесли это сюда?

– Мы решили, что вам лучше самим увидеть его, – Каст помрачнел. – Там, на затонувшем корабле, этих проклятых яиц больше сотни.

– Сотни?

– Ну, можем наверняка сказать, что очень много, – мягко вмешалась Сай-вен.

– Но что это? – Елена ткнула пальцем в яйцо. – Для чего они?

– Важнее выяснить, – взгляд синих глаз Мерика стал ледяным, – зачем моя кухня везла их сюда.

– Может, ее принудили? – предположил мастер Эдилл.

Люди опасливо сгрудились вокруг стола.

– Неважно, что за опасность оно таит, – сказал Каст. – Я думаю, мы должны быть готовы ко всему. Если от одного-единственного яйца так и веет угрозой, то подумайте о целой кладке на морском дне.

Эр’рил обратил внимание, что один из их компании, обычно самый острый на язык, хранит молчание. Арлекин Квэйл уставился на яйцо из эбенового камня, его глаза странно блестели, но он не сказал ни единого едкого слова, не отпустил ни одной грубой шуточки...

Стандиец обошел вокруг стола, как будто намереваясь внимательнее рассмотреть находку, но, оказавшись за спиной Квэйла, бесшумно обнажил меч и упер его острие в затылок коротышке.

– Что ты знаешь об этом?

Арлекин не дрогнул.

– Что ты творишь, воин равнин? – возмутился лорд Тайрус.

– Не двигайся, – предупредил его Эр’рил. – Твой приятель побывал в Блэкхолле и вернулся обратно. Точно так же, как и корабль кухни Мерика. Может, он расскажет нам что-нибудь?

Арлекин вздохнул и медленно повернулся. Теперь он глядел прямо в глаза Эр’рила, а острие клинка упиралось ему в кадык.

– Я ничего не знаю о черных камнях.

– Врешь! – прищурился воин.

– Мы вернулись к тому, с чего начали?

– Эр’рил... – предостерегающе протянула Елена.

– Я живу пятьсот зим. Я вижу, когда человек что-то утаивает.

– Я ничего не скрываю, – Арлекин повернулся к столу, будто бы не замечая меч. – И я говорю правду. Я никогда раньше не видел такое яйцо. – Он посмотрел на ведьму. – Но я видел его чистых близнецов.

– Поясни! – потребовал стандартец.

Квэйл шагнул к столу и оперся о него.

– Я уже говорил вам, что в Блэкхолле я видел немало отвратительного, немало жестокостей. Иногда кара падала на тех, кто ее заслуживал, иногда – на невиновных. Это лабиринт, полный пыток и страданий. Стоны и вопли звучат всегда. Через какое-то время к этому привыкаешь, как к птичьему щебету в лесу. Страдание окружает тебя, – он уставился на яйцо. – И вот однажды я забрел в зал на самом нижнем уровне из тех, на какие мог проникнуть. Длинный зал, протянувшийся глубоко в толщу горы. По обеим его сторонам были сделаны ниши, а в каждой из них – базальтовый постамент, на котором покоилось мастерски высе-

ченное и прекрасно обработанное яйцо такого же точно размера и очертаний, как это. Но они не были черными, как полночь, напротив, сияли, как рассвет. Потому что были сделаны из сердце-камня.

– Из сердце-камня? – шепотом повторила Елена.

– Чудесное зрелище, – кивнул Арлекин. – Длинный зал, уходящий в бесконечность, и алые яйца, сияющие чистотой, которая пробирала тебя до самого нутра, заставляла ощутить целостность. Тогда я впервые за все время пребывания в этом ужасном месте рыдал... Но не от страха или боли, а от восхищения и восторга. Хотя, не могу не отметить, зрелище получилось пугающим – такая красота в самом средоточии мрака.

– Яйца из сердце-камня в Блэкхолле, – Эр’рил опустил меч. – Яйца из эбенового камня здесь. Бессмыслица какая-то...

– А может, и нет, – Елена свела брови на переносице. – Когда мы ломали врата, эбеновый камень превратился в сердце-камень. Лишнее доказательство некой еще не познанной связи между этими двумя видами камней?

Стандиец помрачнел еще сильнее.

– Есть связь или нет, – вмешался мастер Эдил, – но заполучить сотню этих мерзких изделий в такой близости к нашим берегам – достаточная причина для беспокойства.

– Я тоже так думаю, – согласилась Сай-вен. – Без сомнения, они отравляют воду одним только своим присутствием.

– Мы придумаем, как отбуксировать обломки корабля вместе с его грузом подальше от берега, – согласилась Елена. – А тем временем изучим корабельный журнал и посмотрим, сумеют ли наши ученые выудить хоть какие-нибудь сведения об этих яйцах, – она не спеша отошла от стола и уселась в кресло. – Время поджидает. Я не осмеливаюсь тратить его впустую на тайны, которые заведомо не имеют разгадки. Нам нужно бросить все силы и средства на подготовку к войне, если хотим победить.

Эр’рил прошел через всю комнату, чтобы занять место у спинки кресла Элены, а ведьма продолжала:

– Я хотела бы, чтобы четыре полководца наших различных войск три дня посовещались. Главный шкипер дри’ренди должен подготовить флот, плывущий по поверхности моря. Мастер Эдилл – войско мер’ай, которое будет перемещаться под водой. Лорд Тайрус, как глава пиратского братства, займется разведкой и передовыми отрядами. И, наконец, Мерик, тебе предстоит назначить командующего Грозовыми Тучами, а также встретиться с остальными капитанами, чтобы подготовить ваши боевые корабли к перелету.

– Я займусь этим немедленно, – ответил эл’вин.

– Нам также следует предупредить Веннара и войско д’варфов, – добавил Эр’рил. – В настоящее время он и его пехота двигаются от Пенрина к Каменному Лесу.

– Я подготовлю распоряжения для каждого из полководцев, – продолжала девушка. – Эр’рил в течение нескольких последующих дней будет выступать в роли связного. Через семь дней наши силы должны быть готовы выступить против Блэкхолла.

– Мы справимся! – главный шкипер стукнул кулаком по подлокотнику.

– А как насчет опасности в горах? – спросил Арлекин.

– Предоставь мне позаботиться об этом, – Елена смотрела на черное яйцо.

Квэйл поглядел на лорда Тайруса, потом на ведьму.

– Я хотел бы попроситься на службу, – сказал он. – Разрешите мне пойти с вами в горы.

– Зачем? – напрямую спросил Эр’рил, а Елена нахмурилась.

– Посмотрите – разве я воин? – Арлекин поднял руки. – Я вор, карманник, таящийся в тени. Какой от меня прок там, где звенят мечи и гремят боевые барабаны? Но я хочу приложить свои умения там, где они могут потребоваться, хочу пройти до конца тот путь, на который однажды ступил.

Прежде чем ведьма ответила, Эр'рил опустил ладонь ей на плечо.

– Если мы отправимся в этот поход, то Елена должна быть окружена людьми, которым доверяет безоговорочно. Она может не замечать слухов о предательстве, но я не таков.

Девушка хотела возразить, но Эр'рил остановил ее строгим взглядом.

– Я по-прежнему твой советник? Твой вассал и твой защитник? – холодно спросил он. – Или ты уже лишила меня этих обязанностей?

– Нет, конечно, – спокойно ответила ведьма.

Стандиец заметил боль в ее глазах. Возможно, не стоило рубить сплеча, но Елена иногда была слишком доверчивой. Хотя многое произошло за минувшие зимы, в душе девушка оставалась слишком мягкой и слишком ранимой. Поэтому он защищал ее. Проявлял твердость там, где Елена не могла. Столетия, проведенные в странствиях, достаточно закалили его.

– Я не знаю тебя, Арлекин Квэйл, – сказал Эр'рил. – И несмотря на поручительство лорда Тайруса, не могу доверять тебе. Я ценю твою помощь, ты подвергался опасности. Поэтому тебе щедро заплатят.

– У меня хватает золота, – разведчик щелкнул ногтем по золотому колокольчику, а потом стремительно попятился к двери.

Когда дверь за ним закрылась, лорд Тайрус покачал головой.

– Ты не знаешь человека, чью помощь так беспечно отвергаешь.

– Само собой, – воин равнин оставался непреклонным.

– Близится полдень, – проговорила Елена. – Может, следует разойтись и заняться подготовкой к войне?

– Схожу посмотрю, как там обстоят дела в совете, – поднялся мастер Эдилл, опираясь на руку Сай-вен. – По-моему, они скоро вцепятся друг другу в глотку.

Остальные направились к выходу, уже прорабатывая в голове подробности предстоящей подготовки.

Элена проводила их до дверей. Для каждого у нее нашлись слова ободрения, каждому она тепло пожала руку. Эр'рил наблюдал за ней. Ее вьющиеся локоны обрамляли бледное лицо прекрасной рамкой, выдавая эль'инскую кровь. Но если эль'ины были тщедушными и тонкокостными, Елена обладала округлыми формами, словно цветок, выросший на удобренной земле, а не былинка, гонимая ветром.

Комната вскоре опустела. Елена подошла к Эр'рилу. Он напрягся, ожидая выговора за его поведение в отношении Арлекина.

Но вместо этого девушка прильнула к нему, прижалась щекой к его груди.

– Елена?

– Просто обними меня.

Он выполнил ее просьбу. Неожиданно в памяти всплыла испуганная девочка из Уинтерфелла.

– Я боюсь возвращаться домой.

Эр'рил обнял ее крепче.

– Я знаю.

Мерик спускался по длинной извилистой лестнице, погружившись в свои мысли. Под мышкой он сжимал промокший корабельный журнал. Задумавшись о кухне и ее гибели, принц не прислушивался к спору между Хантом и лордом Тайрусом. Любви между дри'ренди и предводителем пиратов, как и раньше, не наблюдалось.

До того, как их объединила общая цель, оба воина были заклятыми врагами – две акулы южных морей, охотящиеся на купеческие суда и друг на друга. Старую вражду порой так трудно забыть.

– Может, твои корабли и быстрее наших, – рычал Хант, – зато они ломаются как скорлупка.

– По крайней мере, на своих судах мы – свободные люди, а не рабы!

– Что ты понимаешь в древних обетах, в долге чести?! Ты – разбойник и пират...

Увидев, что лестница заканчивается, Мерик прибавил шагу, не желая слушать их перепалку, и едва не врезался в Ни'лан.

Она отшатнулась, широко раскрыв глаза при виде спускающихся по лестнице людей, и чуть не упала, но элв'ин подхватил ее.

– Принц Мерик? – воскликнула нифай, вновь обретая равновесие.

– Папа Хант! – прокричал детский голос.

Из-за спины Ни'лан выскочила маленькая девочка с развевающимися на бегу темными волосами.

Высоченный кровавый наездник наклонился и подхватил ребенка на руки.

– Шишон! Что ты здесь делаешь?

– Мы были там, где много-много цветов, – затараторила девочка. – А Родрико своей песней сделал еще больше цветов. – Шишон указала на мальчика, который смущенно прятался в складках плаща Ни'лан. – А я съела жука! – неожиданно закончила она.

– Что ты сделала?

– Он залетел мне в рот, – просто объяснила девочка, решив, что этого вполне достаточно.

Главный шкипер протиснулся мимо сына по лестнице, ворча под нос.

– Проклятие, ну почему они строят такие высокие башни? – соглашался с ним мастер Эдилл.

Старейшины скрылись в коридоре. Хант благодарно кивнул Ни'лан и последовал за отцом.

С нифай остались Мерик и лорд Тайрус, который нес сетку с яйцом из эбенового камня. Эту находку, как и корабельный журнал, следовало показать ученым, работавшим в книгохранилище.

– Куда ты собралась? – спросил элв'ин.

– Мне нужно поговорить с Эленой.

– Не самое удачное время, – Мерик оглянулся на винтовую лестницу. – У нее хватает забот, над которыми стоит поразмыслить. – Но, увидев тревогу на лице нифай и страдание в ее глазах, спросил: – Что-то случилось?

Ни'лан в нерешительности рассматривала ступени. Она казалась потрясенной до глубины души. Потом нифай покосилась на прижавшегося к ней мальчика.

– Это... это Родрико...

– Он что, заболел? – Мерик тревожно взглянул на ребенка. – Что-то не так?

– Я не знаю, – в голосе Ни'лан слышались еле сдерживаемые рыдания. – Сегодня утром Родрико пел дереву. Песнь пробуждения, начало единения и взаимной связи... – Ее голос дрогнул. – Но что-то произошло...

Мерик шагнул ближе, взял ее за плечи.

– Его дерево расцвело... – Ни'лан почти шептала, ее била крупная дрожь. – Родрико был принят, но... новые цветы, бутоны... Они темные. Черные, словно призраки-гримы.

Мерик поймал взгляд Тайруса поверх головы нифай. Они оба отлично помнили гримов из Темной Чащи, бывших сородичей Ни'лан, искаженных порчей.

– Бутоны отвратительны на вид... – Слезы потекли по ее щекам. – Наверняка они таят какое-то зло...

– Мы не можем судить об этом с уверенностью, – утешал ее Мерик, хотя и знал, что молодое деревце было последним у нифай, а семя зародилось от союза дерева Ни'лан и призрака-грима. Могло ли прикосновение Тьмы каким-то образом заронить порчу в семечко?

Похоже, Ни'лан не сомневалась в этом. В ее взгляде читалась мука.

– Цветы расцветут нынче ночью, выпуская свою неповторимую магию. Но я даже не догадываюсь, какое зло может явиться в мир из бутонов, отмеченных Тьмой, – она закрыла лицо одной рукой, а второй прижала мальчика к себе так, чтобы он не слышал ее. – Я не могу позволить подвергать опасности надежду А'лоа Глен. Дерево нужно срубить.

Мерика передернуло. В дереве была заключена надежда Аласеи. Посаженное на месте, где изначально росла коа'кона, оно символизировало новое начало, шаг в будущее.

– А что тогда будет с Родрико? – высказал более серьезную озабоченность лорд Тайрус. – Что с ним случится?

– Дерево приняло его песнь, – всхлинула Ни'лан. – Они связаны. Если дерево погибнет, Родрико умрет.

Мерик глянул на мальчика, который крепко прижимался к матери. Они были вместе, когда нашли его. Вместе они сражались с гримами и приспешниками Темного Властелина, чтобы благополучно доставить ребенка на остров. Лицо элв'ина закаменело.

– Я не допущу, чтобы его дереву был причинен вред!

– Ты должен понимать, как никто другой, – Ни'лан сжала его руку. – Вне всякого сомнения – это признак Порчи. Может, для Родрико лучше умереть, чем быть запятнанным вместе со своим деревом? Ты знаешь, что произошло с моими сестрами. Я не хочу видеть, как мой сын превращается в подобное чудовище. Я сама возьму топор... – рыдания не дали ей договорить.

Потрясенный Мерик опустился на колени рядом с мальчиком. Родрико прятал лицо в складках материнского плаща. Он не мог слышать их слов, произносимых шепотом, но чувствовал горе, охватившее Ни'лан. Принц поднял голову и увидел отчаяние в глазах нифай. После путешествия на север она и элв'ин сблизилась, объединенные историями своих народов, общими потерями и трудностями. После гибели матери и брата Мерик видел в Ни'лан и Родрико часть семьи. И не мог позволить себе опять потерять близких.

– Может, стоит обсудить это в более спокойной обстановке? – прошептал позади них Тайрус.

Принц-элв'ин вскочил так быстро, что плащ его затрепетал подобно крыльям.

– Нет! Нечего обсуждать! Никакого ущерба не будет причинено дереву, если от этого пострадает Родрико! – Он мягко прикоснулся к щеке Ни'лан. – Я не позволю тебе действовать опрометчиво, наломать дров из страха перед возможной опасностью. Мисилл, воительница-дро, прибегла к яду, чтобы спастись от возможного превращения в Темного Стража. Но при этом уничтожила все пути к изменению будущего, так как они могли привести к беде. Я не позволю тебе пойти по ее стопам.

– Мерик прав, – слегка охрипшим голосом добавил Тайрус. – Мисилл не хотела бы, чтобы кто-то повторил ее путь.

– Но что же нам делать? – Ни'лан поочередно поглядела на них.

Элв'ин погладил малыша по голове.

– Давай встретимся с будущим. Дождемся сумерек и узнаем, какая судьба предначертана дереву и мальчику.

За полмира от них Грэшим выбивал кулаком на столе ритм, задаваемый барабанщиком.

– Идем к пятерым! Идем к пятерым! – выкрикивал он пьяным голосом вслед за прочими постояльцами гостиницы «Лунное озеро».

Жонглер выхватил из очага пылающую головню и запустил ее кувыркаться под потолок вместе с остальными. Взмокший артист топтался на сбитом из досок помосте посреди гостиничного зала, изо всех сил стараясь не уронить головни на устланный соломой пол. Два его помощника стояли неподалеку с ведрами воды наготове.

Но Грэшим почти не следил за выступлением. Народ в окрестностях Лунного озера вовсю праздновал Первую Луну. Выступали странствующие циркачи, укротители зверей, проводились состязания в удали. Праздник должен был достигнуть высшей точки этим вечером, когда луна осветит берега самого большого озера Западных Пределов. Древние предания гласили – духи леса исполняют желания тех, кто окунется этой ночью в залитые серебряным светом воды.

Чародея досужая болтовня мало заботила. Он имел все, чего желал: кувшин пива, набитый желудок и силы для того, чтобы предаваться всем соблазнам жизни. Подошедшая служанка наполнила его опустевшую кружку. В знак благодарности он ущипнул ее за пухлую ляжку.

– Мастер Дисмарум! – взвизгнула девица, отскакивая, но не возмущаясь. Она даже подмигнула ему на ходу.

Несколько ночей Грэшим провел в ее комнате. Горстка меди широко распахнула и ее двери, и ее ноги. Вспомнив об этих долгих ночах, он окончательно утратил интерес к летающим в воздухе коптящим головешкам.

Маг мельком глянул в запыленное зеркало, висящее над стойкой. Красавец, как с картинки! В свете факелов его волосы отливали червонным золотом, глаза искрились юношеским задором, великолепной осанке стоило позавидовать. Он готов был держать пари, что дорога в постель служанки открылась бы для него и без жалких грошей. Но ему было некогда подогревать ее интерес и разжигать желание ухаживаниями, когда несколько монет могли помочь достигнуть цели гораздо быстрее.

Терпение никогда не входило в число добродетелей молодости.

Грэшим вознамерился испытать множество удовольствий и чувственных радостей жизни. Запертый в ловушку дряхлого тела в течение многих лет, теперь он не собирался медлить и терять время. Вот и сейчас он вскочил на ноги, подхватил прислоненный к столу посох. Его он больше не использовал как опору – зачем? – только как символ власти.

Пальцы пробежали по длинной бедренной кости болотного козла, быстроногого дикого зверя. Пустотелая кость, залепленная с обоих концов глиной, была заполнена кровью новорожденного младенца, украденного у лесорубов. Жизненная сила малыша, связанная древним заклятием, наполняла посох силой.

Повернувшись спиной к помосту, Грэшим на миг направил палку на жонглера. Тот споткнулся. Факелы вылетели у него из рук и упали на пол. Помощники с ведрами кинулись тушить пламя, пока не занялась солома.

Чародей улыбнулся, и зал вокруг него вспыхнул. Огонь ревел, вздымаясь к потолку. Зрители и артисты закричали. Грэшим едва удержался от ехидного смешка. Заменить воду в ведрах на масло – заклинание проще простого.

Огонь стремительно охватил обеденный зал. Жалобные крики преследовали мага до самой двери.

За гостиничным двором раскинулась гладь Лунного озера, превращенная закатным солнцем в красную медь. Сосны и клены обрамляли берега. Там и сям под деревьями стояло множество разноцветных шатров. Они выросли, будто полевые цветы, за прошедшие дни. В предвкушении предстоящего обряда люди съезжались сюда из всех уголков Аласеи. Сегодня ночью тысячи купальщиков будут шептать свои тайные желания, обращаясь к полной луне.

Сам Грэшим прибыл к Лунному озеру две недели назад и остался дожидаться праздника, упиваясь радостями жизни. Предстоящую священную ночь он намеревался использо-

вать для собственных целей. Увидев сотни паломников, блуждающих по улицам городка, торгующихся с бакалейщиками и лоточниками, он ощутил благоговейный трепет. Как много жизненной силы, которой можно воспользоваться!

Не спеша он направился к лесной опушке за пределами поселения, помахивая на ходу костяным посохом. Его ноги ступали легко и непринужденно, легкие втягивали воздух без старческого сипения. Оказывается, даже простая ходьба может приносить удовольствие.

Пребывая в отличном расположении духа, Грэшим направил посох на человека, который дразнил рычащего нюхача, посаженного на прочную цепь. Хищник с лиловой шкурой разорвал ошейник и одним движением челюсти откусил зеваче три пальца на руке.

Защелкали кнуты, отгоняя нюхача от орущего человека, но маг уже шагал дальше.

– Загадай этой ночью, чтобы у тебя отросли пальцы, – пробормотал он под нос.

Оказавшись под пологом леса, маг ускорил шаги, наслаждаясь молодыми сильными мышцами, здоровыми суставами. Прожив сотни лет в дряхлом, немощном теле, он не уставал радоваться вновь обретенной молодости. Юность так небрежно растрачивается молодыми...

Чем дальше он уходил под плотные кроны высоких деревьев, тем темнее казался вечер.

Вдруг под самым носом Грэшим ощутил резкий запах – смесь зловония козлиной шкуры и выпотрошенной добычи. Выйдя на полянку, он обнаружил своего слугу, Рукха, засевавшего в вырытой берлоге. Вокруг валялись туши лесных обитателей. Коротышка-гном впился мордой в брюхо оленухи, чавкая и довольно урча.

– Рукх! – рявкнул Грэшим.

Существо с копытцами подпрыгнуло, будто от удара молнии, по-поросычьи завизжав. Его заостренные, прижатые к черепу уши задрожали.

– М-мастер!

Маг оглядел пятна запекшейся крови, покрывавшие поляну. Большинство трупов было обглодано лишь наполовину – выходит, не только он стремился ощутить в эту ночь жизнь во всей полноте ее вкуса.

– Я смотрю, ты нашел себе занятие, пока меня не было.

Рукх съежился и упал ниц.

– Хорошо здесь... Сладкое мясо... – одна рука гнома протянулась к свежей оленьей туше, когтистые пальцы без труда оторвали заднюю ногу. – М-мастер голоден?

Грэшим решил, что не стоит сердиться по пустякам. Хорошо уже то, что гном оставался там, где было приказано. Маг не слишком верил, что его приказы будут исполняться достаточно долго без напоминания.

– Вымойся, – скомандовал он, указывая на пробежавший рядом ручей. – Тебя можно учуять за лигу.

– Да, м-мастер.

Гном с разбегу прыгнул в воду, окунувшись с головой.

Грэшим отвернулся от плещущегося слуги, глянув в сторону деревни. Да уж, празднования этой ночью обещали стать особо запоминающимися. Но требовалась некоторая подготовка. Нельзя допустить, чтобы досадная случайность нарушила его замыслы.

Маг воткнул костяной посох в мягкий дерн, установил его ровнее. Взмахнул левой рукой, беззвучно произнес несколько слов. Из полых костей раздался крик новорожденного.

– Тише, – прошептал Грэшим.

Он коснулся посоха культей правой руки. Тьма, похожая на жирный дым, вспухла клубком на конце посоха. Сунув в нее обрубок запястья, он плавно запел, сплетая заклинание, которое намеревался использовать этой ночью.

В разгар его трудов из черной кляксы опять раздался голос, но уж не детский.

– Я нашел тебя! – слова эхом раскатились по лесу.

– Шоркан! – прошипел Грэшим, узнав старого знакомого.

Дым над посохом уплотнился и приобрел черты человеческого лица с алыми глазами. Даже в подвижной тьме легко угадывались стондрийские черты.

– Так ты хотел избежать гнева Властелина, скрываясь в лесах? – задвигались черные губы.

– Да, я убежал, – Грэшим сплюнул, разобрав наконец-то волшебство, поддерживающее дымовую голову. Всего-навсего заклятие поиска. Чего тут бояться? – И убегу опять. Прежде чем закончится ночь, у меня будут силы, которые позволят мне скрыться даже от самого Черного Сердца.

– И ты в это веришь? – На миг повисла тишина, а потом раздался смех. – Ну конечно же! Лунное озеро!

Нахмурившись, Грэшим выставил вперед культю, меняя заклинание на противоположное, используя магию Шоркана. Несколько мгновений он видел глазами другого чародея. Тот находился довольно далеко, но не в Блэкхолле. Обрадованный Грэшим потянулся дальше, но тут что-то вытолкнуло его с такой силой, что маг не устоял на ногах.

– Не суйся, куда не просят, Грэшим! – Заклинание распалось, и дымное лицо развеялось.

– И тебе того же, мерзавец! – пробормотал он, хотя знал, что Шоркан его уже не услышит.

Быстро выставив защиту, чтобы предотвратить еще одно вторжение, маг хмуро глянул на посох, будто палка была виновата. Да, он рискнул, приготовив мощное заклинание, которое легко отследить.

– А ты-то что забыл в Уинтерфелле? – Он повернулся на восток, будто мог проникнуть взглядом сквозь горы.

Хотя враг находился далеко, за обрывистыми хребтами и скалами, Грэшим почувствовал, как в его спокойный замысел вторглась малая струйка беспокойства. Его насторожила пугающая уверенность другого волшебника, несколько не озабоченного действиями самого Грэшима.

– И что ты там делаешь?

Так и не найдя ответа, он поднялся, подошел к посоху и понял, что остатки заклятия поиска еще сохранились. Вначале он не мог решиться, поскольку никогда не любил тратить магическую силу попусту. Но потом произнес необходимые слова, сплетая заклинание на основе остаточной магии Шоркана. Взмахнул обрубком руки...

Дым возник вновь, закружился, осел. Возникло новое лицо, старое, морщинистое, обрамленное растрепанными седыми волосами. Грэшим потянулся к нему, легонько провел пальцами по щеке. «Старик, немощный, умирающий...»

В заклинании оставалось совсем мало силы, но Грэшим, копнув поглубже, попытался ощутить за дымкой человека.

– Джоак... – прошептал он. – Ну и каково это, мальчик мой, носить наряд из слабеющей плоти и скрипучих костей?

По всей видимости, тот, кого видел маг, спал, прикорнув где-то на А'лоа Глен. Он дышал хрипло и прерывисто, сердце стучало глухо и с перебойми.

Грэшим улыбнулся и отступил. Он не осмеливался заходить слишком далеко – мальчик, или, если говорить точнее, старик, был слишком силен в магии сновидений. Соваться в его сны – полнейшее безрассудство.

Освободившись, темный чародей быстро завершил заклинание и оглядел собственное тело – крепкое и здоровое. Глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

Как хорошо быть молодым... молодым волшебником!

Джоак проснулся внезапно, его колотила дрожь. Простыни насквозь пропитались потом и липли к дряблему старческому телу. Кошмар так и стоял перед глазами – цельный и яркий. В глубине души он догадывался, что это не обычный сон, и чувствовал беспокойство. В его видении не было ничего от Плетения, ничего и от Предсказания. Больше всего оно походило на событие, произошедшее где-то.

– Грэшим, – проворчал он пустой комнате.

Пот быстро остывал, заставляя руки и ноги трястись в ознобе. Он глянул на занавешенные окна. Шторы трепетали под легким ветром, сквозь них пробивался рассвет.

Со стоном Джоак опустил ноги на пол. Труды прошлого дня и ночи выжали его досуха. Мышцы и суставы протестовали против малейшего движения. Но он знал, что только общество других людей поможет ему окончательно забыть о дурном сне.

Протянув руку, он взял посох, но едва ладонь коснулась каменного дерева, как ее пронзила жгучая боль. Джоак задохнулся и выпустил оружие. Искося поглядел на посох. Его серая поверхность посветлела, стала грязно-белой. Потёки крови покрывали шероховатую поверхность, вытекая из разжавшейся ладони.

Выходит, забывшись, он не надел перчатку и случайно привел в действие оружие крови прикосновением голый кожи. Когда первоначальная боль отступила, Джоак встал. Взял посох. Тот стал легче, покорно отзывался на касания – а все благодаря магическому единению. Кроме того, в окаменевшей древесине он ощущал магию сновидений. Похоже, посох стал частью его тела.

Обратившись к посоху, Джоак потянул тоненькую струйку магии. Маленькая роза выросла из умывальника, наполовину заполненного водой. Он припомнил, когда последний раз создавал подобную игрушку. Ночная пустыня, Шишон, прикорнувшая между Кеслой и ним, роза из песка и снов, которую он создал, чтобы успокоить напуганного ребенка.

Опустив посох, Джоак развязал заклинание, и цветок исчез, будто его и не было. Даже рыба не побежала по поверхности воды.

Всего-навсего сон.

Воспоминание о Кесле повергло его в горькую печаль. Он зажал посох сгибом локтя, убрал с него ладонь. Хватит магии и безнадежных мечтаний.

Как только связь разорвалась, посох цвета слоновой кости опять стал уныло-серым. Натянув на кисть перчатку, Джоак вновь взялся за него и зашаркал к старинному платяному шкафу. Измученный снами и кошмарами, он хотел скорее оказаться среди людей.

И все-таки, пока он одевался, кошмар стоял у него перед глазами. Джоак вновь видел темного мага Грэшима, стоящего посреди лесной поляны, заваленной внутренностями и тушами зверей. Перед магом торчал воткнутый в землю белый посох, увенчанный облаком тьмы. Глаза чародея смотрели на Джоака, излучая злую радость. Но ужаснее всего оказалась внешность колдуна – отливающие золотом каштановые волосы, гладкая кожа, прямая спина и сияющие глаза. Джоак увидел в нем собственную молодость, которая дразнила его, близкая, но недостижимая.

Вздыхнув, он закутался в плащ и зашагал к дверям, отталкиваясь посохом от каменных плит. Сжав пальцами окаменевшее дерево, почувствовал отголоски магии. Это помогло ему сосредоточиться. Рано или поздно он разыщет Грэшима и вернет свою потерю.

Едва он оказался перед дверью, с той стороны постучали. Хмурясь, он открыл и увидел юного паж.

– Мастер Джоак, – с поклоном сказал тот. – Ваша сестра приглашает вас присоединиться к ней в Большом внутреннем дворе замка.

– Зачем?

Простой вопрос, казалось, загнал мальчишку в тупик.

– О-она не сказала, господин, – вытаращив глаза, проговорил паж.

– Отлично. Мне идти за тобой?

– Да, господин. Конечно, господин.

Паж пошел впереди, а Джоак следом, хотя и знал путь во внутренний двор. Мальчик задержался у лестницы, ведущей на нижние уровни сторожевой башни, и оглянулся. Джоак прочитал в его глазах нетерпение и... смутный отблеск страха. Он знал, кого видит слуга. Когда-то он и сам шел по этим залам, выступая проводником у старика. Но теперь все изменилось. Джоак утратил молодость.

Мальчик скрылся на лестнице.

Джоак теперь стал старой развалиной, наполненной горькими и черными мыслями.

– Ничего, мой день еще придет! – поклялся он пустому залу.

Глава 3

Когда последние лучи заходящего солнца растаяли в сумерках, Елена с ближайшими советниками спустилась во внутренний двор, чтобы получше рассмотреть молодое деревце коа'коны. Оно казалось слабым и чахлым в окружении высоких каменных стен и мощных башен с зубцами. Но его бутоны были черны, словно по ветвям стекало, собираясь в капли, земляное масло. Елена плотнее запахнулась в плащ.

– Он вытягивает тепло, – прошептала Ни'лан, стоявшая в нескольких шагах правее. – Так же, как и гримы.

Элена знала истории о призраках из Темной Чаши, мрачных духах, способных высасывать силу из всего живого, к чему бы ни прикасались.

– Спокойнее, – сказал Мерик. – Это всего лишь ночной ветерок, ничего больше.

Элв'ин кивнул Элене. Когда принц восстал против уничтожения дерева, символизирующего надежду Аласеи, девушка от всего сердца с ним согласилась. Нельзя причинять вред дереву до тех пор, пока не будет оценен возможный вред от него. Тем более что жизнь Родрико лежала на той же чаше весов.

Кое-кто возражал.

– Нельзя рисковать всем, чтобы сохранить одну-единственную жизнь! – спорил Эр'рил.

Но Елена наотрез отказалась действовать впопыхах, и ее советник вынужден был согласиться. Однако сейчас он стоял рядом с топором в руке. Два стражника застыли за его спиной с ведрами, наполненными горючим маслом, и зажженными факелами. Эр'рил не собирался полагаться только на магию, если возникнет опасность.

Ведьма тоже не собиралась проявлять безрассудство. Она взяла с собой Кровавый Дневник, спрятав его в сумку на лямке. Этой ночью луна будет полной. В ее свете книга откроет окно в Пустоту, позволяя Элене обратиться к безграничной силе духов, обитающих в ней. Прохладный вечер вынуждал девушку дрожать. Но она собиралась прибегнуть к источнику магии только в случае крайней необходимости.

– Луна всходит, – произнес голос у нее за спиной.

Очнувшись от размышлений, Элена обернулась и увидела Арлекина Квэйла, стоящего на посыпанной гравием садовой дорожке. Ни один из десятков колокольчиков на его одежде не звякнул, когда разведчик подошел и встал неподалеку, засунув руки в карманы. Его бледная, отливающая синевой кожа сияла в свете факелов.

– Что ты тут делаешь? – резко бросил Эр'рил.

Арлекин пожал плечами, вытащил трубку и принялся пальцем уминать табак.

– Я услышал о ребенке и о дереве. Поэтому пришел, чтобы предложить помощь, если понадобится.

– У нас хватает помощников и без тебя, – угрюмо ответил Эр'рил.

– Тогда будем считать, что я обожаю прогулки при луне.

Он раскурил трубку и отошел в сторону, повернувшись спиной к воину равнин.

Элена хмуро глянула на Эр'рила и, поравнявшись с Квэйлом, тронула его за локоть. Арлекин покинул собрание слишком быстро, и она не успела поблагодарить человека, рисковавшего жизнью, чтобы раздобыть страшные новости. Ну, хоть сейчас надо исправить ошибку...

– Спасибо, – просто сказала она.

Коротышка кивнул. Его яркие золотистые глаза не выражали ничего. Вдруг позади со стуком распахнулась дверь, на пороге возник темный силуэт. Элена вздрогнула от неожиданности.

– Твой брат, не так ли? – Арлекин оглянулся через плечо.

Элена знала, что разведчик прав. Она отправляла пажа, чтобы привести Джоака. Из них всех он ближе всех соприкоснулся с темной магией. Если где-то здесь затаилась порча, его присутствие может оказаться весьма полезным. Джоак едва волочил ноги, тяжело налегая на посох.

– По виду он больше похож на твоего дедушку, – процедил Арлекин, сжимая мундштук в зубах.

Но брат ведьмы не расслышал слов коротышки. Элена же придала своему лицу выражение безмятежности. Хотя даже по прошествии времени облик внезапно постаревшего Джоака приводил ее в замешательство.

– Спасибо, что пришел, – сказала она и представила Квэйла.

Джоак кивнул, подозрительно глядя на незнакомца. Если выбирать, кто более недоверчив и насторожен – Эр’рил или Джоак, неизвестно, кто победит.

– Что случилось, Эл? – спросил он.

Девушка как можно короче объяснила. Джоак искоса, но очень внимательно смотрел на коа’кону.

– Это правильно, что ты послала за мной, – проскрипел он, когда она умолкла. – Неважно, какая магия зреет в этих темных бутонах, следует держаться настороже, – шагнул он к дереву.

– У нас есть оружие, и магическое, и обычное.

– Хорошо, хорошо... – Джоак мельком глянул на топоры и ведра с маслом.

Он погладил ладонью поверхность посоха. Элена обратила внимание на перчатку из телячьей кожи. Постарев, ее брат плохо переносил ночную прохладу.

– Пришла пора, – Ни’лан вышла вперед, держа Родрико за руку. – Луна почти взошла.

Над крепостными зубцами сияла половина луны. Но это ненадолго. Элена сняла перчатки, обнажив рубиновую розу своей силы. Обе ладони до запястья окрасились в темно-красный цвет. Она сжала кулаки, направляя магию ведьмы из крови в руки. Глубоко внутри зазвучал хорал волшебной силы, но она подчинила ее своей воле. Правый кулак теперь пылал более ярко – огнем восходящего солнца, а левый окрасился в голубоватые оттенки лунного света. Холодный огонь и ведьмин огонь.

Пошарив на поясе, Элена вытащила кинжал, отделанный серебром и черным деревом, с рукоятью, вырезанной в виде розы. Кинжал ведьмы. Она приготовила его, чтобы в любой миг освободить магию своей крови и впустить неосязаемую мощь Пустоты в этот мир.

Но для начала она уколола кончик пальца и выступившей каплей крови смазала веки. Знакомый огонь опалил ее глаза яркой вспышкой. Теперь она видела мир совсем по-другому. Вроде бы все оставалось как прежде, но ее заколдованные глаза начали улавливать хитросплетения магических узоров. Она заметила серебристые сполохи стихийной магии в Ни’лан, в Мерики, даже в малыше Родрико.

Но наибольшее внимание привлекало дерево.

То, что совсем недавно казалось просто древесиной, теперь пылало внутренним огнем. Токи силы пронизывали ствол, уходили в ветви, расщеплялись в корнях. Незамутненная стихийная магия поступала прямо из земли, магия корней и почвы.

Она и помыслить не могла, что в таком маленьком дереве может быть заключена подобная мощь. Каждый бутон казался волшебным факелом, полыхая ярче, чем любая из звезд.

Невольно девушка усомнилась в правильности своего решения сохранить дерево.

Эр’рил почувствовал ее смутнение.

– Ты в порядке? – спросил он.

Она кивнула, сдерживая дрожь. Если бы она высказала свои сомнения, то можно было сказать с уверенностью, что стандиец немедленно срубит дерево. Поэтому Элена просто махнула рукой.

Ни'лан опустилась на колени рядом с мальчиком и что-то прошептала ему на ухо. Родрико тряхнул головой, глянул на коа'кону и мгновенно разулся.

Элена пристально разглядывала его. Сильное пламя стихийного огня пылало у мальчика в груди. Но, что самое удивительное, четко виднелись серебристые связующие нити между стволом дерева и сердцем ребенка. Их магия была общей. Значит, Ни'лан совершенно права. Между этой парочкой неразрывная связь. И если срубить дерево, Родрико, вне всякого сомнения, погибнет.

Малыш ступил босыми ногами на землю, расправил плечи.

Глядя в небо, Ни'лан присела на корточки. Ее лицо выражало беспокойство. Луна продолжала восхождение среди звезд. Ни единого облачка не было видно. Только на горизонте клубилась над морем легкая дымка.

– Иди, Родрико, – сказала Ни'лан, беря в руки маленькую лютню. – Разбуди свое дерево.

Мальчик зашагал по взрыхленной земле, утопая по щиколотку. Оказавшись под кроной, он протянул руки к одному из закрытых бутонов. Не прикасаясь к цветку, мальчик сложил ладони «чашечкой» вокруг него.

Бутон налился свечением. Серебристый свет луны омывал внутренний двор.

– Пой, – шепнула Ни'лан. – Полная луна в зените.

Родрико вытянул шею, его детские черты, казалось, были нарисованы штрихами лунного света и тени. Хотя губы его не двигались, с них слетела нежная мелодия. Она напомнила шепот ветра в ветвях, мягкий шорох листвы, шелест осеннего листопада.

Ни'лан прижала кулаки к горлу, напуганная, но тем не менее гордая за сына.

Элена не сомневалась, что те переливы мелодии, которые она могла различить, были лишь малой частью той гармонии, которую слышала нифай. Магия в стволе играла и переливалась. Сила нарастала и в дереве, и в мальчике. Связующие их серебряные нити уплотнились. Новые тяжи, плавно изгибаясь, отделялись от дерева, устремляясь к малышу.

Мелодия стала глубже, насыщеннее, ярче.

– Начинается, – сказала Ни'лан.

Эр'рил пошевелился, поднимая топор. Девушка знала, что стандиец способен снести ствол одним движением.

Ее внимание привлек отблеск магии по другую сторону от коа'коны. Это Джоак сделал пару шагов вперед, чтобы лучше видеть подслеповатыми старческими глазами. А посох, на который он опирался, представлял собой стержень из чистого пламени, средоточие небывалой стихийной магии. Брат ведьмы, связанный с магией сновидений, тоже носил серебряный огонь в сердце. И Элена могла различить магическую связь Джоака с посохом. Она хотела удивиться этому вслух, но Ни'лан воскликнула:

– Бутоны распускаются!

Пришлось снова смотреть на дерево. Ничего, позже она расспросит брата о его странной магии.

Преобразование молодого дерева коа'коны шло полным ходом. Стихийная магия пульсировала между ветвями и мальчиком. Сияние полностью охватило Родрико. Поскольку все стояли молча, Элена предположила, что только она видит особенности потоков магии. Даже Ни'лан стояла на коленях, испуганная и напряженная.

Родрико продолжал петь, вода ладонями около цветка. Повинуясь его зову, лепестки, один за другим, начали распускаться под лунным светом.

За первым последовали все оставшиеся на дереве бутоны. Струи стихийной магии истекали из темных лепестков, вибрируя в унисон с мелодией певца. Елена поймала себя на том, что почти слышит еще один голос, поющий вместе с Родрико. «Древесная Песнь», – изумленно догадалась она.

– Цветы пылают, – пробормотал Эр’рил.

Элена глянула на дерево, применив обычное, не магическое зрение. Темные цветы светились в ночи. Черные лепестки раскрывались, их серединки отсвечивали багровым, как раскаленная лава.

Из коа’коны слышались крики. Вначале тихие, а потом все громче и громче. В них звучала не боль, но радость и свобода.

– Что происходит? – спросил стандиец.

Стражники за его спиной приготовили ведра и факелы.

Магическим зрением Елена видела, как из каждого бутона вырывается сгусток волшебной силы. Светящиеся голубоватые облака, отличающиеся по цвету от стихийной магии корней и почвы, взмывали ввысь. Что-то новое... Эхом раскатывающиеся по двору крики доносились именно из этих сгустков.

– Цветы, – ответила Эр’рилу Ни’лан, – выбрасывают частицы жизненной силы. Я различаю песню освобождающейся жизни.

– А я это вижу, – добавила Елена. – Они отдают силу полной луне.

На ее глазах клубки магии сливались в поток, поток жизненной силы, и устремлялись ввысь.

– Это от гримов, – облегченно вздохнула Ни’лан. – Жизни, поглощенные моими пораженными порчей сестрами, наконец-то обретают упокоение. – Она понизила голос до шепота. – Неудивительно, что Цесилия так боролась за своего сына. Наверняка она знала. Это какой-никакой способ искупить зло, посеянное призраками.

Полноводный поток сияющих сгустков прочертил ночное небо.

Мерик помог Ни’лан подняться на ноги. Вместе они подошли к Элене.

Полная тихой радости девушка наблюдала, как освобождаются души. Она видела разные картинки одновременно. Обычным зрением – усеянное сияющими цветками деревце, а волшебным – тот же ствол с ветвями, но пылающий от стихийной магии, соединенный с Родрико. И над ними устремленная ввысь река светящихся душ.

– Цветы изменились, – заметил Эр’рил.

Как только из каждого бутона выходила последняя голубоватая субстанция, распустившиеся лепестки меняли цвет с полуночно-черного на пурпурный – истинный цвет цветков коа’коны. И лишь сердцевинки оставались огненно-красными, словно напоминая о свершившемся в эту ночь искуплении.

Элена с облегчением провожала взглядом тающий в небе серебристый поток, вызволенный благодаря песне мальчика.

Но тут встрял Арлекин, обеспокоенно воскликнув:

– Луна! Что-то происходит с луной!

Сай-вен и брат Рин сидели за столом в книгохранилище. Монах в белых одеждах внимательно изучал эбеново-черное яйцо, нацепив крошечные очки на кончик носа. Да еще и помогал себе увеличительным стеклом, которое держал в руке.

– Очень странно, – бормотал он. – Подвинься поближе, девочка, взгляни!

Она придвинулась. Вдвоем они проторчали в главной библиотеке замка уже целый день, перебирая пыльные свитки и фолианты, изъеденные крысами, в поисках хоть малейшего упоминания о черных камнях. Но обнаружили немногим больше того, что уже знали.

Камень питался кровью, приводя в действие некую древнюю магию. Какую именно, они не поняли. Не магию стихий, не силу Чи, не чародейство Вейра.

Отчаявшись что-нибудь найти в книгах, они решили сосредоточиться на самом яйце. Корабельный журнал с записями капитана все еще сох на каминной полке. Главный смотритель книгохранилища предупредил, чтобы не вздумали открывать мокрую книгу – чернила обязательно размажутся. Вначале журнал следовало полностью просушить, а потом попытаться прочитать.

Сай-вен покосилась на толстую тетрадь, которую пристроили достаточно близко к огню, чтобы она сохла, но не могла загореться.

– Не раньше рассвета, – заявил смотритель, прощаясь. – А может, и того позже...

Следовательно, они могли разбираться с единственным предметом – яйцом.

Брат Рин потер ладонью бритую макушку.

– Пока что мы слишком мало знаем об этом камне, эбеновом камне. Но взгляни, – сказал он, протягивая мер'ай толстое увеличительное стекло. – Вот тут смотри. Как можно ближе.

– Что мне искать? – Она нагнулась, едва не касаясь носом камня.

Ученый провел пальцем вдоль серебристой прожилки. Он не прикасался к эбеновому камню – да и кто посмел бы? Ранее, исследуя находку, они переносили ее с места на место при помощи медных каминных щипцов.

– Обрати внимание на эту серебряную линию.

– Эту? – Сай-вен не понимала, к чему он клонит. Эбеновый камень весь был пронизан тонкими серебристыми жилками, которые разветвлялись на черной поверхности, будто молнии в ночном небе. – Она такая же, как все.

– Гм... А ты подвинься еще ближе, девочка. И лучше смотри сбоку.

Она склонила голову, разглядывая яйцо под разными углами. И вдруг дыхание замерло у нее в горле. Эта жилка вовсе не была частью камня, как казалось первоначально. Серебряная нитка выглядела вдавленной в яйцо.

– Что это?

Брат Рин наклонился.

– Посмотри, как она обегает яйцо вокруг. Прочие линии, пересекая ее, лишь пытаются отвести глаза. Но эта, главная, соединяется в полный, неразрывный круг.

Сай-вен проследила за его пальцем. А ведь ученый прав!

– И что это значит?

Он выпрямился, забрал из ее рук лупу.

– Я бы сказал, что мы наблюдаем возможный способ открыть яйцо. Эта нитка как щель между плотно сжатыми створками раковины.

– Способ открыть? – отшатнулась Сай-вен.

Она и подумать не смела, какой ужас может таиться внутри ее находки, какая опасность может вырваться наружу. Внезапно она пожалела, что здесь нет Каста. Но он уехал вместе с Хантом и главным шкипером, чтобы разработать план подготовки к войне.

– Если бы только... – брат Рин оглянулся на сохнувший журнал. – Если бы мы только знали побольше об этой проклятой штуке.

– Например, способ ее уничтожить, – кивнула Сай-вен.

– Или оценить возможную опасность.

– А единственный способ узнать побольше – это открыть его. Но мы не осмеливаемся...

– Весьма велика возможность столкнуться с неизвестной опасностью, – брат Рин смотрел на Сай-вен, в его глазах читалось жгучее любопытство.

Мер'ай закусила губу. Возле порта А'лоа Глен покоилась на морском дне еще сотня не менее ужасных яиц. Прежде чем рискнуть поднять их с места крушения корабля, следовало как можно тщательнее изучить возможную опасность.

– Есть у вас какие-нибудь предположения, как открыть камень?

– Камень питается кровью, – решительно сказал брат Рин. – Кровь должна быть ключом.

Глядя на каменное яйцо, Сай-вен согласилась с ученым.

– Да, ключом... Только к чему?

Грэшим стоял под кленом у самой кромки воды. Перед ним до самого горизонта раскинулась необъятная гладь Лунного озера – темное зеркало, отражающее ночное светило. Сотни паломников заполняли берега, ожидая, когда же луна поднимется в самую высокую точку неба, отразившись точно в середине озера.

Сколько Грэшим помнил себя, здесь ежегодно проводился обряд поклонения полной луне – обычай уходил корнями в дальнее прошлое Аласеи. Никто не мог сказать наверняка, как и почему он появился. Толковали разное, но все истории сильно отличались друг от друга. Сходились они лишь в одном – в первое полнолуние лета в воде отражается лик Доброй Матушки и она выполняет желание любого, кто совершит в эту ночь омовение и чист сердцем.

«В том-то и заковыка, – злобно подумал маг. – Попробуй-ка быть совершенно чистым сердцем».

Каждый раз во время ритуала множество верующих громогласно объявляли свои желания исполнившимися, били кулаками себя в грудь, падали на колени. Но Грэшим не сомневался, что все они лгали или искренне заблуждались. Разве нашелся бы глупец, посмевшийся признаться, мол, его желание не исполнилось? Чтобы всякий мог усомниться в его чистоте? И так каждый год шли орды с больными суставами, недужными женами, тайными страстями... И все окунались в холодное, заросшее травой озеро.

– Сколько дураков... – пробормотал чародей.

Только он владел истинной тайной озера. И твердо вознамерился исполнить свое желание, хотя это и означало верную смерть для многих из тех, кто здесь собрался.

Позади волшебника в зарослях колючих ягод заворочался Рукх. Коротышка-гном волновался так же сильно, как и его хозяин.

Звонкие наигрыши доносились от лодочной флотилии, следовавшей вдоль берега – рыбацьи парусники занимали те, у кого кошельки распирали от золота. Впереди плыла самая большая баржа, украшенная причудливыми резными фигурками, с шелковыми парусами, фонарями, изображающими различные фазы луны, вдоль бортов. Похоже, только богачи могли пообщаться с таинственной госпожой озера настолько тесно.

Но эта ночь была не только для толстосумов. Всю береговую линию усеивали факелы и цветные фонарики, освещающая путь прочим паломникам. Несколько ребятишек, слишком разыгравшиеся, чтобы ждать разрешения, уже плескались на отмели. Их пронзительные, как колокольный звон, вопли выдавали восторг и веселье. От сотен костров струились в ночь восхитительные ароматы жареного и тушеного мяса.

Грэшим расправил плечи, понимая, что долгое ожидание увенчалось победой. Луна в зените.

– Рукх!

Гном ползком выбрался из кустов.

Они скорым шагом преодолели расстояние от своего убежища до берега. Чтобы никому из зевак не пришло в голову вмешаться, Грэшим использовал маленькое заклинание, отгоняющее непрошенных свидетелей.

При помощи кинжала маг выковырял глину, закупоривающую верхнюю часть посоха. С губ сорвалось неслышное заклятие. Он прикоснулся к магии крови невинного новорожденного малыша и заставил его жизненную силу подчиниться.

Толпа, окружавшая озеро, притихла. Где-то вдалеке закричал младенец. Интересно, он ощутил кровь своего собрата или заорал просто так?

Грэшим направил открытый конец посоха на широкое озеро. На водной глади продолжало сиять отражение луны, достигшей высшей точки на небосводе, а значит, магия этой ночи освободилась. Отражение засветилось ярче, едва не ослепляя зрителей. От него распространилось сияние, превращая темные воды в серебряные.

Толпа разразилась криками. Паломники начали прыгать в воду: кто-то успевал раздеться, кто-то – как был, в одежде. Молодые и старики. Некоторые входили в озеро тихо, а некоторые в голос выкрикивали свои желания.

Грэшим просто улыбнулся и приступил к заключительной части волшебства.

Наклонив посох к озеру, он пролил заколдованную кровь в сверкающие воды. Пленка побежала по поверхности от берега, меняя цвет воды. Никто из празднующих не заметил его богохульства. Их чересчур занимали собственные желания.

Кровавое пятно ширилось, устремляясь к середине озера.

Тайной, которую ни один из людей не знал, являлось то, что воды Лунного озера наполняла стихийная магия чистого света, которая особенно усиливалась раз в год – именно этой ночью, когда луна заливала воды серебряным магическим светом. Озеро превращалось в артефакт небывалой силы, в приемника могущества самой Пустоты. Потому-то купающиеся паломники и чувствовали прилив сил и радость, что их тела омывала незамутненная магия, смешивая их жизненные силы с мощью Пустоты.

Но на рассвете чудесные свойства озера исчезали. Сила луны не могла противостоять палящему солнцу. И Грэшим не мог позволить, чтобы артефакт такой силы был опустошен зазря. Тем более имея столь опасных врагов.

Он прикоснулся концом полого посоха к воде, приготовив заклинание, которое поможет высосать силу из воды. По мере того как магический предмет наполнялся силой, тысячекратно превышающей его изначальную, красная пленка продолжала распространяться по озеру. Тому, кто вздумал бы выбрать отсюда всю силу, потребовалась бы почти вся ночь.

Губы усиленно работающего Грэшима растянулись в жесткую улыбку.

Вдалеке, по левую руку от мага, несколько купальщиков не замечали изменения цвета воды, пока не оказались внутри. Когда серебряные воды вокруг них потемнели, песни и смех сменились криками ужаса.

Грэшим наблюдал, как жизненная сила этих людей, окунувшихся в чистейшую стихийную магию, в муках изливается из их тел. Несколько мгновений сила пыталась ускользнуть – сполохи голубого сияния металась над темной гладью озера и только потом поглощались пропитанной магией пучиной.

Пока маг накапливал и отбирал силу, множество других паломников тоже накрыла волна тьмы. Кровавая пленка обогнала украшенную фонарями баржу. С обреченного судна донесся крик капитана, исполненный отчаяния и страдания. Но плещущиеся люди оставались глухи к его зову. Их поглотила тьма. Даже само судно начало погружаться, ведь делали его для плавания по обычной воде, а не по темной магии.

Гулкий смех вырвался из груди чародея. Он ощутил вкус собственного торжества. С той мощью, которую он обретет, никто не сможет ему противостоять.

– Смотрите на луну! – вдруг пронзительно закричал кто-то с берега озера.

Грэшим поднял голову, и улыбка сползла с его лица. Бледный лик луны сиял как и прежде, но теперь темно-красный шрам перечеркивал его середину, растекаясь змеящимися ручейками.

– Луна кровотоцит! – орали паломники.

На глазах Грэшима изменившаяся окраска передалась озеру.

– Что это за магия такая? – пробормотал он.

Его заклинание не могло привести к подобному результату. Но в таком случае чье же?

Он вспомнил подлый смех Шоркана.

– Ах ты, мерзавец...

Вытащив посох из воды, он приготовился или сражаться, или бежать.

А многоголосый хор вокруг озера повторял:

– Луна! Луна!

– Что происходит с луной? – спросил Эр’рил, подойдя вплотную к Элене. Он наверняка заметил ее хмурый взгляд, устремленный к небу.

– Не знаю... – Она наклонилась к его плечу.

Прямо у них над головами небесное светило покрывалось темно-красными пламенеющими потеками. Казалось, сейчас вниз закапает кровь.

– Может, порча стекает обратно по потоку силы, который поднимается от дерева, – пробормотала Елена. – Обратно к нам.

Мерик стоял рядом с Ни’лан, которая баюкала свою лютню, подняв к небу искажившееся от ужаса лицо. Арлекин и Джоак тоже хмуро смотрели вверх.

Единственный, кто не обращал внимания на пугающее зрелище, был маленький Родрико. Он продолжал петь дереву, и цветок за цветком теряли темный окрас, светясь пурпурным чистым сиянием.

– Это из-за мальчика? – спросил Эр’рил. – Может, его остановить?

– Нет, – возразила Ни’лан. – Он должен закончить ритуал.

– Это не следствие ошибки малыша, – заметил Мерик. – Что-то вообще пошло не так.

– Что именно? – настаивал Эр’рил.

– Есть только один способ узнать, – Елена передвинула вперед и расстегнула сумку, висевшую у нее через плечо. – Кровавый Дневник.

Она вытащила книгу из сумки. Золотая роза блестела на обложке, соперничая с лунным сиянием. Девушка хотела открыть дневник, но Эр’рил помешал ей, прижав ладонью сверкающую розу.

– Кровавый Дневник связан с луной, которая кровотоцит. Может, стоит поразмыслить, прежде чем открывать путь в Пустоту?

– Я не знаю, какое проявление зла мы наблюдаем, – твердо ответила Елена, глядя ему в глаза. – Но уверена, оно имеет отношение к луне. Если так, то одна лишь Чо способна ответить на наши вопросы.

– Просто будь осторожна, – нехотя согласился Эр’рил.

Еще со времен их путешествия в Гал’готу, когда Чо захватила Элену против ее воли, Эр’рил побаивался непредсказуемого поведения духа книги, в глубине души считая, что Чо не разделяет интересов ни Элены, ни Аласеи в целом. Дух, способный целенаправленно мыслить лишь о поисках своего близнеца Чи, далек от беспокойства об этой земле и обитающих на ней людях.

Элена пожала руку Эр’рила, благодаря его за заботу. На миг он ощутил ток силы под рубиновой кожей – дар Чо. Но девушка тут же отдернула ладонь и отвернулась.

Подняв Кровавый Дневник, Елена набрала в грудь воздуха и раскрыла книгу. Никто не мог предположить, что вспышка света будет такой яркой. Ведьма отшатнулась, но Эр’рил подхватил ее, не дал упасть. Он мельком заглянул в Дневник. На чистых пергаментных листах распахнулось окно в иной мир. В глубине Кровавого Дневника сверкали звезды, окруженные крошечной тьмой. Облака сияющего тумана клубились вокруг шаров, пульсирующих безграничной силой Пустоты.

Элена выпрямилась. Из раскрытой книги взмыл луч света, а потом изогнулся и прикоснулся к земле неподалеку от них. Из него соткался женский облик. Словно изваянная из сияющего лунного камня фигура повернулась к Элене. В ее глазах бушевали два пылающих солнца.

– Что это за скверна?! – гневно выкрикнула Чо.

– Мы не знаем, – сурово ответил Эр’рил.

– Потому-то мы и обратились к тебе, – добавила Элена.

Чо поглядела в небеса, потом на дерево.

– Мост! – сказала она звенящим от гнева голосом. – Открыт новый мост духов!

Собравшиеся во внутреннем дворе сбились в кучку и молча наблюдали.

– Мост духов? – переспросил Эр’рил.

Девушка высвободилась из его рук.

– Может, нам стоит поговорить с тетей Филой? – предложила она.

Стандиец разгадал замысел Элены – призрак ее тетушки тоже в какой-то мере был мостом между мирами.

Взглянув еще раз на луну, Чо, не сдвинувшись с места, перетекла в другую форму. Ее плечи округлились, жесты стали более естественными, Пустота больше не сияла в глазах.

– Дитя мое, – приветливо произнес дух. – Как ты поживаешь?

– Тетя Фила... – горло Элены сжалось.

Эр’рил взял ее за плечо, поддерживая.

– Что происходит с луной?

– Чо права, – Фила оглядел двор. – Выпущенные из дерева души создали временную связь между этим миром и Пустотой. Что-то похожее на мой дух – связь между мирами. – Она повернулась к ним. – Но связь не такая устойчивая, как у меня, благодаря магии Кровавого Дневника. Как только поток душ от коа’коны иссякнет, мост разрушится.

– А что происходит с луной? – повторила Элена.

Ночное светило почти полностью окрасилось в цвет крови, отбрасывая на них пламенный отсвет.

Тетя Фила нахмурилась и жестом приказала Элене поднять руку. Рубиновый оттенок розы на ладони девушки ничем не отличался от цвета луны.

– Из-за созданного моста энергия Пустоты перетекает сюда.

– Но почему? Я не понимаю.

– Я тоже. И даже Чо не понимает. Этого не должно быть. Чо напугана. Со стороны выглядит, будто кто-то прорвал огромную дыру в ткани ее мира. И он перетекает в наш.

– Чем это может нам угрожать? – вмешался Эр’рил.

– Если эта сила попадет сюда, – покачал головой призрак, – наш мир может сгореть дотла. Или его ткань будет искажена до неузнаваемости. – Она посмотрела на дерево. – Мост нужно разрушить.

– Но он почти закончил, – сказала Ни’лан, выходя вперед. – Уже последние из темных цветков очищаются.

Эр’рил видел, что нифай права. Только несколько цветков оставались темными, выпуская светящиеся сгустки из сердцевин. Но если на чашу весов брошена судьба мира...

Он покрепче сжал в руке топор.

– А мы можем защититься от магии Пустоты? – спросила Элена, стараясь отыскать способ борьбы, безопасный для Родрико.

– Мы не знаем, что вызвало разрыв.

– Но если мы не знаем, почему все это началось, то как можем с уверенностью заявлять, что разрушение моста нам поможет?

Брови тети Филы сошлись на переносице. Вопрос Элены ее, похоже, озадачил.

– Может быть, ты и права. Вначале нужно найти решение. Я должна посоветоваться с Чо.

Она отвернулась.

Девушка взглянула на Эр'рила. Воин взял ее за руку, но топор не отпускал. В нескольких шагах от них Мерик утешал Ни'лан. А одинокий мальчик продолжал петь своему дереву. На мгновение в песне Родрико Эр'рил померещился крутой поворот судьбы. Сегодняшнее событие – маги, собравшиеся здесь, полноводный поток силы – станцию показалось, что создатели Кровавого Дневника предугадали все это давным-давно.

Куда пойдет теперь грядущее?

Наконец после длительного молчания тетя Филя повернулась. Ее глаза вновь сияли Пустотой – это была Чо. Она устремила пугающий взгляд на Элену.

– Я прочитала мировой эфир. Сила уходит в Пустоту. – Она указала на дерево и поток душ, а потом на кроваво-красную луну. – Но что-то тянет ее обратно.

– Вытягивает обратно? – нахмурилась ведьма.

Лицо Чо, вытесанное из лунного камня, исказилось. Она взмахнула руками, пытаясь объяснить нечто, чему не могла подобрать названия.

– Два потока. Один туда, другой – обратно. – Снова быстрый взгляд на луну. – Силовые вихри... – Она взмахнула руками, подчеркивая важность сказанного.

– Стремнина? – подсказал Эр'рил.

Чо подняла голову, словно прислушиваясь.

– Потоки... луна... вихри. Филя понимает. Да... стремнина.

– Но почему? – нахмурилась Элена. – Если магия духа выходит отсюда, то что тягивает магию из пустоты?

Очертания Чо мерцали, расплываясь по краям. Насколько мог понять Эр'рил, исходя из своего опыта общения с призраками, она рассердилась.

– Не знаю! – выкрикнул дух. – Но я узнаю!

– Как? – удивилась Элена.

Чо вновь запрокинула голову, словно вопрос показался ей бессмысленным... или ответ – слишком простым, чтобы его произносить.

– Я возвращаюсь в Пустоту! – с этими словами призрак, выточенный из лунного света, взмыл вверх.

– погоди! – воскликнула вслед девушка. – Что ты хочешь сказать?!

– Эта порча, – Чо на миг обернулась, колеблясь на границе между сущностью и перво-зданной магией, – опасна всем... мне, моему брату, нашим мирам. Я обязана пойти.

Дух рванулся к дереву, словно комета с очертаниями женщины, и влился в поток света. Промелькнув над ветвями, она устремила в небо.

– Чо поплыла по реке душ, – сказала Элена, провожая ее взглядом.

Эр'рил видел, как серебристая женская фигура потянулась от коа'коны к луне, словно длинный мерцающий канат. Так она дрожала, будто вот-вот лопнет, бесконечно долго.

И вдруг с неслышным хлопком, который ощущался каждым волоском на теле воина, призрак исчез.

Повисла тишина, тяжелая, будто туман.

– Коа'кона исчерпала себя, – первым нарушил молчание Джоак.

Все взгляды устремились к дереву. Эр'рил понял, почему тишина, царившая миг назад, казалась такой полной. Родрико окончил песню и рухнул на колени рядом со стволом. Стан-диец внимательно оглядел деревце. Теперь все цветки приняли пурпурную окраску, сияя, словно аметисты в темно-зеленой оправе листы. Ни один не остался темным.

– Все кончено, – произнесла Ни'лан, облегченно вздохнув. – Все захваченные в плен души освобождены.

– Но луна по-прежнему кровоточит, – заметил Арлекин.

Эр’рил задрал голову. Луна в самом деле оставалась замаранной. Следовательно, прореха в пустоте не закрылась. Ведьма оказалась права. Разрушение моста не защитило от угрозы.

Внезапно позади него охнула Елена. Она в отличие от прочих не глядела на луну, а склонилась над Кровавым Дневником. Раскрытая книга дрожала в ее руках.

– Страницы... – бормотала она, протягивая дневник Эр’рилу.

Разворот сиял в свете факела девственной чистотой пергаментных листов. Пустота исчезла.

Глава 4

Каст спешил вслед за принцем Тайрусом в подземелье замка. По срочному вызову Сай-вен он покинул совет шкиперов дри'ренди. Женщина-мер'ай просила передать, что брат Рин обнаружил нечто внутри яйца из эбенового камня, но они нуждаются в его помощи. Тайрус тоже присутствовал на встрече, чтобы согласовать действия пиратов и кровавых наездников, и теперь шел вместе с Кастом, слушая человека, которого за ними прислали.

– Ксин, ты уверен? – в который раз спрашивал принц-пират.

– Я ощутил тьму, источник порчи, – кивнул мудрец зу'ул. – Будто свеча темного пламени, вспышка. А потом все исчезло... Но мне это не померещилось. Все произошло на самом деле.

Каст бросил озабоченный взгляд на обнаженного по пояс низкорослого шамана, чья длинная тонкая коса, украшенная перьями и осколками морских ракушек, свисала через плечо. Темная кожа зу'ула мерцала, словно полированное черное дерево в полутемных залах, и, казалось, шрам в виде восходящего солнца над правой бровью сияет собственным светом. Каст знал, что выходец из джунглей мог читать в людских сердцах и даже устанавливать мысленную связь с ними на больших расстояниях.

Тайрус кивнул на лестничный пролет, открывшийся перед ними.

– Нужно сообщить об этом Элене и Эр'рилу.

– Я только посмотрю, что же такого нашла Сай-вен, – нахмурился Каст. – А потом встречусь с вами во внутреннем дворе. Может быть, тьма каким-то образом связана с тем деревом...

Жестом поманив Ксина за собой, Тайрус шагнул на ступеньку. Каст повернулся, чтобы направиться в другую сторону, к замковым книгохранилищам, но тут позади раздался крик. Кровавый наездник обернулся и увидел, как шаман-зу'ул упал без чувств. Тайрус и Каст кинулись к нему.

– Что случилось? – воскликнул пират.

– Тьма... она сгущается... – Лицо Ксина перекошилось от боли, он задыхался. – Она прибывает оттуда... – Он указал пальцем в сторону коридора, куда намеревался отправиться Каст.

– Уж не яйцо ли? – Тайрус посмотрел в глаза кровавого наездника.

– Очень может быть... – ответил Каст, ощущая, как кровь леденеет от страха за Сай-вен. Он передал шамана принцу. – Скажи Элене...

Тайрус кивнул.

– Оно опять ушло... – Ксин потряс головой, будто пытаясь упорядочить мысли. – Но...

– Что «но»?

– Оно... – зу'ул обвел воинов взглядом. – Оно показалось мне знакомым... – Он покачал головой. – Нет, не понимаю...

– Мне нужно торопиться, – отрывисто бросил Каст, устремляясь вниз по коридору.

Он не мог дальше мешкать. Книгохранилище располагалось на другом конце замка, под башней для наблюдения за светилами. И если Сай-вен в опасности...

– Будь осторожнее! – крикнул ему в спину Тайрус.

Каст перешел на бег. Он промчался через зал, несколько раз свернул за угол, едва не сбил с ног служанку, которая волокла охапку полотенец, но не стал тратить драгоценное время на извинения. Короткий лестничный пролет он преодолел, шагая через три ступеньки, будто бы вновь отрастил драконьи крылья. И вот, наконец, оказался перед тяжелой дубовой дверью, защищающей вход в библиотеку.

Каст толкнул створку. Дверь не поддавалась. Заперта. Страдая от нарисованных в воображении кошмаров, кровавый наездник ударил по дереву кулаком.

– Сай-вен!!!

Никакого ответа.

Он постучал снова, оглядываясь вокруг в поисках чего-нибудь, чем можно было вышибить створки.

– Каст? – послышался голос Сай-вен из-за двери.

У него ноги подогнулись от нахлынувшего облегчения, когда ключ повернулся в замке и двери распахнулись.

Мер'ай выглянула, непонимающе глядя на него.

– Ты чего колотишь? – И тут она заметила его прерывистое дыхание и побелевшее лицо. – Что-то случилось?

Каст, тяжело дыша и внимательно глядя по сторонам, переступил порог книгохранилища.

– Что-то случилось? – повторила Сай-вен, закрывая за ним дверь.

В конце прохода между книжными полками толпились вокруг стола, стоявшего рядом с камином, несколько ученых, одетых в белое. Один из них – брат Рин – обернулся и помахал рукой. Каст громко вздохнул. Кажется, все в порядке.

– Каст, – Сай-вен коснулась его руки. – Объясни мне, что случилось?

– Я... – Он покачал головой. – Я думал, это у вас что-то случилось...

Мер'ай нахмурилась и пошла рядом с ним к дальнему концу библиотеки.

– А почему ты так решил?

– Ты так неожиданно меня вызвала... И шаман Ксин что-то почувствовал, – кровавый наездник привлек Сай-вен к себе и поцеловал в макушку. – Я рад, что ты в безопасности.

Она обняла Каста, и так, тесно прижавшись друг к другу, они подошли к ученым.

Брат Рин жестом пригласил их к столу, заставив товарищей потесниться, чтобы освободить место для широкоплечего дри'ренди.

– Тебе надо это увидеть. – Ученый сдвинул очки на кончик носа. – Поразительно, в самом деле!

Каст придвинулся ближе, но ему потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать увиденное. На столе лежали два округлых предмета из эбенового камня, каждый с зубчатым краем. Нет, не два предмета, а две половинки одного и того же яйца!

– Вы его открыли! – выдохнул он.

– Это оказалось не так сложно, – произнесла Сай-вен, все еще обнимая его. – Пришлось капнуть немного крови. – Она указала на одного из ученых помоложе, если судить по желтому поясу. Тот скорчился у дальней стены. Его горло перечеркивал косой разрез, белая одежда покраснела. – Ну, если подумать, то не так уж и мало...

Каст отпрянул, но неожиданно сильные руки подруги удержали его. Он рванулся еще раз. На помощь Сай-вен пришел еще кто-то, чья хватка оказалась крепче стали.

– Что? – с трудом выдохнул он.

– Дракон в нашей власти, – брат Рин приблизился к Сай-вен. – Ты отлично справилась, моя дорогая.

Женщина убрала руки от Каста и заглянула ему в лицо, в то время как остальные удерживали его на месте.

Брат Рин поднял руку. На его раскрытой ладони копошилась осклизлая тварь. Ее щупальца обхватывали предплечье ученого от запястья до локтя, а одно потянулось к Касту, слепо шаря в воздухе. Окаймленный присосками рот открылся.

Кровавый наездник побледнел.

– Ты узнал нашего маленького помощника? – спросил брат Рин.

Да, Каст и вправду слышал рассказы о подобных чудовищах. Эти выродки завладели разумом людей в пиратской гавани Порт-Роула. Элена и ее союзники тогда едва спаслись.

– Повелитель немного улучшил их облик, – Рин снял с ладони маленького монстра. – Новое поколение.

– А одного мы приберегли для тебя, – прошипела Сай-вен.

Каст напрягся, пытаясь вырваться.

– Но есть еще сотня яиц на дне моря, – сказал брат Рин. – И в каждом спряталось немало наших маленьких друзей.

– Мы поднимем их во имя дела нашего повелителя, – добавила Сай-вен. – Ты и я.

– Ни за что! – выплюнул он слова.

– А тебя никто не спрашивает, любовь моя, – насмешливо прошептала она, протягивая пальцы к щеке Каста. – Ты нужен мне...

Грэшим уставился на истекающую кровью луну. Темно-красные реки низвергались вниз.

В этом болезненном свете крики вокруг озера только усиливались. Паломники пытались добраться до берега. В роще там и сям вспыхивали факелы, веселая музыка смолкала. Парусники покидали гладь озера. Все стремились прочь от воды.

Даже Рукха напугало изменение светила. Гном ежился и ворчал, взрывая грязь копытцами и прочными когтями.

Грэшим вскинул посох, пытаясь определить, есть ли непосредственная опасность. Заклинание крови все так же распространялось по серебряным водам, втягивая лунный свет, собирая его в ловушку. Он намеревался использовать эту силу исключительно для своего блага, но сперва следовало побеспокоиться о защите.

Отражение луны выделялось в самой середине озера ярким пятном. Но даже оно приобрело кроваво-красный цвет.

Затаив дыхание, Грэшим ждал, когда поток созданной им темной магии столкнется с отражением. Трудно было предугадать, что же произойдет, когда они сольются. Маг чувал в этих водах, затронутых порчей, необоримую мощь. Стихийные свойства Лунного озера поглотили даже волшебство необъяснимого явления.

И вот темное заклинание преодолело серебряные воды и наложилось на темно-красное пятно. Голубоватый мерцающий туман поднялся от воды. «Что же это такое?» – нахмурился Грэшим.

Туман кружил под напором невидимых ветров и закручивался в воронку. Внутри вихря возникли очертания женщины, стоящей в самой середине рубиново-красного отражения. Она медленно поворачивалась, изучая берега озера.

Не один Грэшим заметил ее.

– Владычица Озера! – закричал кто-то.

Толпа разразилась возгласами удивления. Все повернулись к чуду. Совсем недавно они умирали от страха, а теперь – от любопытства и благоговения. Тишина и ожидание повисли над озером.

«В самом ли деле это Владычица Озера?»

Грэшим изучал ее, пока поток его магии растекался по темно-красной воде.

Женщина-призрак вздрогнула и повернулась лицом к чародею. Хотя расстояние между ними было не таким уж и маленьким, Грэшим кожей ощутил прикосновение пристального взгляда. Ее рука медленно поднялась, указывая на него обвиняющим жестом.

Маг вскинул посох, сплетая вокруг себя и Рукха заклинание щита. И мгновение спустя поразился, что проявил разумную предосторожность. Темное заклинание крови смешалось с рубиново-алой окраской луны, вызвав ослепительную вспышку поразительной силы.

Буря неистовой магии рванулась во все стороны. Грэшим и гном скорчились внутри защитного кокона. На их глазах с корнем выкорчевывались могучие деревья. Парусная лодка пролетела по воздуху, упав где-то за лесом, а вслед за ней из озера поднялась стена воды, вдвое превосходящая самое высокое дерево.

Вся эта мощь обрушилась на одинокий островок защиты Грэшима. Он добавил еще магии в щит и приготовился наблюдать за представлением. «Вот это силища!» Он молился, чтобы его волшебства хватило на противостояние этой буре.

Даже через защитное заклинание он слышал ни с чем не сравнимое завывание ветров – они будто явились из иного мира.

Пока Грэшим искал, что же их вызвало, его объяла непроницаемая тьма. В один миг окружающий мир исчез.

Кровь чародея застыла в жилах.

Он провалился в Пустоту.

Элена ощутила магическую вспышку за мгновение до того, как она произошла. Оторвав взгляд от чистых страниц Кровавого Дневника, она обернулась к луне. Болезненного вида темно-красные потеки внезапно застыли. Но девушка догадалась, что это не к добру... Ох не к добру...

– Эр’рил... – тихонько позвала она.

– Что такое?

Ведьма раскрыла рот, но не смогла подобрать слов. Просто указала на небо.

Рубиновая окраска серебристой луны стремительно темнела и раздувалась, словно воздушный пузырь, поднимающийся с огромной глубины.

– Уходи... – прошептала она.

– Куда? И зачем это? – стандиец схватил ее за рукав.

Элена рывком освободилась. Сунула Дневник воину в руки и выхватила свой ведьмин кинжал. Глубоко вспорола одну ладонь, а за ней и вторую. Боли она не чувствовала. Только страх.

Эр’рил сунул книгу под плащ и тронул девушку за плечо.

– Элена...

Не обращая на него внимания, она подняла обе руки. Хотя и знала, что уже слишком поздно. Темный пузырь беззвучно лопнул, разлетаясь в разные стороны. Магическим зрением Элена с замиранием сердца видела, как вспышка сверкающей силы мчалась к ним вдоль следа, оставленного потоком магии и душами, исторгнутыми цветущим деревом.

– Уходите все! – закричала она.

Но прежде чем кто-либо сделал хоть шаг, упругая волна ветра ударила во внутренний двор, будто туда опрокинули гигантское ведро с водой.

Элена выпустила магию из обеих ладоней, но мощь, обрушившаяся сверху, смяла жалкую попытку защиты, даже не заметив ее, и обрушилась на людей, как волна штормового прибоя. Мир вокруг исчез. Девушку поглотила бесконечная тьма.

Прежде чем в голову ей пришла хоть одна мысль, тьму нарушила пляска крошечных искр, сверкающая и мигающая в густой путанице нитей и ответвлений. Подвижная сеть окружала ее, опутывала, проходила сквозь нее. Разум Элены растекался вдоль бесчисленных паутинок. Девушка узнала сеть. Она видела ее и раньше, всякий раз, когда касалась сокровенных глубин своей магии.

Перед нею были жизненные нити, бесчисленные связи, соединяющие все живое в этом мире. Голоса зазвучали в голове ведьмы. Смутные образы замелькали перед глазами. Чужие чувства, желания, мечты проносились через нее. Она боролась, чтобы удержаться и не потерять себя в коловращении сверкающих жизней.

И не сумела...

Элена полетела к центру паутины, словно светлячок в водовороте. И не могла задержаться. В полете она ощущала чье-то присутствие, нечто огромное заполняло ее разум, нечто являвшееся жизнью и не-жизнью одновременно. Девушка осознала, что находится здесь не одна. Глубоко в путанице жизненных сил присутствовало нечто. И это сверхъестественное существо изменяло ее путь. Оно казалось огромным, неизменным, вечным. Словно паук, соткавший всю эту паутину.

Элена не знала, сумеет ли пережить пристальное внимание чудовищного ткача, и из всех сил пыталась удержаться.

Внезапно чьи-то руки подхватили ее и вырвали прочь из паутины. В голове зазвучал гневный голос: «Ты не должна туда идти!»

Это вернулась Чо. Затем вокруг вспыхнули тысячи солнц.

Боль пронзила Элену.

«Ты никогда не должна туда идти!»

Раскат грома застал Тайруса у двери, ведущей во внутренний двор. Грохот бросил его на колени. Весь замок задрожал. Толстая дверь из крепчайшего дерева раскололась пополам.

– Добрая Матушка! – охнул пират.

Неужели молния ударила так близко? Помотав головой, чтобы унять шум в ушах, он схватился за железный засов и отдернул руку с криком удивления и боли. Его ладонь примерзла к металлу, такому холодному, что он обжигал. Пожалуй, на ручке остался неплохой лоскут его кожи.

– Что-то не так! – воскликнул Ксин, отстававший от принца всего на шаг.

– Я и сам догадался. – Тайрус обернул раненую ладонь плащом и снова взялся за ручку, но дверь не поддавалась.

Рыча от ярости, он налег плечом и распахнул створку, проломив ледяную корку.

Сад большого внутреннего двора казался нетронутым. Никаких признаков удара молнии или разразившейся бури. Пока Тайрус озирался, край его плаща зацепил розу. Бледно-красный цветок упал на дорожку и рассыпался в мелкие осколки.

Принц ошеломленно уставился на них.

Ксин потрогал цветущую ветку кизила, которая под его пальцами сломалась и, упав, зазвенела по гравию.

– Заморожены, – сказал Тайрус.

При свете полной луны сад сверкал неестественно ярко. Все листики, все веточки погибли, покрытые льдом.

Его внимание привлекло движение. Маленькая фигурка выбралась из-под дерева, стоявшего в центре сада. Малыш Родрико. Мальчик погладил пурпурный бутон коа'коны, будто успокаивая его. Лепестков этого цветка мороз не коснулся, они оставались мягкими и живыми. Сотни распустившихся цветков дерева излучали теплое сияние. Во дворе выжили лишь оно и мальчик.

– Где же остальные? – проговорил Ксин.

Тайрус покачал головой. Ответа он не знал.

В саду не было ни души.

Внезапный грохот, от которого замок содрогнулся до основания, сыграл Касту на руку. Те, кто держал его, замерли от неожиданности, а кровавый наездник рванулся и выскользнул из цепких пальцев. Брат Рин, все еще демонстрировавший студенистую тварь, шарахнулся назад. С яростным ревом дри'ренди подхватил тяжелый дубовый стол и швырнул его на врагов, вкладывая в бросок всю боль и ненависть. Столешница обрушилась на сгрудив-

шихся братьев, разбросала их в стороны и разбила камин. Разлетелись горящие угли. Две половинки черного яйца запрыгали по полу.

Чьи-то пальцы сомкнулись у него на рукаве. Он резко повернулся.

Перед ним стояла Сай-вен.

– Каст! – Вот сейчас ее голос напомнил его прежнюю подругу.

– Сай-вен?

Она испугано смотрела на него.

Не раздумывая, Каст ткнул кулаком ей в лицо. Из ее носа хлынула кровь, окрашивая костяшки кулака. Схватив девушку за запястье, он рывком забросил ее себе на плечи.

– Держите его! – закричал брат Рин.

Каст выскользнул из толпы врагов со сноровкой, выдающей десятки лет, проведенных на палубе. Легкая Сай-вен нисколько не мешала ему мчаться к выходу из книгохранилища. Врагов было слишком много, чтобы вступить в бой, к тому же демонические личинки придавали им огромную силу. Следовало собрать стражу, а потом вернуться и основательно вычистить залы замка от порчи.

Уже у самых дверей его осенила внезапная мысль. Каст толкнул плечом ближайший ряд полок. Высокое деревянное сооружение покачнулось. Толстые книги и скрученные пергаменты делали полки весьма тяжелыми. Преследователи наступали на пятки.

Яростно рыча, Каст вновь ударил плечом. Сай-вен застонала. На этот раз одна из полок подломилась и упала на соседнюю. Следом повалился весь ряд. Книги и свитки высыпались. Поднялись клубы пыли.

Каст выскочил в коридор, но отбежал всего на пару шагов. Там он опустил Сай-вен на пол, выхватил из скобы факел и взял со стола лампу.

Вернувшись к порогу, он кинул фонарь в первого из преследователей, угодив ему точно в грудь. Стекло разбилось, белые одежды ученого пропитались маслом. Решительно толкнув его обратно, Каст ткнул в человека факелом.

– Прости, брат мой!

Пламя в мгновение ока охватило пропитавшуюся маслом мантию. Каст повалил человека на груды пыльных томов и изъеденной червями древесины. Они занялись будто трут. Огонь с ревом распространялся. Каст отпрыгнул, швырнул факел на кучу древних пергаментов, а потом выбежал в коридор.

Захлопнув тяжелую дверь, он вогнал кинжал наискось, пригвоздив ее к косяку, и вдобавок обмотал засов поясом. А тем временем изнутри уже доносились отчаянные вопли. Двери содрогались от ударов. Из книгохранилища имелся еще один выход – по винтовой лестнице на башню для наблюдения за светилами, но любой, кто попытался бы спрыгнуть оттуда, упал бы с огромной высоты и разбился насмерть.

Каст повернулся к сгорающим ученым спиной. Нужно было привести подмогу и удостовериться, что гнездо порчи выжжено до основания. Он поспешил туда, где оставил Сай-вен.

Факел, ранее освещавший коридор, он забросил в библиотеку, поэтому здесь властвовала густая тень...

Он взгляделся в темный проход.

– Сай-вен...

Грешим пытался рассмотреть черную Пустоту вокруг себя. Куда он попал? На краткий миг вдалеке возникла вспышка, словно трещина во тьме, некое подобие голубоватой молнии. А потом и она исчезла.

Он подпитал силой магическую защиту, используя последние крохи из костяного посоха. Отчаяние пробирало его до мозга костей. Позади все так же скулил Рукх. Неужели тварь ощущает скорую гибель?

Смирившись, Грэшим опустил посох. Ну, он хотя бы хлебнул еще раз вино молодости, пускай всего лишь глоток.

И вдруг, будто лопнул пузырь, Пустота исчезла, вновь возник знакомый мир. Внезапное появление света и вещества бросило чародея на колени. Рукх зарылся мордой в грязь и подвывал.

– Заткнись, пес! – ткнул его локтем Грэшим.

Но в словах его не было обычной злости, ибо открывшееся зрелище могло кого угодно лишить дара речи.

Они стояли все на том же клочке земли, но Лунное озеро опустело. Тяжелые волны разрушили побережье. Всюду, куда падал взгляд, валялись вывороченные с корнями, лишенные ветвей и листвы деревья. А сверху, безучастная и холодная, наблюдала за опустошением яркая луна.

Ночь наполнилась мертвой тишиной. Не пели птицы, не кричали люди. Грэшим прислушался, рассчитывая услышать голоса хоть кого-то из выживших, но тщетно. Никого.

Маг огляделся. Заметив мерцающий свет, он повернулся к середине озера. В ямах на песчаном дне еще оставалось немного воды, и поначалу ему показалось, что он видит отражение луны в лужах. Но светящийся столб рос, словно луч света, пробившийся меж мрачных туч, устремляясь с неба к озеру.

– Что это такое? – пробормотал Грэшим, прикрывая глаза ладонью.

Он почувствовал пульсирующий поток магии в сердцевине светящегося столба и снова схватился за посох. Если бы удалось захватить эту силу...

Маг шагнул к озеру, но в следующий миг копьё света лопнуло, разлетаясь на кучу осколков, которые втыкались, как ножи, в мокрый песок. Лед?

Он прикоснулся кончиком посоха к одному из кусочков. Сила лунного света отозвалась – перед ним находились замороженные частицы озера.

Грэшим втянул малую толику магии в посох, а потом улыбнулся, оглядев тысячи и тысячи ледяных осколков. Конечно, не так много магии, как он рассчитывал, но и эта пригодится.

Еще раз внимательно окинув взором озеро, он заметил несколько человек, поднимающихся с песка и жидкого ила на осушенном дне. И опасно отступил. Слабые голоса, свидетельствующие о растерянности и потрясении, донеслись до ушей чародея.

– Где мы?

– Не знаю, – отозвался второй голос, более сильный и решительный.

Они показались ему смутно знакомыми.

– Не может быть... – шепнул Грэшим, пригибаясь.

Он использовал частичку магии из посоха, чтобы обострить зрение и слух. Покрытые илом и грязью люди шевелились посреди озера. Маг едва сдержался, чтобы не выругаться. Этого не могло быть!

Эр'рил, с трудом выдирая ноги из липкого ила, брел к Элене. С каждым шагом чавкающая жижка угрожала сорвать с него сапоги.

– Не знаю, куда мы попали, но судя по звездам, весьма далеко от А'лоа Глен.

Ведьма, изучавшая свои ладони, побледневшие с исчезновением роз, подняла голову.

– Да, но где именно?

– Где-то среди лесов Западных Пределов, – ответила Ни'лан.

Мерик и один из стражников замка помогали маленькой нифай подняться на ноги.

– Западные Пределы... широки... – раздраженно протянул Арлекин Квэйл, продолжая сидеть в грязи.

– Ты уверена? – спросил Джоак, пока второй стражник поднимал его и ставил на ноги. Он тяжело налег на посох, ушедший глубоко в ил.

Ни'лан поглядела на поваленный лес.

– Я слышу древесную песнь за краем неба. – Ее пальцы рассеянно счищали грязь с лютни. – А здешний лес умер.

– Это заметно, – сказал Мерик.

– Нет, ты не понимаешь, – голос Ни'лан дрогнул. – Он совсем мертв. Даже земля безжизненна. – Она повернулась к остальным. – Разве вы этого не чувствуете?

Эр'рил цепко обшарил взглядом местность вокруг. Она и в самом деле выглядела неестественно тихой.

– Даже мертвые деревья – часть цикла корня и почвы, – продолжала нифай. – Разлагаясь, они отдают свою магию земле. Но здесь почва пуста. Нечто разрушило здесь землю, отобрав стихийную магию у нее и у деревьев.

Никто не возразил ей. Темный и безмолвный лес казался зловещим.

Наконец Арлекин нарушил тишину, с недовольным видом выбираясь из лужи:

– А как мы сюда попали и что нужно сделать, чтобы вернуться?

– Это все Чо, – ответила Елена. – Я почувствовала ее, когда магическая волна ударила во внутренний двор. Должно быть, нас протащило вдоль стремнины – от одного заклинания к другому.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался Эр'рил.

– Чо увидела два потока силы, направленные навстречу друг другу, – девушка указала рукой туда, где ночное светило сползало к горизонту. – Из моста душ некая сущность засасывала магическую силу... сюда, насколько я могу понять. – Она обвела взглядом мрачную местность. – Вспышка затянула нас вдоль отголоска моста душ и сюда, в эту точку, словно обломки лодки в неистовое течение.

– Но не всех. – В голосе Мерика звучал приглушенный страх, когда он повернулся к Ни'лан. – Родрико...

– Не бойся, – покачала головой нифай. – Я видела его в тот миг, когда волна обрушилась на нас. Древесные ветви защитили его. Он окончил свою песню, объединившись узами с коа'коной. Теперь они оба укоренились во внутреннем дворе замка.

– И он в безопасности? – облегченно вздохнул Мерик.

– Я верю, что так оно и есть, – лицо Ни'лан напряглось. – Иначе я почувствовала бы.

– Сейчас для нас лучше всего, – вздохнул Эр'рил, – найти убежище, где можно было бы развести огонь и просушить мокрую одежду. А потом подумаем, как нам вернуться домой.

– Огонь – это хорошо, – проговорил дрожащий Джоак. – Как только я отдохну, то попытаюсь связаться с Ксином через черную жемчужину. – Он похлопал по карману.

Эр'рил кивнул. Он знал, что Джоак и шаман зу'улов создали невидимую связь, обменявшись подарками и именами, благодаря чему могли общаться на очень большом расстоянии. Но вот насколько большим? Поиски ответа на этот вопрос можно отложить до утра. Сейчас гораздо важнее разбить безопасный лагерь.

Они побрели к деревьям, разбросанным по грязным берегам. Стражников Эр'рил отправил вперед, чтобы они искали раненых – вдруг кому-то нужна помощь. На ходу он прикинул, какое оружие имеется у отряда. Мечи были у него и у Мерика, Джоак опирался на посох, но хватит ли ему сил воспользоваться им как оружием?

Эр'рил нахмурился и заковылял к Элене, которая о чем-то шепталась с Арлекином. Коротышка размахивал руками и звенел колокольчиками. Неважно, что он говорил, но на

губах Элены блуждала улыбка. За это Эр'рил был готов обнять этого странного парня. Но вместо этого он жестом попросил девушку отойти в сторону.

– Что? – спросила она.

Стандиец взял ее ладони в свои, и у него перехватило горло. Так редко случалось, что Елена до конца расходовала магию роз, так редко он мог держать ее руки без перчаток. Он уже позабыл, какая мягкая и теплая у нее кожа.

– Эр'рил?

Их взгляды встретились.

– Мы не знаем, что за опасности нас ждут, – сказал воин. – Не лучше ли тебе попробовать возобновить холодный огонь, пока луна еще не зашла?

– Конечно, – Елена, казалось, обмякла, ее улыбка исчезла.

Она высвободила руки и отступила в сторону.

Эр'рил потянулся к ней, но сдержал себя. Были некие тропы, куда он не мог ступить вслед за ней.

Девушка подняла левую ладонь к луне. Ее веки наполовину опустились, когда она приказала магии вернуться. Эр'рил смотрел ей в лицо, которое лунный свет словно изваял из серебра и теней. В какой-то миг он заметил, как напряглась линия губ, а брови сошлись на переносице. Елена опустила ладонь, а после протянула ее вперед, показывая воину бледную кожу.

– Ничего... Ничего не получилось...

– Ты уверена? – Стандиец шагнул к ней. – Ты все делала правильно? – Она сердито глянула на него, а потом подняла глаза к небу. – Что могло пойти не так, как надо?

– Я не знаю, – Елена прижалась к нему. – Возможно, лунную магию здорово потратили нынче ночью. А может быть, потому, что исчезла Чо. Ведь именно ее сила наполняет меня магией.

– Ничего, разберемся, – заверил ее Эр'рил. – Если все дело в луне, то дождемся восхода солнца. На рассвете ты сможешь возобновить ведьмин огонь.

– А если и с солнцем ничего не выйдет? – голос Элены стал почти неслышным, в нем звучали страх и облегчение одновременно.

Эр'рил обнял ее крепче. Он частенько забывал не только о мягкости ее кожи, но и о том, какое бремя давит на плечи любимой. Воин попытался передать девушке часть своего тепла. Да, он оставался ее вассалом и советником, но в такие мгновения не следовало забывать и о том, что он – муж.

Они стояли, сплетя руки достаточно долго, чтобы остальные ушли далеко вперед.

Наконец Елена вытащила Кровавый Дневник из кармана, пришитого к изнанке плаща Эр'рила. Провела бледными пальцами по обложке. Золотая роза все еще слабо светилась.

– Если дело не в луне, нужно будет искать Чо, – вздохнула девушка. – Без ее силы нам не выиграть войну.

Эр'рил молча кивнул.

Элена раскрыла книгу. При виде страниц у нее вырвался сдавленный вскрик. Заглянув в протянутый ему Дневник, Эр'рил увидел окно в мир, наполненный темно-красными и синими клубящимися облаками и звездами, сгрудившимися в кучу.

Пустота вернулась.

Девушка с надеждой огляделась. Но никакой вспышки или светящегося смерча не обнаружила. Чуть скривившись, она встряхнула книгу, будто пытаясь вытолкнуть духов со страниц.

Затем, все еще хмурясь, повернулась к Эр'рилу.

– А где Чо?

Грэшим сидел на берегу Лунного озера, прислушиваясь и приглядываясь к людям, волочащим ноги по залитому грязью дну.

Значит, ведьма лишилась силы?

Его рот перекосялся в злобной ухмылке. Шоркан и Хозяин Блэкхолла могли бы простить многое из прошлого темного чародея, если бы он вручил им Элену. Но это слишком опасно. Уж очень мало магии ему удалось накопить.

Волшебник заметил сутулую дряхлую фигуру, ковыляющую с помощью принца-эльвина и девчонки-нифай.

Джоак!

От брата ведьмы так и разило магией, а кроме того, он опирался на знакомый до боли посох.

– Вот если мне удастся вернуть то, что принадлежит мне по праву... – прошептал Грэшим, сам не до конца понимая, говорит он о посохе или о мальчишке.

Многое еще предстояло обдумать, но определенные меры следовало принять как можно быстрее. Упускать удачу он не собирался.

Наклонившись к Рукху, маг отдал ему несколько решительных распоряжений. Коротышка-гном поклонился, нырнул в бурелом и исчез. А Грэшим вновь принялся наблюдать за пересекающей озеро кучкой людей, тщательно обдумывая следующий шаг. Сосредоточившись и уйдя в себя, он не заметил, что за ним следит бесшумный охотник.

Только ощутив, как волосы на его руках и шее встали дыбом, он резко повернулся и увидел яркую вспышку, горевшую в ночи, будто факел. Она на многие лиги открыла всем тайное убежище мага.

Грэшим испуганно вскрикнул, прикрывая глаза ладонью.

Сияние преобразилось в женское лицо, излучающее ледяной гнев. Владычица Озера?

Ее голос оглушительно гремел, эхом раскатываясь вокруг, не уступая по силе свету:

– Ты попался! Ты будешь наказан!

Грэшим скорчился, выставив вперед опустошенный посох. Но он прекрасно понимал, насколько беспомощно его оружие против той силы, с которой ему довелось столкнуться. Странные огни горели в пустых глазах призрака.

В подтверждение его догадки издалека донесся зов ведьмы:

– Чо!

Книга вторая Путь домой

Глава 5

Тол'чак нахохлился под каплями дождя, напоминая валун, окруженный бурей. Вода сбегала по его лицу. Он вскарабкался на гранитную скалу, откуда открывался вид на раскинувшуюся впереди долину и горы за ней, скрытые тяжелыми тучами и пеленой ливня. Занимался рассвет, но смену дня и ночи не удавалось определить точно. И вчера, и позавчера они не видели ни солнца, ни луны, лишь слабые отсветы на серо-синих небесах.

– Какой мокрый край! – раздался голос позади.

Не нужно было оборачиваться, чтобы узнать Магнама. Шутки и прибаутки д'варфа казались неисчерпаемыми.

– Сейчас идут летние дожди, – пояснил Тол'чак. – Но к середине лета они иссякнут, земля просохнет, и так будет, пока не начнутся зимние бури.

– Звучит просто восхитительно. Если бы у меня была трещотка-жена и куча детишек, я бы привез их сюда на лето отдохнуть.

– Ты мог уйти с Веннаром и остальными д'варфами.

Магнам крикнул и вытащил из кармана трубку.

– Я не воин, – махнул он рукой. – Походный повар – вот кто я. И мне показалось, что посмотреть твою родину – неплохая идея. – Д'варф вскарабкался на скалу и остолбенел, увидев залитое дождем нагорье. – Да... Кое-какая родина у вас, огров, имеется.

– По крайней мере, – Тол'чак покрутил головой, – здесь не торчат вулканы через каждые пять шагов и не смердит серой из ямин.

Он сказал это, вспоминая земли д'варфов в Гал'готе, искореженные и зараженные, но когда увидел дернувшееся, будто от пощечины, лицо Магнама, пожалел о своих жестоких словах.

Д'варф надолго замолчал.

Все они перенесли нелегкие испытания, поэтому часто ссорились и потом угрюмо замыкались в себе. Перелет занял гораздо больше времени, чем предполагалось. Элв'ин-капитан Джеррик очень быстро уставал, борясь с ненастной погодой и нарастающим недугом, который иссушал его стихийную силу. Приходилось часто сажать корабль-разведчик для отдыха, и каждый раз Джеррику требовалось все больше времени, чтобы восстановить силы. Иногда несколько дней. Только благодаря поддерживающим отварам Мамы Фреды судно достигло гор в первый летний месяц.

Магнам повернулся спиной к косому дождю и попытался раскурить трубку при помощи вытащенного из костра уголька, но после нескольких неудачных попыток сдался и, запустив углем в сторону гор, вздохнул.

– Ну, по крайней мере, мы добрались, – похлопал он Тол'чака по колену. – Добро пожаловать домой!

Огр смотрел через долину на мутный абрис Великого Клыка Севера, чью вершину покрывал снег, не тающий и в самое жаркое лето. Даже грозовые тучи оказались не в силах скрыть величие горного пика, возвышавшегося над своими собратьями. Сравниться с ним мог лишь Клык Юга, брат-близнец, застывший на другом конце горной гряды.

Прищуривав янтарные глаза, Тол'чак попытался разглядеть свою родину сквозь пелену тумана, но не преуспел. Миновав эту долину, они вступят в самое сердце земель народа

огров, его народа. Но почему же мысли об этом вселяют страх? Его ладонь опустилась на сумку, висевшую у бедра, ощутив неровности спрятанного там сокровища – осколка сердце-камня величиной с череп козы, реликвии и средоточия духовной силы огрских кланов. Тол'чаку удалось снять с него проклятие, восстановив в полной мере его красоту и могущество. Но чтобы закончить путь, оставалось вручить сердце-камень старейшинам племени, древней Триаде.

– Возвращение домой не всегда бывает легким. – Магнам, казалось, ощутил его неуверенность.

Тол'чак долго молчал, а потом ответил:

– Меня тревожит не возвращение домой.

– А что тогда?

Огр покачал головой. Он покинул эти земли как убийца, изгой, последний отпрыск мерзкого Клятвоотступника. И возвращался теперь с исцеленным кристаллом, но с тяжестью в сердце. Ему предстояло встретиться с Тριάдой и поведать, о чем он, потомок Клятвоотступника, узнал. Его проклятый предок все еще жил. Клятвоотступник на самом деле являлся Темным Властелином этого мира, тем, кто носил такие имена, как Черное Сердце, Черный Зверь или, среди племен д'варфов, Неназываемый. Казалось, у каждого народа нашлось собственное наименование для его проклятого предка.

Это бремя Тол'чак нес в своем сердце, но не мог уклониться от исполнения долга. И ему еще предстоит испытать позор, если он хочет узнать побольше о своем предке и о связи между сердце-камнем и эбеновым камнем.

– Я должен через это пройти, – прошептал он Клыкку Севера.

Хруст сучьев предупредил о том, что кто-то явился потревожить его утренние раздумья. Промокший, как мышь, человек шагнул из-под прикрытия отяжелевших от влаги ветвей кустарника. Пряди каштановых волос липли к лицу, наполовину скрывая его черты. Как был, нагишом, он забрался на скалу, нисколько не смущаясь отсутствием одежды, и подошел к ним грациозной походкой.

– Солнце взошло, – сказал вновь прибывший.

– Фардейл? – поинтересовался Магнам.

Человек кивнул. Хотя он и находился в обличии Могвида, но на самом деле был его братом-близнецом. Когда-то они находились в разных телах, но теперь вынужденно делили одну оболочку. Могвид занимал ее ночью, а Фардейл – днем. Единственным преимуществом этой загадочной перемены в их судьбах стало возвращение способностей к перевоплощению.

– Я сбегая вперед, разведая дорогу, – сказал Фардейл.

Прищурившись, он изучал долину, а носом втягивал порывы влажного ветра.

Внезапно дернувшись, оборотень упал на землю. Руки и ноги его вытянулись, «потекли», словно лишившись костей, а потом приобрели очертания лап, принявших на себя вес тела. Одновременно кожа сморщилась и вытолкнула из себя густую темную шерсть. Рычание перешло в волчий вой. Шея преобразилась в мощный загривок, а лицо вытянулось в длинную оскаленную морду. Вскоре на месте человека стоял крупный древесный волк. Только пылающие во мраке янтарные глаза оставались неизменными.

Янтарные глаза Тол'чака, доставшиеся ему в наследство от матери, такой же изменяющей облик си'луры, как Могвид и Фардейл, встретили пристальный взгляд волка, и в мозгу огра замелькали образы. Хотя он и не мог преобразовывать тело, ему вполне удавалось обмениваться мыслями с си'лурами.

Картины-сообщения волка ворвались в его разум: «Четкий след, в конце размытый... Одинокий волк, обнюхивающий тропу».

Тол'чак понимающе кивнул.

Словно смазанное темное пятно, волк исчез в лесу. В который раз уже Фардейл отправился разведывать путь для друзей.

– Неплохо бы ему задуматься о разнообразии, – проворчал Магнам. – Волк мне уже надоел. А что ты думаешь о барсуке?

Тол'чак поглядел на д'варфа.

– Большой наглый барсук, – Магнам посасывал нераскуренную трубку. – Хотел бы я на это посмотреть.

– Не будоражь Фардейла. – Огр нахмурился и выпрямился. – К телу волка он привык и хорошо его знает. – Он поглядел вслед си'луре. – Думаю, это его успокаивает.

– Я бы тоже нервничал, – пожал плечами Магнам, – если бы делил свое тело еще с кем-то... Особенно с таким, как его брат. – И д'варф покачал головой.

– Могвиду тоже нелегко.

– Позволь не согласиться. Он не слышит собственного хныканья каждую ночь.

Тол'чак поднялся со скалы. У него все равно не хватило бы терпения объяснить, почему Могвид так раздражителен. Вместо этого он кивнул на лес за спиной.

– Надо помочь остальным свернуть лагерь.

Они вступили под сень деревьев. С сосновых игл капала вода. В нескольких шагах от опушки яркий свет выдавал место их ночевки. Под скальным выступом все еще потрескивал небольшой, но жаркий костер, выглядевший неуместно в мгlistом лесном полумраке. Магнам присоединился к оставшимся спутникам – капитану элв'инского корабля Джеррику и пожилой слепой целительнице Маме Фреде, которые скатывали одеяла и собирали припасы в мешки.

Большинство вещей оставалось на корабле-разведчике, который они надежно пришвартовали на просторном горном лугу в одном дне пути отсюда. Ближе к горам подходить не стоило из-за непрекращающихся ветров. Кроме того, Тол'чак не мог предсказать заранее, как его соплеменники воспримут появление в их землях такого странного сооружения. У огров имелась скверная привычка – вначале нападать, а уже потом задавать вопросы. Поэтому в целях безопасности было решено покинуть корабль и сделать последний переход пешком.

Тол'чак смотрел, как друзья сворачивали лагерь, и покачивал головой.

– Я по-прежнему считаю, что для вас было бы лучше остаться на судне.

Он опасался за безопасность маленького отряда. Ладно, Фардейл сумел бы спрятаться в лесу в облике волка, но шагающие через земли огров элв'ин, человек и д'варф могли поплатиться жизнью.

– Остаться? – Мама Фреда выпрямилась, сжимая в пальцах небольшую сумочку, наполненную целебными травами и снадобьями. – Судьба Аласеи может зависеть от того, что мы здесь обнаружим! Кроме того, оставаться в горах ненамного безопаснее, чем идти в твои земли.

Возразить Тол'чак не сумел. С борта летающего корабля они видели разрушенные деревни, слышали от местных жителей о страшных чудовищах, которые бродили в лесу по ночам. Пересекая предгорье, они не единожды натыкались на группы вооруженных селян, которые приказывали им огибать местности, зараженные смертельными болезнями. Однажды ночью корабль пролетал над пылающим городом. Растянувшаяся по дороге армия, освещенная факелами, вытекала из него, будто огненные муравьи. Джеррик внимательно рассмотрел их и заключил, прежде чем убрал зрительную трубу: «Не люди...»

Поэтому, приземлившись, они решили идти вместе. Со спутником-огром можно было чувствовать себя уверенней.

Джеррик засыпал влажной землей костер и вытер руки. Старый капитан казался бледным, что еще больше подчеркивалось длинными белыми волосами.

– Мы готовы.

Желтовато-коричневый зверек размером с небольшую кошку спрыгнул с ветвей. Выгнув спину и отряхнувшись. Его крошечная голая мордочка в обрамлении пушистого воротника из огненного меха сморщилась.

– Плохо, сыро... промерз до костей... – пропищал он, подражая голосу Могвида.

– Сюда, Тикал, – позвала Мама Фреда и подставила плечо.

Ее любимец вскарабкался на него и крепко вцепился лапками. У знахарки и тамринка Тикала был единый разум на двоих. Они разделяли чувства друг друга, и благодаря такому единению слепая старуха видела окружающий мир глазами зверька.

Джеррик забросил за спину свой мешок, помог поднять груз Маме Фреде. При этом его ладонь ненадолго задержалась на ее плече. Она прикоснулась щекой к его пальцам – маленький знак привязанности. Пожилая знахарка настояла на том, чтобы сопровождать Джеррика в этом походе. «Для того чтобы помочь ему бороться с болезнью, вытягивающей стихийную магию», – объяснила она. Но, глядя на них, любой мог бы сказать, что эту парочку связывают более глубокие чувства.

Магнам подошел к своей сумке, похлопывая для уверенности по маленькому топору, висящему у бедра.

– Ну что ж, давай поглядим на твои земли.

Тол'чак поднял самый большой мешок, набитый утварью и припасами. Оглядев напоследок стоянку, они отправились в путь.

Огр шагал первым. К полудню они вступят во владения его племени. А к сумеркам могут достичь родных пещер. Когда он вошел под полог плачущего леса, гром, примчавшийся издалека, отразился от гор, как будто звал его домой.

Магнам топал рядом.

– Ты не один, – сказал он мягко.

Тол'чак промолчал, но эти простые слова странным образом успокоили его. Ждет их впереди опасность или нет, но он был рад, что его товарищи с ним.

Обнаружив оленью тропу, шедшую в нужном направлении, огр повел отряд вниз. Тропа вилась по крутому склону, ноги скользили по грязи и мокрой хвое. Шагать приходилось медленно, придерживаясь за ветки деревьев и кусты, чтобы не упасть.

– А где Фардейл? – проворчал Джеррик. – Пора бы ему возвратиться и показать нам дорогу поудобнее.

Тол'чак нахмурился. Волк возвращался время от времени, предупреждая их о препятствиях или показывая, где лучше переправиться через реку или ручей. Но в это утро Фардейл не появлялся. А день уже приближался к полудню. Никогда он не отсутствовал так долго.

– Наверное, гоняется за кроликами, – сказал Магнам. – А о нас позабыл.

Несмотря на легкий тон приятеля, Тол'чак уловил в его голосе беспокойство. Достигнув дна долины, они пошли медленнее. Быстрый ручей, раздувшийся от ливней, преградил им путь. Тол'чак указал на упавшее дерево, лежавшее поперек бурного потока.

– Мы можем перейти по нему. Думаю, Фардейл уже на том берегу.

Перебравшись через ручей, они вошли в более густой лес, темный ельник. Отсюда начинался крутой подъем, а за этими последними горами лежали земли огров.

Тол'чак молился, чтобы Фардейл не совался туда в одиночку. Волчье мясо считалось изысканным кушаньем среди его народа, а теплые шкуры высоко ценились при обмене. Не очень верилось, правда, что много огров будут бродить под дождем. В такую мерзкую погоду они предпочитали сидеть в сухих пещерах, греясь у жарких костров. И все-таки где же Фардейл?

Яркая молния разорвала полуденный полумрак, разветвляясь, словно паутина. Почти сразу же за ней ударил гром, с ревом прокатившись по склону. Ему ответил вой, полный злобы и страха.

Тол'чак, узнавший зов их спутника, застыл на месте.

– Фардейл... – проговорила Мама Фреда.

Тамринк обернул хвост вокруг шеи старухи и съежился.

Гром затихал, а вой, напротив, становился громче, наполняясь огненной яростью.

К нему присоединились новые звуки – грубые выкрики, будто кто-то дробил валуны.

Магнам глянул на Тол'чака.

– Огры, – ответил тот на немой вопрос д'варфа и, повернувшись к склону, добавил: – Отряд охотников.

За тысячи лиг от них, во влажных джунглях на нижних склонах Клыка Юга, Джастон услышал яростный крик зверя. Завывание заглушило и кваканье лягушек, и жужжание жажущих крови мух. Он замер на тропе и огляделся. С одной стороны, зов, казалось, пришел издалека, но с другой – близко, как стук собственного сердца. Он прищурился, вглядываясь в заросли. С гряды, на которой он стоял, просматривались во все стороны болота, укутанные привычным туманом.

Там простирались Топкие Земли, его родной дом. Он происходил из болотников – выживавших среди трясин и хлябей. Одевался Джастон в серые кожаные бриджи и накидку из шкуры крок'ана такого же цвета. Как бы ни хотелось ему вернуться домой, но важное задание гнало вперед.

Когда он повернулся к Клыку, странное завывание повторилось, эхом отражаясь от камней. Даже голоса джунглей притихли. Несмотря на близость звуков, Джастона не оставляло чувство, что зверь находится где-то далеко. Озадаченный охотник по давней привычке потер шрамы на левой стороне лица.

– Большая собачка вырвалась на свободу, – произнес голос у его ноги.

– Это всего лишь эхо Клыка играет с нами в загадки, – Джастон мельком глянул на маленького мальчика и погладил его по голове.

– Собачка потерялась?

– С ней все в порядке, – улыбнулся болотник.

Удовлетворившись, по всей видимости, ответом, мальчик сунул в рот большой палец. Черноволосый малыш в домотканой одежде выглядел не старше пяти зим, но на самом деле не исполнилось еще и двух недель, как болотная ведьма Касса Дар слепила из мха, лишайника и липкой грязи маленького голема, а потом вдохнула в него жизнь.

Джастон, поддернув повыше заплечный мешок, продолжил подъем по оленьей тропе. Вой, казалось, преследовал его, кусая за пятки. Он вновь остановился. Что же здесь не так?

– Касса, ты меня слышишь? – повернулся он к мальчику.

Голем пошевелил бровями, почесал ухо, будто ему туда забрался жук.

– Касса?

– Я тебя слышу, любимый, – вдруг произнес малыш совершенно другим голосом.

Эти звуки согрели Джастону сердце. Если закрыть глаза, то можно было предположить, что Касса Дар находится рядом. Даже ее запах, похоже, разлился по сырому и холодному лесу – сладкий и изменчивый аромат луноцвета. И как этот цветок, она была столь же прекрасна, как и смертоносна, поскольку являлась могучей стихийной ведьмой.

– Что у тебя? – спросила Касса через голема.

Когда-то ведьма проходила обучение в страшной касте убийц в замке Дракк, куда ее отправили ее соплеменники-д'варфы. Но нападение Темного Властелина привязало ее к землям рядом с цитаделью, взамен подарив долголетие и мастерство в искусстве отравления.

Соединенная узами с землей, она не могла отправиться в путешествие вместе с Джастоном. Им пришлось разлучиться. Но ведьма послала с ним немного своей магии, заключенной в болотном ребенке.

– Ты слышишь вой? – спросил Джастон.

Мальчик помотал головой, прислушиваясь. Приставив ладонь к уху, медленно повернулся по кругу.

– Древесный волк, – через некоторое время сказала Касса Дар.

– Здесь? – удивился охотник.

Эти хищники в здешних землях не водились.

– Нет. – Голем остановился. – Ты правильно поступил, что позвал меня.

– Не понимаю.

Дитя посмотрело на него, и Джастон ощутил пристальный взгляд ведьмы.

– Вой доносится от Клыка Севера.

– Но это же тысяча лиг отсюда!

– Да, – кивнул мальчик. – Но ведь ты узнаешь голос?

Болотник по-прежнему ничего не понимал.

– Прислушайся... Только не ушами, а сердцем.

Джастон нахмурился, но не посмел послушаться женщины, которую любил. Позволив векам опуститься, он глубоко вздохнул. Вой окутал его, заполняя все чувства.

– Он тебя ищет...

Внезапно охотник догадался. Вернее, ощутил всем телом.

– Фардейл, – выдохнул он. – Оборотень.

Он открыл глаза, наконец-то поняв, кто и почему его зовет. Когда-то они странствовали вместе с волком и вместе спасались от щупалец крылатого чудовища.

– Ваша прежняя дружба открыла путь. Это свойство пиков-близнецов, связанных магией.

– Клыки... – пробормотал он.

Касса Дар рассказывала об этих горах, двух средоточиях дикой стихийной магии земли. Поток силы из Клыка Юга поддерживал ведьму и ее болото. Месяц назад она ощутила ослабление магии, которое не являлось частью всеобщего недуга, затронувшего всех магов-стихийников. Эта внезапная потеря показалась более резкой. В отличие от прочих стихийников жизнь Кассы Дар была напрямую привязана к магии земли.

Следовательно, она тоже ослабела.

Джастон не мог позволить себе сидеть сложа руки. Потому-то две недели назад он самостоятельно отправился в путь, чтобы выяснить, кто или что повинно в уменьшении потока магии от Клыка. И, если получится, разрушить затор, препятствующий ей.

– Значит, Фардейл на Клыке Севера, – болотник смерил взглядом гору.

– Елена говорила, – кивнул малыш, – что меняющий обличья, огр и еще несколько соратников отправились на родину огра.

Голос волка вдруг стал тоньше.

– Судя по звукам, они в беде, – сказал Джастон, крепче сжимая руку болотного дитя.

– Иди на вой, – распорядилась Касса через голема. – Найди, откуда он доносится.

Нельзя разрывать возникшую связь. Только сильные чувства могут связать Клыки, – ребенок зашагал по тропе, таща охотника следом. – Может быть, мы распахнем двери в том месте.

– Распахнем двери? Это как?

– Несколько веков я прожила в тени Клыка Юга, – пояснила ведьма. – А книгохранилища замка Дракк содержат сведения из более далекого прошлого. Много-много лет люди верили, что эту гору посещают призраки. Есть и свидетельства, и просто сказки, но их много. Звучат бестелесные голоса, призрачные видения появляются и исчезают. Только маги Ала-

сеи знали правду. Если есть сильная связь и возникает крайняя необходимость, между двумя пиками могут быть открыты двери.

– И ты знаешь, как это сделать?

– Нет, – голос Кассы затихал. – Я сейчас иду в книгохранилище, чтобы поискать ответ, но мне трудно заниматься двумя делами одновременно. Так что бери дитя и постарайся все-таки разыскать Фардейла. Когда найдешь, позови меня.

– погоди! Я вообще-то направился сюда, чтобы отыскать нечто, что ослабляет магию Клыка Юга...

– Обратню грозит непосредственная опасность, а мне пока еще нет.

– Но...

– Я думаю, ты не случайно услышал зов волка, – голос стал еще глуше.

– Что ты хочешь сказать? – нахмурился Джастон.

– Я читала о Клыках и помню, что обе стороны должны испытывать потребность слышать друг друга, – раздраженно ответила Касса Дар. – Ты не мог знать, что Фардейл в опасности. Но у тебя была собственная глубокая нужда. Не исключено, что ваши желания каким-то образом взаимосвязаны. Ты ищешь ответ, а у Фардейла может быть ключ к разгадке. Иди к нему, и не только для того, чтобы спасти меняющего обличья, но и меня. – Джастон ошеломленно замер. – Торопись, пока не разорвалась связь! Отыщи волка!

– Я попробую...

Болотник повернулся и прислушался к гуляющему среди скал эху. Звук, казалось, шел со всех сторон.

Он сосредоточенно изучал джунгли, и полуденная жара давила на него, словно мокрое шерстяное одеяло. Солнечный свет проникал сквозь буйный полог леса, окрашивая кроны в изумрудный свет.

«Отыщи волка»...

Знать бы, откуда начинать.

– Я хочу собачку, – мальчик дернул его за руку.

Джастон последовал за проводником. У созданий болотной ведьмы имелись зачатки собственных желаний, но они исходили от Кассы Дар. Просто разум голема изменил ее приказ на свой лад.

– Я люблю собачек. Собачке страшно. Я заберу ее себе, – дитя зашагало напрямую через сплетение лиан.

Охотник доверился слуху ребенка. Ведь он создан при помощи магии, вдруг ему удастся скорее найти источник звуков.

Они карабкались по крутому склону, хватаясь за ветки и лианы, чтобы подниматься быстрее.

– Сюда, собачка, собачка... – повторял малыш, словно заклинание, продираясь через подлесок.

Вот и очередная гряда. В ложине прямо под ними блестело в солнечном свете озерцо со стоячей водой. Несколько лягушек скакнули с илистых берегов, подняв рябь на поверхности.

– Собачка хочет пить! – ткнул вниз пальцем ребенок.

Джастон напрягал слух. Завывание перешло в рычание и предупреждающее тьяканье. Звуки доносились из этой низины.

– Покажи мне! – попросил Джастон.

– Я заберу себе собачку, – кивнул голем с детской непосредственностью.

Он прыгнул вперед и заскользил по склону, увлекая охотника за собой.

В мгновение ока они достигли озерца, заросшего по краям травой. В прозрачной воде лениво шевелили плавниками несколько рыб. Услышав незваных гостей, лягушки сварливо заквакали, раздувая пузыри. А вверху ярко сияло солнце, дробясь на озерной глади.

Посмотрев на свое отражение, Джастон нахмурился. И что теперь? Голос Фардейла поднимался от поверхности водоема, будто туман, а потом стих.

– Касса? – испуганно выкрикнул болотник.

Мальчик бродил неподалеку, ища под кустами потерявшуюся собачку, но внезапно выпрямился, как кукла, которую дернули за ниточку.

– Джастон, – сказал он голосом Кассы Дар. – Кровь.

Как будто это короткое слово все объясняло.

– Кровь?

– Согласно старинным свиткам, – кивнул мальчик. Голос его стал монотонным, будто он читал. – Используя меру крови, те, кто связан, могут открыть путь между Клыками в случае крайней необходимости, согласно своему желанию.

– И как все это понимать?

– У тебя и Фардейла есть связь. Ты спас жизнь оборотня, создав тем самым духовные узы между вами. Именно поэтому его зов дошел до тебя. Но чтобы открыть двери и перенести тело, требуется немного субстанции, которая придаст силу заклинанию. И эта субстанция – твоя кровь.

– Но вой прекратился, – Джастон уставился на водоем.

– Все равно попробуйся... Заклинание продержится недолго!

Нахмурившись, охотник вытащил кинжал из ножен.

– Сколько крови?

Мальчик молчал, но лицо его скривилось.

– Сколько? – повторил мужчина, приближая острие клинка к предплечью.

Малыш покачал головой.

– Не знаю. Мера... Это все, что говорят свитки.

Джастон вздохнул. Мера... Это могла быть капля, а мог быть и бочонок. Он решительно полоснул клинком по предплечью. Боль пронзила руку, а кровь закапала в озерцо, растекаясь пленкой по поверхности воды.

Любопытные рыбки подплыли поближе.

Болотное дитя встало на колени у кромки воды.

– Здесь должна быть дверь. Зеркальные поверхности обладают силой, – Голем повернулся к Джастону. – Но, кажется, когда вой смолк, магический канал распался. Мы опоздали.

– А может, надо больше крови? – охотник вытянул руку, отказываясь сдаваться. Он сжал кулак, усиливая кровотечение.

– Джастон, не расходуй понапрасну...

Где-то за грядой, окружающей лошину, послышался новый вой. Но не волчий. Другие голоса ответили этому первому, душераздирающему. Они доносились со всех сторон.

– Нюхачи... – вскочил ребенок. – Их, наверное, привлек зов волка.

Джастон сглотнул комок в горле. «Или они учуяли запах крови...» Всем охотникам были знакомы эти здоровенные лесные хищники с синюшной кожей, будто бы состоящие из зубов и мускулов, настоящие акулы джунглей. Он прислушался к крикам. Стая... Не меньше восьми или девяти зверей.

Он опустил руку, оставив попытку помочь Фардейлу. Тут своя драка на носу. Выхватив меч здоровой рукой, он придвинул болотное дитя поближе к себе.

Охотничьи кличи стаи перешли в какофонию. Нюхачи часто голосили, чтобы напугать добычу. И их уловка, похоже, сработала.

– Джастон, используй мой яд, чтобы отравить лезвие меча! – Мальчик отступил и распахнул безрукавку на груди. – Ударь сюда!

– Я не могу! – Охотник поднял брови.

– Дитя не чувствует боли. Помни – он всего лишь мох и болотная грязь.

Джастон все еще колебался.

– У него моя сущность, – умоляла Касса Дар. – Он весь из отравы. Используй его, чтобы напоить ядом свой клинок.

Крики приближались. Шорох и хруст лиан предупреждал, что враг заходит и с тыла. Джастон приставил конец меча к груди мальчика.

Дитя с беззаботным любопытством притронулось к клинку.

– Острый, – пробормотал мальчик собственным голосом.

Пока болотник раздумывал, глядя в доверчивые синие глаза, за его плечом раздалось рычание, перешедшее в неистовый вой. Ребенок и мужчина оглянулись одновременно. Звуки шли прямо из водоема у их ног.

И это снова был волк.

Гладкая поверхность озерца мерцала, разбежались кто куда любопытные рыбы. На их месте возникла поразительная картина: древесный волк присел на задние лапы, оскалив клыки.

Фардейл!

Позади волка виднелся отряд огров, вооруженных дубинами и длинными загнутыми костями. В глазах охотников, ясно различимых на дне водоема, горела жажда крови.

– Джастон! – вдруг воскликнул мальчик голосом Кассы.

Стремительно развернувшись, охотник заметил огромную тварь, подобравшуюся на расстояние прыжка. Голая кожа напоминала цветом хороший кровоподтек. Широкие ноздри жадно раздувались, впитывая запах крови и страха. Черные глазки изучали добычу холодно и беспристрастно. Мясистые губы приподнялись, обнажая ряд острых зубов.

Со всех сторон слышались шорохи и вскрики других нюхачей, скулящих от голода. Но здесь стоял исполненный безмолвной угрозы вожак – тот, кто должен был убить.

Не выдав себя ни движением, ни звуком, вожак стаи прыгнул с места. Кто бы мог ожидать такой прыти от внешне неповоротливого существа?

Джастон выставил клинок перед собой. Некогда было мазать ядом острие. Отшатнувшись вместе с ребенком, цепляющимся за его штанину, от зверя, охотник поскользнулся на грязи, покрывавшей берег. Рука с мечом дрогнула...

Здоровенная туша нюхача ударила человека в грудь. Острые когти вспороли плечо. Когда Джастон падал в воду, вожак стаи издал клич торжества и смерти.

Тол'чак взбежал на верхушку горной гряды, опережая друзей. Чтобы не утратить надежду спасти Фардейла, следовало торопиться.

Оказавшись наверху, он завертел головой, пытаясь услышать хоть какой-то зов волка. Но Фардейл хранил зловещее молчание. Волк обернулся человеком? Убежал? Тол'чак сомневался в таком исходе. Оборотень больше всего полагался на волчье тело и старался оставаться в нем.

Огр затаил дыхание, напрягая слух. Он доверял мастерству меняющего обличья, но вместе с тем знал, что такое охота воинов его племени. Когда они повисали на хвосте у жертвы, то не отступали, умело загоняя ее в засаду.

И вот теперь эта тишина...

– Ты его видишь? – проорал снизу Магнам.

Д'варф поднимался с Мамой Фредой и Джерриком, стараясь выбирать участки тропы поровнее.

Отчаявшись, Тол'чак уже открыл было рот, чтобы ответить, но тут пронзительный вой пронесся над нагорьем. Фардейл! Звук доносился из-за соседнего пригорка. Огр не стал ждать спутников. Он прыжками понесся вдоль гряды, по голым гранитным скалам, спеша на зов.

Камень стал скользким от дождя. У противоположного склона Тол'чак потерял равновесие и скатился по предательской скале. С гневным криком он слетел с обрыва и плюхнулся в середину ручья, раздувшегося от непогоды. Серdito зарывчав, он увидел, что угодил в настоящую ловушку.

Шестеро огров толпились на одном берегу ручья. Фардейл припал к земле на другом. Его загнали к отвесным утесам, не давая надежды на спасение.

Поскольку огры отшатнулись, удивленные падением Тол'чака, он успел выбраться из ручья на берег к Фардейлу.

– Оставьте этого волка мне! – проревел он на родном наречии.

Один из охотников вышел вперед. Его руки не уступали толщиной древесным стволам, а дубина напоминала бревно. Он обнажил желтые сточенные клыки.

– Пойди сам поищи себе мясо!

Чтобы придать своим словам вес, он постучал дубиной по земле. Его товарищи одобрительно заворчали.

Гигант-огр был незнаком Тол'чаку, но он узнал рисунок из шрамов на мускулистом предплечье. Клан Ку'укла – один из самых диких и жестоких. Когда-то они воевали с кланом Тол'чака, и тогда погиб его отец.

Спутники вожака подступали ближе – могучие, покрытые множеством шрамов. Их глаза пылали жадной кровью.

– Прочь с дороги или умрешь! – предупредил главарь.

Отступив к Фардейлу, Тол'чак выпрямился в полный рост. Увидев его ровную спину, охотники попятнулись. Он уже успел позабыть, сколько ненависти и отвращения вызывал среди соплеменников.

И только предводитель не сдвинулся с места. Не испуг, а узнавание промелькнуло в его поросячьих глазках.

– Тот-кто-ходит-как-человек, – прорычал он. – Тол'чак Изгнанный, сын Лен'чака из клана Токтала. – Огр сплюнул в ручей, словно имя противника осквернило ему рот.

Тол'чак вздрогнул. Он не думал, что его опознают так быстро.

Могучие мышцы вожака напряглись. Приняв позу вызова и готовности к драке, он выкрикнул:

– Ты проклят! Как ты посмел показаться здесь снова?! Твоя голова украсит наши пещеры!

С ревом он прыгнул в ручей, дав знаком своим спутникам заходить с боков. Они неотвратно приближались.

Безоружный Тол'чак прибег к единственному средству защиты, каким обладал. Сунув руку в сумку, он вытащил алый кристалл и поднял его над головой.

Шесть пар глаз уставились на него.

– Сердце-камень! – воскликнул один из охотников.

– Сердце нашего народа! – подхватил Тол'чак. Однажды камень защитил его от воинов этого же клана. Он молил Добрую Матушку, чтобы уловка сработала вторично. – Я пришел, чтобы вернуть его Триаде! Не смейте становиться у меня на пути!

Огры помельче замешкались, но вожак не сдавался.

– Подделка... Или украл! – пророкотал он.

Но как только великан попытался выбраться из ручья, новый крик прокатился над горами – пронзительный вопль другого хищника. Все замерли, настороженно затаив дыхание. Вожак застыл в ручье, и вода обтекала его могучие ноги, будто валуны.

С всплеском и брызгами из ручья вылетели какие-то тела.

Тол'чак испуганно отпрыгнул назад. Зверь ужасного вида выкатился на дальний берег, оказавшись в окружении огров. Чудище вскочило на когтистые лапы, яростно рыча и роняя

капли слюны. Нюхач! Он рванулся к ближайшему охотнику, нацелившись тому клыками в горло.

Затем из ручья выкатились еще двое. Взрослый мужчина и мальчик. Они оказались у ближнего к Тол'чаку берега, прямо под ногами вожака огров.

Истекающий кровью человек оттолкнул в сторону малыша, чудом избежав нацеленной в них дубины. Взлетели брызги там, где она соприкоснулась с водой, теряя скорость.

– Демоны! – взревел огр.

Фардейл кинулся на помощь людям. Мужчина встретил волка без страха.

– Рад видеть тебя, Фардейл!

Они медленно пятились к берегу.

Тол'чак никак не мог понять, откуда они взялись. Да к тому же вновь прибывшие знакомы с оборотнем... Что это за волшебство такое?

Малыш распахнул на груди жилетку:

– Быстрее, пока двери открыты... Но я чувствую, как они закрываются!

К ужасу Тол'чака, мужчина вонзил меч в грудь ребенка. От прикосновения стали дитя рассыпалось, оставив после себя кучку мокрого бурьяна. Травинки соскользнули с лезвия, и послышался шепот:

– Возвращайся ко мне...

– Обязательно, любовь моя.

Только теперь Тол'чак опознал исполосованное шрамами лицо. Джастон-болотник. Как он сумел тут очутиться?

Гигант-вожак вновь двинулся к волку и человеку. Тол'чак стряхнул оцепенение и поспешил на помощь. Но Джастон опередил всех, изящным движением нырнув под удар и укулов огра в сгиб локтя.

Великан яростно взревел и нанес удар дубиной. Болотник отпрыгнул, но поскользнулся на мокром валуне и упал.

Фардейл кинулся между ними, пытаясь защитить растерявшегося друга. Тол'чак бежал туда же.

Но их вмешательство не потребовалось.

Вожак застыл на мгновение, пошатываясь, а затем с громким всплеском рухнул в ручей. Его шкура вокруг небольшой ранки почернела и вспухла.

– Яд, – все еще лежа в воде, пояснил Джастон.

На противоположном берегу охотники наконец-то забили дубинами нюхача, но двое из огров не подавали признаков жизни. Оставшиеся отступали к лесу.

Перед тем как убежать, один из них горестно простонал:

– Драг'нок!

Тол'чак поглядел на мертвого гиганта и поежился. Он знал, кем был Драг'нок, и пришел в отчаяние. Убитый Джастоном вожак – глава всего клана Ку'укла. Его смерть не останется незамеченной. Убежавшие растрезвонят о ней, и вскоре заговорят барабаны войны.

Фардейл подошел к Джастону и приветливо его обнюхал. Болотник почесал волка за ухом.

– Я тоже рад тебя видеть, Фардейл.

Огр повернулся лицом к горам, сжимая в кулаке кристалл. Он пришел сюда, чтобы вернуть исцеленное Сердце своему народу, подарить ему надежду и мир. А вместо этого положил начало войне и кровопролитию.

Его имя, как и имя Клятвоотступника, должно быть навеки проклято.

Глава 6

Могвид закричал, приходя в сознание. Острый сосновый дух и запах дождя ударили в его чувствительные ноздри, громкие звуки зазвенели в голове, яркий свет жалил глаза, словно иглы, а на языке ощущался вкус крови. Он поднял лицо – или морду? – от полуобглоданной тушки кролика.

С возгласом отвращения он отпрыгнул от кровавой трапезы. Край заходящего солнца едва выглядывал из-за гор, и Могвид наконец разобрался, что к чему. Он глянул на поздний ужин Фардейла, и его верхняя губа приподнялась в тихом рычании. Брат знал, что они вновь поменяются на закате, и нарочно сыграл с ним небольшую шутку. Послание и напоминание от близнеца...

«Будь ты проклят, брат! Не я обрек нас на эту участь!»

Он открыл себя дару, доступному изменяющим тела, коснувшись пылающих углей в сердце. Кости, мышцы, кожа отозвались на его приказание. Могвид вышел из волчьего тела, перейдя в более привычный облик. Запахи утратили силу, свет тоже стал приглушенным. Голоса больше не резали ухо.

– О! Кажется, Могвид вернулся, – заметил Магнам, склонившийся над грудой хвороста, приготовленного для костра. – Как спалось?

Оборотню потребовалось несколько мгновений, чтобы изменить звериный рык на человеческий голос.

– Это... это был неестественный сон... – выпалил он, ощущая Фардейла глубоко внутри себя.

Опять они с братом поменялись местами в темнице. В сумерки в узилище без решеток оказывался Фардейл. Какое-то время он мог только наблюдать, но не вмешиваться. В том потустороннем мире сон лишен сновидений. Поэтому переход из дремоты в осознанное состояние сопровождался болезненными ощущениями и встряской. Такой «сон» нельзя было назвать отдыхом.

Могвид огляделся, привыкая к новому состоянию. Отряд разбил лагерь в неглубокой пещере. Он нахмурился – не слишком-то хорошее убежище против дождя и ветра.

Мама Фреда подала ему одежду:

– На, это Фардейл утром оставил.

Могвид, которого увидели нагим, смущенно отвернулся.

– Ничего, я же слепая, – усмехнулась целительница, возвращаясь к работе.

Когда оборотень натянул одежду на дрожащее тело, Магнам уже развел огонь. Могвид придвинулся поближе к костру, протянул к нему озябшие ладони. Несмотря на то что стояла летняя пора, ночи в горах оставались холодными, будто прикосновение зимы. Ветры дули постоянно, время от времени налетали короткие, но сильные дожди. Судя по раскатам грома вдалеке, эта ночь не будет исключением.

Он разглядел нового человека. Джастон смотрел на Могвида, сидя по другую сторону от костра с открытым ртом. В отвесах пламени его шрамы казались багровыми, но не только от жара. Болотник медленно поглядел на оборотня, покачав головой.

– Я... Прошу прощения... Просто... Я никогда не видел, чтобы меняющие обличья преобразались так сильно. Мисилл, когда мы дружили, она никогда... – он поводит ладонью перед лицом.

Могвид нахмурился. Он так долго странствовал с людьми, знакомыми с его способностью, что слова человека вызвали раздражение. Но оборотень смолчал. В конце концов, болотнику он обязан жизнью.

– Мисилл... – снова заговорил Джастон. – Я никогда не видел, как она преобразается.

– Она никогда не изменялась потому, что была заперта в человеческом теле, – Могвид устал от пустопорожней болтовни и решил рассказать человеку все. – А когда умерла, то укус проклятой змейки вернул ее к жизни. – Его голос понизился до озлобленного бормотания. – Змея вернула ей способности си'луры.

Могвид отошел от огня, в тысячный раз пожалев, что решил прибегнуть к помощи радужно-полосатой гадюки. Его попытка разрушить проклятие ввергла его и брата в еще большую беду.

Он проскользнул мимо Джеррика и Мамы Фреды, которые расстилали свои одеяла рядом и двигались так, будто уже засыпали.

Выйдя из пещеры, Могвид присоединился к Тол'чаку. Этот здоровяк не отличался болтливостью, но тем лучше – его молчание и простое дружеское отношение оказывали на измученную душу оборотня целительное воздействие. Сам он не горел желанием отправляться в путешествие, предпочитая отсидеться в безопасности на А'лоа Глен, но Фардейл вынуждался идти. Пришлось отправляться. Могвид радовался, что хотя бы огр с ними.

Он присел рядом с Тол'чаком, сторожившим лагерь: жадные на дармовщину грабители всегда могли найтись.

– Я думал, мы к этому времени уже доберемся до твоих родных пещер.

Огр пожал плечами.

Могвид догадывался, в чем причина задержки. После нападения на Фардейла отряд удвоил осторожность, скрытно пробираясь через горы. Дополнительные усилия замедлили движение настолько, что си'лура, по сути дела, все время дремал в черепе брата. Он просыпался лишь тогда, когда неодолимое проклятие выталкивало его обратно в тело, которое приветствовало Могвида полным ртом сырого кроличьего мяса.

Оборотень не сомневался, что Фардейл, засев глубоко в его мозгу, по-своему, по-волчьи, потешается над ним..

«Смейся, смейся, братец... Мы еще поглядим, кто будет смеяться последним...»

Вскоре появился Магнам, неся миски с тушеным мясом – по небольшой порции на каждого. Тол'чак принял пищу молча, погруженный в собственные заботы.

Могвид принялся и отодвинул миску.

– Кролик!

– Фардейл поймал парочку, – хихикнул Магнам. – Он любит делиться.

– Я не голоден, – оборотень вернул ужин д'варфу.

– Ну, мне больше достанется, – Магнам высыпал куски в свою миску, а пустую вернул Могвиду. – Чайник остывает у костра.

– Ну и?

– Вон там есть ручей. – Д'варф ткнул пальцем в темноту. – Он прекрасно подойдет, чтобы вымыть посуду. Как раз холодный и широкий, как ты любишь.

Могвид открыл рот, а потом подумал и закрыл. Что толку спорить? Ел он или не ел, а свои обязанности выполнять надо. Тем паче тяжелая рутинная работа позволяла хоть немного отвлечься от горьких размышлений. Каждый вечер он находил себя в этом теле, когда другие уже собирались спать или спали. А ему оставалась долгая ночь для того, чтобы размышлять, для того, чтобы проклинать свое нынешнее положение.

– Я на боковую. – Д'варф вылизал остатки подливы из миски и бросил пустую посуду на колени Могвиду.

Остальные последовали его примеру.

Лишь Тол'чак оставался неподвижным, сидя у входа. Его янтарные глаза сверкали в ночи.

Могвид собрал кухонную утварь в мешок, не забыл и свою сумку.

– Где этот ручей? – спросил он у огра.

– Вон за тем валуном, – указал Тол’чак. – Он не слишком глубокий.

Оборотень тем не менее не спешил. Луну и звезды затянули тучи. Ночь выдалась весьма темной.

– А огр? – осторожно поинтересовался он.

– Всего лишь полукровка, – пробормотал Тол’чак, имея в виду себя.

– Тебе нечего стыдиться, – заверил Могвид своего могучего товарища, погладив его локоть. – И мне тоже, – добавил он шепотом для себя и волка внутри. – Это не моя вина...

– Я пригляжу за тобой, – сказал Тол’чак.

Си’лура кивнул и спустился по грязи и щебню к ручью. Мешок с мисками и котелком он закинул на одно плечо, а свою сумку – на другое. Потянувшись к магии, он изменил мускулы рук и спины, усиливая их. Теплый поток волшебства успокаивал.

Несмотря на нынешнее затруднительное положение, было так приятно вновь обрести способности си’луры. Полное изменение тела, например от волка к человеку и обратно, отбирает много сил, но маленькие уловки удобны и не утомительны.

Миновав короткий склон, он вновь оценил тело, которым сейчас пользовался. Оно было столь же удобно, как разношенный сапог. Когда долгое время остаешься в одном и том же облике, это похоже на глубокую колею на дороге – главное попасть, а остальное выйдет само собой. Но теперь, с возвращением магии, возможны мелкие улучшения. Он вырастил слой теплого меха на щеках, обострил зрение, чтобы видеть в темноте. Может, это проклятие и не является таким злом, каким казалось вначале?

Обогнув валун, он вышел к воде. Шириной всего лишь в шаг, мелкий ручей струился по камням. Могвид сбросил мешок с посудой, особо не заботясь об осторожности, но свою сумку опустил на землю плавно. Усевшись на корточки, он оглянулся, дабы удостовериться, что валун надежно скрывает его от глаз огра.

Убедившись, что все в порядке, он зажмурился и попытался отыскать внутри себя тайного наблюдателя – Фардейла. За несколько месяцев, с той поры, как они соединились, Могвид научился безошибочно определять, когда его брат бодрствует, по легкому покалыванию и едва уловимому взгляду в затылок. Но сейчас он ничего не ощущал. Могвид улыбнулся. Как обычно, Фардейл крепко спал. После длительного перехода брат устал не меньше, чем остальные, и не слишком хотел наблюдать, как Могвид оттирает жирные миски.

Оставшись один, оборотень распутал кожаные завязки своей сумки, проверив узел, который завязывал по-своему, чтобы сразу обнаружить воришек. Но никто не прикасался к его вещам, узел оставался нетронутым.

Он улыбнулся. Фардейл, предпочитая волчью шкуру, не обращал внимания на сумку брата, да и остальные тоже. А между тем в ней хранилось множество интересных вещей, собранных Могвидом за время странствий по землям Аласеи.

Сунув руку в сумку, он отодвинул смену белья, кусок железной цепи с ошейником того нюхача, которого Тол’чак убил в этих холмах давным-давно. Маленький замшевый мешочек с прядью рыжих волос Элены. Заплесневелый орех. Наконец в самом дальнем углу его пальцы наткнулись на что-то, завернутое в полотно. Он извлек находку.

Укрывшись за валуном, Могвид поставил вещь на плоский камень и развернул ее. Чаша из эбенового камня впитывала даже слабые отблески костра, которые едва-едва достигали берега ручья. Оборотень снова оглянулся – не следит ли кто за ним?

А потом принялся тщательно изучать свое маленькое сокровище. Когда-то оно принадлежало паучьей ведьме – Вира’ни. Могвид провел пальцем по ободку чаши. Маслянистая на ощупь и поразительно холодная, поверхность камня походила на кожу умирающего человека, покрытую лихорадочной испариной.

Могвид закусил губу. Едва ли не каждую ночь он доставал магический сосуд, но не мог решиться на следующий шаг. И каждую ночь он вновь и вновь заворачивал свое сокровище

в тряпицу. После неудачной попытки освободить себя и брата-близнеца от проклятия, которая привела к еще более удручающему сплаву их в одном теле, Могвид верил в единственный способ разрушить узы, соединяющие братьев. Но тут требовалась магия более сильная, нежели та, которая подвластна Элене. У этой магии имелся один источник – Темный Властелин Гал’готы, предок Тол’чака.

Когда-то давно в старинной Сторожевой башне Тенистого Потока Могвид разговаривал с Темным Властелином. Черный Зверь Гал’готы провозгласил каменными губами Ротскилдера, Темного Стража: «Пока ты останешься с теми, кто помогает ведьме. Придет время, и я попрошу тебя о большем».

Могвид знал – для того, чтобы избавиться от проклятия, придется вновь столкнуться с этим ужасом. От лордов-близнецов Тенистого Потока он слышал, что только кровь обладателя стихийной магии, помещенная в чашу, способна призвать Черное Сердце.

Он вглядывался в эбеновый камень. Все прошлые ночи он трусил и проявлял нерешительность, но чему быть, того не миновать. «Что он потребует от меня?» – задавался вопросом оборотень. Оглянулся на пещеру. Конечно, он сейчас очень далек от ведьмы, смертельного врага Темного Властелина. Но знает, что миссия их отряда тоже весьма значительна. Они пришли на родину огра, чтобы разгадать тайну эбенового камня, на котором Темный Властелин основывал значительную часть своего могущества. И если найдут ответ, то союзники ведьмы получают существенное преимущество.

Могвид дрожал. Осмелится ли он заигрывать с этой силой? А вдруг снова побоится? Неужели он навеки обречен блуждать в темноте, не выходя на свет? Во рту все еще ощущался мерзкий вкус сырой крольчатины. Он что – так и останется навеки связанным в одном теле со своим братом?

Желчь вскипела у него в груди. Кулаки сжались. Проклятие нужно снять, и цена не важна!

Сунув руку в сумку, он вытащил кусочек бурого, заскорузлого полотна, которым горец Крал перевязывал раны после сражения с д’варфами у замка Мрил. Крал обладал стихийной магией гранитных корней гор. Эту тряпочку с засохшей кровью Могвид приберегал как раз на тот случай, если решится вызвать Темного Властелина. Он не был уверен, сумеет ли старая кровь пробудить к жизни магию чаши, но твердо решил попытаться. Медлить больше нельзя. Они забрались в самое сердце огрских земель. Сейчас или никогда... И «никогда» – ответ неправильный.

Дрожащими пальцами он опустил красновато-бурый лоскут внутрь чаши. И принялся ждать, затаив дыхание.

Ничего не произошло. Эбеновый камень продолжал впитывать слабый свет, а окровавленная тряпочка по-прежнему лежала в чаше.

Могвид выдохнул.

– Ей нужна свежая кровь, – огорченно прошептал он.

Что же делать? Джеррик и Мама Фреда, конечно, обладают стихийной магией. Но как добыть их кровь?

Пока он размышлял, в воздухе разлилось зловоние, будто он наступил на давнишнюю пададь. Могвид напрягся, испугавшись, что кто-то подкрался к нему незаметно. Но помнил, благодаря носу Фардейла, вонь от огров – крови и мокрой козлиной шкуры. Этот же смрад не с чем было сравнить.

Опасаясь двинуться, чтобы не привлечь внимания, он быстро оглядел темный лес за ручьем. И вдруг его взгляд привлекло слабое шевеление, но не под деревьями, а у самых ног.

Лоскут в чаше извивался, словно червяк. А вонь усиливалась.

Кровь застыла у Могвида в жилах, когда он увидел, как бурый цвет тряпки бледнеет, перетекает в камень. Через несколько мгновений на черном эбеновом камне неподвижно лежала чистая белая ткань.

Могвид с трудом сглотнул. Зловоние все нарастало. Комок подступил к его горлу. Вот сейчас Тол'чак учует неладное и придет посмотреть, что же произошло.

Опасаясь, что его тайна будет раскрыта, Могвид схватил льняной лоскут, чтобы вновь завернуть чашу, но едва его пальцы приблизились к эбеновому камню, кусочек ткани, лежащий внутри, вспыхнул – не красно-оранжевым обычным пламенем, а самой тьмой. Темный огонь!

Голодное пламя пожирало остатки света и тепла вокруг себя. Но и когда лоскут сгорел, огонь не стих, продолжал плясать в пустоте, высоко поднимая языки над краем чаши.

Могвид отдернул озябшие пальцы.

«Что я наделал?»

Как мгновение назад он боялся быть обнаруженным, так сейчас страстно желал, чтобы явился Тол'чак и спас его. Конечно же, огр учуял беду – вонищу, необычный холод...

– Значит, мышка меня позвала, – зашелестело из огня, будто коготки паука скребли по шелку.

Не поворачивая головы, Могвид покосился на пещеру, надеясь, что Тол'чак все-таки услышал ледяной голос. Оборотень так испугался, что не мог даже убежать, не то что использовать магию для изменения тела. Он застыл, оледенев.

– Никто не услышит нашего разговора. Никто не почует запах раскрывшегося пути – даже волк, что дремлет в тебе. Только ты.

Могвид съежился от этих слов, будто окутанный холодным туманом. Его дыхание превращалось в пар в ледяном воздухе. Ручей замерз.

– Мы испытывали твое сердце, меняющий обличья. От тебя исходит запах желания.

– Я... – Могвид заставил язык двигаться. – Я хочу освободиться от брата.

– Ты просишь меня о помощи, – черный огонь извивался, словно змея. – Но ничего не делаешь для того, чтобы заслужить ее.

– Я сделаю... Я хочу... Что-нибудь...

– Я хочу видеть. Выполни мой приказ, когда придет пора, и тогда я тебя освобожу.

Си'лура потер ладони, стараясь разогреть кровь в пальцах. Отделиться от брата... освободиться от призрака Фардейла...

– Мы выжжем волка из твоего сердца, – шептал обрамленный морозом голос. – Твое тело будет принадлежать только тебе.

– Выжжете волка, – пробормотал он, ненавидя свои слова. – Вы хотите сказать, убьете его?

– Здесь сидит лишь одно тело. У него может быть только один владелец.

Могвид растерялся. Да, он хотел избавиться от обузы в виде Фардейла. По правде говоря, он хотел бы никогда не видеть брата. Но убивать? Зайти так далеко?

– Что вы прикажете мне? – через силу выдавил он.

– Ты должен разрушить Врата Духов, – холод в воздухе усилился.

– Какие Врата? – Могвид нахмурился, не понимая. А потом вспомнил: арка из сердце-камня под Клыкком. Через эту магическую дверь Тол'чак вышел в большой мир, когда его послали исцелить прекрасный самоцвет – сердце племени огров. – Врата Духов... Но как же их разрушить?

– Их можно разрушить при помощи крови моего последнего потомка! – зазвучал голос у него в голове. Оборотень побледнел. Темный Властелин говорил о Тол'чаке. – Но понадобится не капелька крови, не та малость, что ты предложил мне здесь. Вся кровь, выжатая из сердца моего потомка. Вся его кровь до последней капли.

Могвид дрожал, но не холод был тому причиной. Его сердце подступило к горлу, удары отдавались в ушах.

– Убей огра у Врат, и ты обретешь свободу, – темный огонь, пляшущий в чаше, ослабевал, а вместе с ним утихал и голос. С исчезновением пламени долетел и последний шепот: – Не подведи меня, а не то твои мольбы о пощаде будут звучать вечно.

Лес стал ярче и чище, а воздух прозрачнее и свежее. Больше всего это походило на пробуждение от кошмара. Но Могвид знал: все происходило наяву. Он медленно обмотал чашу из эбенового камня льняным полотном, сожалея, что прикоснулся к проклятой вещи.

Но в глубине его души затеплился огонек надежды. Быть свободным...

Засунув чашу в сумку, оборотень завязал ремешок особым узлом, а потом поднялся. Его ноги затекли, разум оцепенел от ужаса. Обогнув валун, он нашел взглядом походный костер. Рядом с ним четко обрисовывался черный силуэт.

Тол'чак.

Карабкаясь по пологому склону, оборотень вышел на свет. Янтарные глаза огра смотрели на него в упор.

Могвид не мог выдержать этот пристальный взгляд.

– А где чашки? – удивленно спросил Тол'чак.

Оборотень вздрогнул, подумав, что речь идет о его волшебной чаше. И лишь потом сообразил, что огр ведет речь о грязной кухонной посуде, и махнул рукой.

– Я оставил их около ручья. Помою потом. Сейчас слишком холодно.

Он хотел проскользнуть в пещеру, чтобы согреться у огня, но Тол'чак задержал его.

– Что-то не так, Могвид?

Обернувшись, си'лура увидел заботливое лицо огра.

– Нет, – пробормотал он. – Нет. Все хорошо.

– Сегодня плохая ночь, – Тол'чак похлопал его по плечу. Вдалеке грохотал гром. – Оставайся у огня.

Могвид пробежал мимо огра, довольный, что избежал его взгляда. Уже около костра он оглянулся на вход в пещеру. Тол'чак сидел сгорбившись, глядя в ночь, охраняя их, следя за любой возможной опасностью извне, но не догадываясь о близкой угрозе.

В голове оборотня вновь зазвучали ледяные слова: «Убей огра у Врат, и ты обретешь свободу». Он согнулся над огнем, повернувшись спиной к Тол'чаку.

Разве у него есть выбор?

Глава 7

Ранним утром Тол'чак шагал через завесу дождя под унылыми серыми небесами. Его спутники – усталые, промокшие – упрямо следовали за ним. Промозглая погода, казалось, вытягивала силы и из тела, и из сердца. Они взобрались на последнюю грядку, чтобы оказаться у самого начала длинного спуска.

Отряд остановился передохнуть на вершине. Фардейл рыскал позади, охраняя друзей с тыла. Прямо перед ними расстилалась долина, заросшая скрюченными деревьями и густым кустарником, загромажденная острыми скалами. А между ними зеленела трава. Тол'чак успел позабыть, насколько красива бывает его родина весной. Ярко полыхали цветы – желтая жимолость, синие ирисы, алые горные маки... Воспоминания затопили сердце.

В конце долины путь преграждала отвесная стена – основание самого Великого Клыка. В нем виднелось черное отверстие пещеры.

– Дом, – выдохнул огр.

Зарычал Фардейл.

Тогда Тол'чак тоже увидел, что те, кто раньше казался гранитными валунами, вдруг отрастили конечности и побежали, тревожно вскрикивая. Даже под дождем Тол'чак учуял мускусный запах испуганных женщин-огров. Гораздо мельче своих соплеменников-мужчин, они, по всей видимости, собирали коренья и плоды, а теперь спешили к пещере, рассыпавшись по долине, словно стадо коз.

Тол'чак первым пошел вниз, жестом подзывая товарищей. У входа в пещеру он заметил какое-то движение.

– Держитесь поближе ко мне, – задержавшись на миг, сказал он. – Избегайте угрожающих движений.

Из расщелины выбежала целая толпа огров-мужчин, охотников и воинов. Они мчались к пришельцам, угрожающе размахивая руками.

Земля дрожала под могучими ногами. Большинство огров были вооружены дубинами или обломками камней.

– Позвольте, я с ними поговорю, – зачем-то попросил разрешения Тол'чак.

– А кто еще... Только ты знаешь их язык, – Магнам встал у его плеча.

– А они послушаются? – Джастон замер с другой стороны.

В их голосах Тол'чак уловил нотки страха. Остальные прятались у него за спиной, напуганные приближающейся ордой.

Любимец Мамы Фреды скулил на ее плече:

– Большие, большие, большие...

Джеррик взял за руку старую знахарку.

Топот бегущих огров эхом отражался от скал, усиливаясь и множась, будто на подходе была целая армия. Тол'чак шагнул вперед. Из сумки на поясе он вытащил кусок сердце-камня и поднял его над головой, выпрямив спину, чтобы казаться еще выше.

– Я – Тол'чак, сын Лен'чака из клана Токтала! – провозгласил он на родном языке, бросая вызов грозному эху собственным громовым голосом. – Я вернулся исполнить обещание, данное Триаде!

Его слова, похоже, не подействовали на лавину, катящуюся на них. Тол'чак слышал, как его спутники теснее сгрудились у него за спиной и стоят, будто скала, готовые встретить атаку.

– Не двигайтесь, – негромко проговорил он друзьям на всеобщем языке.

Волна огров поравнялась с ними, растекаясь в стороны, окружила маленький отряд и замерла, держа оружие наготове. Наступившая тишина казалась страшнее, чем топот мгновение назад.

Тол'чак стоял лицом к лицу с огром, похожим на уродливый каменный валун. Жесткая щетка шерсти вздыбилась на его согнутой спине, а миндалевидные глаза угрожающе щурились. Тол'чак узнал его, и он узнал Тол'чака.

– Ты убил моего сына, – прорычал огр, чьи глаза пылали яростью.

Это был Хун'шва, отец Фен'швы, молодого огра-забияки, которого Тол'чак случайно убил накануне церемонии мангра. Когда Тол'чак видел Хун'шву последний раз, старый огр выглядел раздавленным горем и отчаянием.

Теперь же он говорил, как боец. Ни малейшей печали не звучало в его голосе – позор открыто показывать тоску по умершим. Но гнев пылал в его глазах так же ярко, как вспышка молнии в ночи.

– Да, я убил твоего сына, – согласился Тол'чак.

Он даже не пытался объяснить, что всего-навсего защищался от предательского нападения. Отец не должен этого знать, и слова прощения не вернут мертвого сына.

– Тогда почему бы мне не убить тебя и не раздробить твои кости в труху?

Ответ пришел не от Тол'чака, а с небес. Одеало бесконечных облаков разошлось, и яркий солнечный луч ворвался в прореху, освещая зеленую долину, вызывая радугу в туманной дымке.

Но все это выглядело бледной тенью по сравнению с красотой солнечного света, отразившегося от поднятого вверх сердце-камня. Кристалл сиял внутренним огнем. Глубокий теплый жар разогнал утреннюю сырость и открыл глаза всем присутствующим на величие жизни вокруг. Сердце горело, и все живое сверкало собственным светом и силой.

Восторг охватил готовых к бою охотников и воинов. Оружие опустилось. Многие пали на колени.

Тол'чак шагнул вперед, удерживая камень в солнечном луче, и протянул его Хун'шве. Кристалл пылал, подтверждая свое наименование – Сердце племени огров. Даже жаждущий мщения отец не мог отрицать открывшуюся ему истину.

– Вот почему я возвратился! – заявил Тол'чак. – Я принес доказательства того, что твой сын и души всех наших погибших соплеменников смогут войти в следующий мир! И я выполнил поручение Триады! Прошу вас пропустить меня!

Старый огр глядел на кристалл. Его когтистая рука протянулась к сверкающим граням.

– Фен'шва, – с болью в голосе произнес он.

Кое-кто из его соратников отвел глаза. Негоже пялиться на скорбящего отца. Но Тол'чак смотрел прямо.

– Он ушел за край.

Хун'шва держал ладонь у камня, будто согревая ее магическим теплом.

– Я чувствую его. – Слезы катились по щекам старого огра, словно высеченным из гранита. – Фен'шва...

Тол'чак не двигался, давая отцу возможность подольше почувствовать близость сына. Все стояли неподвижно и молчали.

Наконец ветер затянул разрыв в облаках, и свет сердце-камня потускнел и исчез. Зарядил мелкий дождь, долину заволокло туманом.

Хун'шва убрал руку. Багровая ярость в его глазах потухла. С ворчанием старый огр отвернулся. Он не простил Тол'чака, но признал его право на жизнь. Остальные огры последовали примеру вожака.

– Это не опасно – идти с ними? – спросил Джастон, сильно побледнев.

– Нас приняли, – кивнул Тол'чак. – Но идите осторожно и не отходите от меня.

– Присосемся, как пиявки, – пообещал Магнам.

Он, как и все, настороженно следил за ограми, но долину маленький отряд пересек без приключений.

Оказавшись неподалеку от входа в пещеру, Фардейл принялся. Тол'чак тоже уловил запахи. Дымок от очагов, утренняя каша и все забивающий дух самих огров. Обоняние будто вернуло Тол'чака в прошлое. Он припомнил счастливое время, когда был жив отец, когда еще находились друзья, согласные играть с «неправильным» огром, малышню у ночного костра. Но к ним примешивались и темные воспоминания: осознание положения полукровки, насмешки, гонения и самый худший день, когда мимо пронесли пробитое копьями, истекающее кровью тело отца. Никогда он не ощущал себя столь одиноким, как тогда.

Его ноги сами собой замедлились у порога пещеры. Внутри пылали очаги, но после долгого путешествия Тол'чак боялся сделать последний шаг.

Он почувствовал прикосновение к локтю.

– Ты не один, – глядя вперед, произнес Магнам, повторив ранее сказанные слова.

Тол'чак огляделся и понял, что д'варф прав. За время странствий по землям Аласеи, в мире, гораздо большем, чем его родная пещера, он обрел новую семью. И набравшись силы и смелости от друзей, он положит конец своему изгнанию.

Огр прошел под гранитной аркой.

После дневного света снаружи потребовалось несколько мгновений, чтобы приспособиться к полумраку пещеры. Маленькие костры, окруженные сложенными друг на друга камнями, украшенные резными костями, отмечали очаг каждой семьи. Позади них темные проходы вели в убежища – пещеры размером поменьше.

Судя по тому, что возле огня почти никто не сидел, дети и женщины наверняка спрятались при приближении чужаков. Только несколько закаленных жизнью стариков с заостренными палками, опытных охотников, охраняли свои логовища, поглядывая на вновь прибывших с неослабевающим подозрением.

Хун'шва повел их глубже в пещеру. Тол'чак успел заметить вход в убежище своей семьи – опустелое и холодное. Лишь малая искра проскочила в его душе при виде оленьих рогов над низким проемом в скале, но он знал, что обозначают свисающие с них крысиные черепа, – жилище проклятого.

Даже укрытие рядом оставалось пустым. Никто не хотел навлечь на себя проклятие опасным соседством.

Тол'чак никого не собирался винить. Клятвоотступник принадлежал к их роду. Разве удивительно, что гибельная судьба преследовала их?

Стараясь не подходить близко, Хун'шва указал на вход:

– Останетесь здесь!

Кивнув, Тол'чак вышел вперед, снял оленьи рога, вызвав легкое постукивание крысиных черепов. Краем глаза он заметил, что ближайший к нему огр отступил. Не обращая на соплеменников внимания, он махнул товарищам, указывая на вход.

– Они отдали нам эти пещеры, – сказал он на всеобщем языке. – Можем располагаться лагерем.

– Мы принесем вам дрова для костра, – прорычал Хун'шва, в то время как другие огры расходились.

Как только они убрались, старый огр приблизился к каменной ограде.

Тол'чак ожидал, что отец Фен'швы заговорит с ним или бросит вызов, но вместо этого ладонь Хун'швы легла на верхний камень ограды. Тол'чак выпучил глаза: коснуться проклятого жилища – очень смелый поступок.

– Фен'шва ушел за край, – голос Хун'швы напоминал пересыпающийся гравий. – Ты освободил его дух. Отец чувствует это... – Тол'чак склонил голову. – И хотя я не могу про-

стить, что ты отнял у меня сына и лишил радости мой семейный очаг, я благодарен тебе за то, что ты вернул мир в наш дом.

В голосе огра слышалось страдание. Эти слова дались ему нелегко. Как и те, что последовали за ними.

– Добро пожаловать домой, Тол'чак, сын Лен'чака, – проворчал Хун'шва и заковылял прочь, растворяясь во мраке.

Тол'чак смотрел ему вслед, чувствуя, как в душе растекается тепло.

– О чем это вы? – подошел Магнам.

– О том, что призракам нужен покой, – пробормотал огр и принялся помогать товарищам разбивать лагерь, чтобы вернуть жизнь пустому и холодному обиталищу.

У него не осталось кровных родственников, но семья была. Может быть, ему удастся снять проклятие и еще с кое-кого.

По пещере племени начали сновать огры, вернувшись к очагам и стряпне. Две женщины подошли и бросили через ограду охапку хвороста, страшась все-таки приблизиться.

Когда Тол'чак собирал рассыпавшиеся сучья, вставшие дыбом волоски и озноб во всем теле подали ему тревожный знак. Протяжный гул прокатился по пещере, эхом отражаясь от стен и куполообразного потолка, вызывая дрожь в костях. Даже костры, казалось, потускнели.

Огры замерли.

Мама Фреда находилась ближе всех к Тол'чаку. Тикал оставил грудку костей, которую увлеченно исследовал, и вспрыгнул на плечо знахарки.

– Что это? – удивилась она. Звук все продолжался.

– Это зов, – прошептал Тол'чак.

От гула, казалось, задрожал камень под ногами. Будто кто-то ударил в гору чудовищным каменным молотом.

Мама Фреда погладила сжавшуюся в комок зверушку.

– Зов? Чей? Кого он зовет?

– Триада сзывает всех огров.

Джастон и капитан-эль'ин подошли к ним.

– Зачем это? – болотник нервно озирался. – Большинство и так уже здесь.

– Нет, – пояснил Тол'чак, – ты не понял. Это зов для всех огров. Для каждого клана и для каждого огра, молодого и старого, мужчины и женщины.

– И часто это случается? – поинтересовалась целительница.

– За всю мою жизнь зов звучал лишь однажды, когда я еще был малышом, – покачал головой Тол'чак. – Это произошло во время великой войны огров, когда клан бился с кланом. Триада созвала всеобщий сбор, чтобы начать переговоры о мире.

– А сейчас?

– Не знаю... – Тол'чак подумал о столкновении с огами из клана Ку'укла. Неужели Триада уже прознала об этом?

Очень медленно гул стихал, пока не прекратился вовсе. Никто в пещере не сдвинулся с места. Только некоторые огры негромко бормотали что-то себе под нос.

– Смотрите! – воскликнул Магнам. – Кто-то идет.

Он ткнул пальцем в глубину большой пещеры.

Там клубился голубоватый свет, позволяя различить длинную трещину в задней стене. Сияние делалось все ярче, будто приближалось.

Его заметил не только д'варф. Стих негромкий ропот, смолкли даже испуганные голоса женщин.

Очерченная голубым свечением, из трещины выбралась, волоча ноги, одна фигура, за ней вторая и, наконец, третья. Три древних огра, обнаженных и сгорбленных. Их глаза в темноте пылали зеленым.

– Триада, – охнул Тол'чак.

Он смотрел, как обтянутые кожей скелеты ковыляли по гранитному полу. Огры при виде их падали на колени и склонялись, чтобы спрятать лица. Старцы Триады являлись духовными наставниками всех огрских кланов, ходячими мертвецами. Они редко покидали собственное обиталище, но теперь молча шагали по главной пещере, будто имели вполне определенную цель.

Тол'чак не склонился, когда к нему приблизились. Ведь он прошел путь мертвых до конца – к Вратам Духов. Он по-прежнему уважал Триаду, но не трепетал перед ней. Очистив сердце-камень своего племени, он исполнил их пожелание. Искра огня поселилась в его сердце. Они так много утаили, отправляя его в большой мир, знали, что он отыщет правду, но не подготовили к ее тяжести.

Три старца остановились у входа в его жилище и заговорили, хотя незаметно было, чтобы кто-то из них шевелил губами.

– Теперь ты знаешь истину.

Глаза Тол'чака сузились, а искра в его сердце стала жарче.

– Вы должны были предупредить меня...

– Нет, не должны, – голос клубился над Тριάдой, словно туман. – Сердце твоего народа вело тебя... и твое собственное.

– И что дальше? Я избавил сердце-камень от Погибели. А как насчет Клятвоотступника?

Глава Триады протянул костлявую руку. Без слов было ясно, что он просил.

Тол'чак вынул сердце-камень из сумки. Даже в полумраке пещеры кристалл вспыхнул внутренним светом. Когтистые пальцы сомкнулись вокруг протянутого камня.

– Наконец-то, – с облегчением вздохнул старый огр.

Он повернулся спиной к Тол'чаку и показал сердце-камень остальным. Триада сдвинулась плотнее. Окруженное ими сердце мгновенно вспыхнуло ярче.

– Мы так долго ждали, – голос казался усталым и несчастным. – Так пусть же свершится...

Красный свет стал ослепительным. Три огра превратились в черные тени.

По пещере прокатились испуганные возгласы.

– Что происходит? – шепотом спросил Джастон.

Тол'чак просто смотрел, омываемый зыбкой границей света, вбирая в себя красоту жизни, заключенной в кристалле. Он стоял выпрямившись, возвышаясь над всеми, и не чувствовал угрызений совести.

И вдруг, мигнув, свет исчез. Воцарилась тьма. Тол'чак почувствовал пустоту в сердце, откуда ушел жар. Пещеру окутала гнетущая тишина.

В слабых отсветах очага было видно, что Триада по-прежнему стоит вокруг сердце-камня. Глубоко в горе прозвучал повторный зов – единственная нота, которая на сей раз казалась жалобной. Три тела рухнули на каменный пол у порога жилища Тол'чака под перестук и шорох костей. Погасшее Сердце упало посреди путаницы рук.

Бросаясь к телам, Тол'чак уже знал правду. Древние огры умерли.

Когда он встал на колени, его соплеменники ринулись вперед с Хун'швой во главе. Старый вождь глядел на трупы и на Тол'чака, и его глаза пылали яростью.

– Ты убил Триаду!

Касса Дар сидела в книгохранилище замка Дракк. Сердцем она ощущала опасность, грозящую Джастону и его спутникам. Хотя она не могла достичь своей магией Клыка Севера, все-таки узы, связывавшие ведьму с болотником, которого она любила, оказались сильнее, чем обычная стихийная магия.

Переживая за Джастона, она рылась в книгах, в беспорядке загромождавших стол. Лишенная сторонних наблюдателей, она не стала использовать волшебство для поддержания красоты, а работала в истинном облике – старуха-д’варф, морщинистая, согнутая столетиями жизни. Уткнув палец в страницу, где подробно повествовалось о связи между двумя пиками, она задумалась. Новые опасения родились в ее груди. Выпрямившись, она поманила еще одного болотного ребенка.

– Принеси-ка карту во-он оттуда!

Маленький мальчик вскарабкался на стол. Мгновение спустя он вернулся, волоча за собой длинный свиток. Касса выхватила карту у него из рук и развернула перед собой изображение Аласеи. Вновь перечитала отрывок из книги и сверилась с вычислениями и заметками, записанными на полях. После этого она расслабилась и опустила веки.

Клыки являлись не чем иным, как источниками стихийной магии земли. С их склонов потоки силы растекались по Аласее, словно тающие снега. Одну из этих серебристых жил Темный Властелин пытался перерубить, когда вторгся в эти земли. Причиненный ущерб привел к частичному провалу поверхности земли, из-за чего равнины превратились в болота, а остров А’лоа Глен наполовину затонул.

Но это был не тот поток, который устремлялся в ее земли и поддерживал жизнь болотной ведьмы, а один из тех, что пролегли между пиками. Касса Дар провела пальцем по карте, бормоча под нос: «Там, где текущие на север реки силы от Клыка Юга сливаются с текущими на юг реками от Клыка Севера, существует водоворот, средоточие силы между этими двумя горами...»

Она нашла на карте эту область – Зимний Айри. И маленький городок в его тени – Винтерфелл, родина ведьмы Элены.

Сильнее, чем Джастона, Касса Дар любила только землю. Она знала: какая бы причина ни ослабила ее магию, она прибыла именно оттуда. Прикасаясь к карте, она едва не ощущала порчу, исходившую из этих земель.

– Зимний Айри... – прошептала она.

Жительница болот встала из-за стола. Она просто обязана дать знать ведьме, что вновь зашевелилась какая-то мерзость. Касса поднялась на главную башню, чтобы послать ворона в А’лоа Глен. И она молилась, чтобы ее весть поспела вовремя.

Пока она взбиралась по лестнице, страх за Джастона вспыхнул с новой силой. Она прижала кулаки к груди:

– Будь осторожнее, любовь моя...

Джастон и его товарищи стояли, укрывшись за широкой спиной Тол’чака. Огр все еще оставался на коленях около тел трех стариков. Кусок сердце-камня покоился в переплетении их рук, будто яркое яйцо в ужасном гнезде.

А вокруг уже собралась толпа огров во главе с тем, кто бросил им вызов ранее. Джастон не понимал его речи, она для него состояла из рычания и рева. Но ярость гиганта и ноты обвинения в его голосе были понятны без слов. Ошеломленный смертью Триады, Тол’чак молчал, скорбя над их телами.

Фардейл ткнулся в ногу Джастона. Болотник чувствовал, что огромный волк приготовился к драке. Чуть дальше Джеррик одной рукой полуобнял Маму Фреду, а между кончиками пальцев второй плясали искры. Ладонь Магнама лежала на рукоятке топора. Все были готовы сражаться за себя и своего друга.

Свирепый огр-вожак, накопив достаточно ярости, чтобы переступить через мертвые тела, шагнул к Тол'чаку. Но едва он занес ногу, как кристалл ярко вспыхнул, будто предостерегая его. Из ослепительного света потянулся темный туман.

Огры отпрянули. За исключением Тол'чака, который продолжал следить за развитием событий.

Загадочный туман, клубясь, поднялся вверх, растекаясь на три языка, а потом опустился к гранитному полу. Каждое из трех облаков приняло очертания огра, худого и согбенного. Даже Джастон узнал Триаду. Выглядело так, будто тени их вернулись к жизни.

При виде старейшин огры пали на колени. Даже вожак опустился на землю с негромким возгласом удивления.

Послышались слова, хотя трудно было сказать, кто из призрачной троицы говорит. Но еще удивительнее показалось то, что огры изъяснялись на своем наречии, и тем не менее Джастон все понимал.

– Теперь мы с-с-свободны, – дребезжащий звук шел как будто бы издалека. – Веками мы с-с-стерегли проход, пока С-с-сердце не будет очищено и не откроется путь в призрачные земли за чертой. Теперь мы оставим наши с-с-слабые тела. Пришла пора нового духовного вождя, который будет защищать кланы. Было время для трех, с-с-стало – для одного. – Размытая рука указала на Тол'чака. – Вс-с-стань и возьми с-с-сердце-камень. Теперь это твоя ноша.

Глаза Тол'чака расширились. Он протестующе вскрикнул на огрском наречии.

– Полукровка ты или нет, но ты – огр, – печально прошелестела Триада. – Отринь с-с-страх и возьми С-с-сердце. Мы останемся в камне между двумя мирами, чтобы провести тебя, куда с-с-сможем.

Но Тол'чак все еще протестовал, качая головой.

– Ты пренебрежешь долгом, как и твой предок? – едко осведомились призраки.

Тол'чак вскинул голову.

– Правда в том, что Клятвоотступник некогда отказался защищать с-с-свой народ. Ты пойдешь по его с-с-стопам или избереешь с-с-свой путь?

Тишина вновь повисла в пещере. Тол'чак поднялся на ноги и, потянувшись, принял самоцвет из переплетенных рук старцев. Сердце-камень вспыхнул ярче, будто бы признал его.

– Этой ночью объявлено собрание, – продолжала Триада. – Пойди туда и займи место вождя. Темные времена ждут наш народ. Даже мы не можем провидеть этот извилистый путь. Позволь Сердцу вести тебя.

Три тени расползлись и всосались в камень, как дым камина втягивается в трубу. Но слова все еще звучали.

– Как и перед твоим последним путешествием, ты знаешь, с чего начать... Ты знаешь, куда пойти...

Лицо Тол'чака напряглось.

Джастон прочел в его янтарных глазах понимание... и страх.

Тол'чак не отрывал взгляда от сверкающих граней рубинового самоцвета, пока последний из Триады не исчез. Глубоко в своем сердце он ощутил давно укоренившиеся чувства. Этот камень вел его через всю Аласею к изрезанной ходами горе Гал'готе. Но на сей раз огр не почувствовал никакого принуждения, никакого верховенства. Отныне, даже связанный с сердце-камнем, он сам будет выбирать, каким путем идти.

Судьба племени огров была теперь в его руках.

«Темные времена ждут наш народ...»

Относительно последних слов Триады он не испытывал ни малейших сомнений. Клят-воотступник все еще жив. Черный Зверь не оставит в покое их племя, особенно если один из его потомков участвует в заговоре против него.

Тол'чак опустил камень и посмотрел на стоящих на коленях соплеменников: мужчин и женщин, стариков и детей, сильных и слабых. Они ничего не знали о мире, лежащем за пределами их долины, не знали, что за опасность подступила к их порогу.

Он выпрямился, не стыдясь больше внешности полукровки. То, что когда-то волновало его, сегодня не имело значения. После преступных и героических поступков, которые он наблюдал за время долгих странствий у народов всех земель, такая мелочь, как смешанная кровь, казалась сущей безделицей.

Триада заявила, что он огр. И это – его народ. Пришла пора пробудить их к действию. Его взгляд задержался на Хун'шве. Вождь все еще склонял голову.

– Хун'шва! – приказал Тол'чак. – Встань!

Огр повиновался, но отводил глаза.

– Мне потребуется три твоих охотника, чтобы отнести умерших в пещеру духов.

Вожак рыкнул на огров, стоявших по соседству, и они принялись поднимать тела старцев.

– А что насчет зова к сбору? – спросил Хун'шва.

Тол'чак нахмурился. Опытный воин был прав. Другие кланы соберутся у Черепа Дракона, не ведая о том, что произошло здесь. Значит, его родной клан Токтала тоже должен прийти.

– Собери наших, – сказал он. – На закате мы должны быть готовы к пути.

– Но Триада созвала сбор, а теперь их нет, – сверкнул глазами Хун'шва. – Кто будет говорить?

Тол'чак не знал ответа, но вместо него на вопрос ответил сам же Хун'шва:

– Старейшины назвали тебя вождем. Ты должен возглавить сбор.

Сын Лен'чака хотел было возразить, но не нашел мало-мальски весомых доводов. Казалось, сама Триада не дала Тол'чаку возможности уклониться от обязанностей духовного вождя кланов, и ему придется принять на себя тяжелый долг.

– Я... я должен буду говорить перед всеми, но мне нужно время, чтобы подготовиться, – ответил он, сжав сердце-камень в кулаке.

Тол'чак проводил взглядом тела старейшин, которых уносили к освещенной факелами трещине в дальней стене пещеры. И вспомнил последние слова Триады: «Ты знаешь, с чего начать... Ты знаешь, куда пойти»...

Тол'чак вздохнул. Когда-то давно он нес безжизненное тело Фен'швы через разлом в Пещеру Духов. Там он встретился с Тριάдой и пустился в путь, который, завершив полный круг, привел его обратно.

Прижимая самоцвет к груди, он вышел из ворот своего жилища, отмеченного знаком проклятия.

– Куда ты? – спросил Магнам.

Огр указал на голубоватое сияние и проговорил, не останавливаясь:

– Я должен пройти по пути мертвых.

Глазами своей зверушки Мама Фреда смотрела, как гигант шагает прочь. Прочие огры расступались перед ним, в их мускусном запахе смешивались страх и уважение. Это распознавал Тикал, обладавший чутьем, которое значительно превосходило человеческое. Знахарка дождалась, пока огр скроется в расселине, а потом приказала Тикалу повернуться к остальным.

Она подозревала, что ее спутники поняли далеко не все из произошедшего здесь разговора, тогда как она сумела распознать все тонкости. Мама Фреда хорошо знала гортанный язык огров, но предпочитала помалкивать об этом. Их речь состояла не только из слов и звуков. Жесты, позы, запахи – все имело значение. И чутье Тикала помогло ей как нельзя лучше.

– Не хочешь отдохнуть, Фреда? – спросил Джеррик, намереваясь отвести ее к удобным для сидения камням около очага.

Д’варф как раз начал разжигать огонь, а Джастон помогал ему, расщепив ножом сухие палочки и высекая искру.

Знахарка погладила руку капитана-эльвина.

– Я в порядке, Джеррик. Пойди лучше поищи в мешках немного хлеба и сыра. Наверное, все проголодались.

Он не сдвинулся с места, глядя на нее с беспокойством.

– Фреда?

– Я в порядке, – повторила она с нажимом.

Старая женщина понимала, чем озабочен Джерри. Она, конечно, постаралась скрыть от него те боли в сердце, что поселились там несколько дней назад. Но разве такое утаишь? Пришлось признаться. Даже ее чудодейственные травы не помогали, но они хотя бы давали возможность спокойно дышать.

Узнав о болезни, Джеррик рассердился на то, что знахарка отправилась с ними. Но в глубине души Мама Фреда точно знала – выбора у нее не было. В течение бесчисленных зим она жила одна – слепая калека, чужая среди зрячих людей. И только теперь, на склоне отведенной ей жизни, повстречала кого-то, с кем ощутила духовное родство. Теперь их связывают тесные узы, и они знают друг о друге все. Знахарка не смогла бы жить вдали от капитана. Она с признательностью пожала ему руку.

– Иди, помоги остальным.

Джеррик кивнул и удалился. Мама Фреда следила за его все еще сильной и стройной для его возраста фигурой, снежно-белыми волосами, что разметались по плечам, и улыбка против воли возникла на ее губах, когда она отвернулась. Джеррик носился с ней, будто волчица с больным волчонком. Но почему-то на закате лет Мама Фреда чувствовала себя удивительно спокойно – хорошо, когда кто-то о тебе заботится.

Она подошла к обломкам сланца, из которых была сложена изгородь жилища Тол’чака. Фардейл охранял вход, но ее интересовали несколько огров, стоявших неподалеку. Знахарка выглядела старой и дряхлой, опиралась на клюку, поэтому никто не обращал на нее внимания.

Самый крупный огр по имени Хун’шва стоял в окружении сородичей, могучих и покрытых шрамами. Он глянул в сторону Мама Фреды, но не увидел ничего угрожающего – человеческая женщина, слабая, да еще и слепая, старуха.

Она прислушалась к их беседе.

– Так ты отказываешься? – рычал один огр, обращаясь к Хун’шве.

Он казался самым уродливым из огров, которого когда-либо видела целительница, похожим на искореженный пень гигантского дерева, и носил волчью шкуру, наброшенную на одно плечо, как плащ.

– Не дави на меня, Крэй’нок! – рокотал в ответ Хун’шва.

– Ты дал слово клану Ку’укла! – незнакомец кивнул на освещенную трещину. – Этот выродок-полукровка убил моего брата! – Он приподнял край волчьего плаща, чтобы показать шрам на могучем предплечье.

Мама Фреда видела, что очертания шрама не соответствуют принятым в местном клане.

– Да, я пообещал Ку’укла... – сердито проворчал Хун’шва.

– Пусть тебя не обманет его колдовство! – Крэй’нок плюнул на землю. – Он легко провел тебя, показав тень мертвого сына.

– Не смей трепать имя моего сына! – Хун’шва впился взглядом в корявого огра.

– А Триада? – Крэй’нок сморщил нос, не обращая внимания на угрозу. – Ты в самом деле думаешь, что их смерть никак не связана с его злым колдовством?

– Но их духи...

– Колдовские уловки! – снова плюнул Крэй’нок. – Охотники, бывшие с моим братом, рассказывали, что Тол’чак вызвал демонов прямо из воздуха. А тут самая малость дыма и голосов. Сплошная ложь, говорю я тебе!

Каменное лицо Хун’швы исказилось гримасой сомнения.

– Он убил твоего сына, – настаивал Крэй’нок. – Убил Фен’шву!

– Не смей упоминать моего сына! – Вождь рванулся вперед с громовым рыком, но чужак уже спрятался за спины своих соплеменников, также одетых в волчьи шкуры. – Предупреждаю в последний раз! Не смей тревожить его дух!

– Ты обещал принести новому вождю Ку’укла голову этого пса-полукровки! – выкрикнул Крэй’нок, продолжая укрываться за своими воинами. – Я спрашиваю тебя вновь – ты отказываешься?

– Я подумаю над твоими словами, – отвечал Хун’шва.

– Только побыстрее! – издевательски произнес Крэй’нок. – Или война придет к твоей пещере. Тогда красная кровь твоего клана потечет по скалам. Клянусь тебе! – Он отвернулся, бросив напоследок: – И клан Ку’укла раздумывать не будет!

Когда пришлые огры убрались восвояси, с Хун’швой остались трое его воинов.

– И что ты решил? – спросил один из них.

– Я приму свое решение к началу сбора, – вождь вздохнул, глядя на светящуюся трещину. – Если Триада говорила правду, Тол’чака нужно защитить.

– А если все это магические уловки?

– Тогда я убью его на входе в Череп Дракона! – с яростью выкрикнул Хун’шва. Он пошел прочь, кивнув своим воинам: – Следите за ними!

Мама Фреда оперлась на палку, размышляя над последними словами огра. Он отдал весьма мудрый приказ. За уходящими воинами клана Ку’укла в самом деле стоило проследить. В их появлении крылось нечто большее, чем казалось на первый взгляд. С чего бы это у них возникли сомнения в словах Триады? Сила сердце-камня проникала в душу каждого огра.

Она видела, что Хун’шва принял правду в свое сердце. Хотя ему очень не хотелось отказываться от слова, данного раньше, он верил всему, что увидел. Но как вождь племени, он должен был учитывать и угрозу со стороны клана Ку’укла.

Представители враждебного клана были здесь, видели чудо появления Триады, слышали их слова о необходимости избрания нового духовного вождя, но отрицали истину. Почему? Здесь крылась какая-то тайна... Нечто, что требовало более глубокого изучения.

Знахарка тронула Тикала, сидевшего у нее на плече.

– Иди следом за ними, – прошептала она и одновременно добавила мысленно: «Незаметно».

Тамринк дрожал, опасаясь покинуть ее. Его чувства передались хозяйке. Она погладила пламенеющую гриву зверька.

– Следуй за ними... Но не попадайся никому на глаза.

– Дикая коза! – глаза Тикала расширились. – Осторожная...

– Да, будь осторожным, – знахарка тронула губы зверька пальцами. – И тихим.

Он задержался на миг, отыскивая глазами уходящих огров, потом обвил хвостом ее шею на прощание и перепрыгнул с плеча на каменную ограду. Скользнул в тень и исчез. Но

Мама Фреда оставалась с ним, видя глазами тамринка, как он мчится, укрываясь в тени и оставаясь незаметным.

Старуха вздрогнула, когда чья-то рука коснулась ее плеча.

– Огонь разведен, – сказал Джеррик. – Подходи, будем греться.

На сей раз Мама Фреда не противилась. Она оперлась на руку возлюбленного, позволяя себя вести. Изображала она слабость, а не слепоту. Дорогу к костру она не видела и видеть не могла, так как ее глаза в это самое время бежали через темные закоулки к выходу из пещеры. Знахарка скрыла от всех, какое задание дала Тикалу. В пещере слишком много лишних ушей и очень хорошая слышимость. Вначале нужно попытаться обнаружить какие-то доказательства.

Подойдя достаточно близко к огню, она почувствовала тепло и проковыляла, опираясь на клюку, к каменному сиденью. Джеррик устроился рядом. Никто и не заметил исчезновения тамринка – Тикал часто спрыгивал с плеча хозяйки и шастал по округе.

Сидя у огня, Мама Фреда изо всех сил показывала, что наслаждается отдыхом и приятным жаром, а внутренним взором следила за ограми через мерцающую тьму. Ее глаза и уши напрягались в поисках опасности, ноздри втягивали запах уходящих великанов. Тикал подобрался достаточно близко к ограм, чтобы она могла различить их рокочущую речь.

– Все готово? – спрашивал Крэй’нок.

– Да, все ловушки расставлены, – заверил другой огр.

– Хорошо! – Крэй’нок оглянулся. Тикал нырнул в заросли ежевики. Глядя на выход из пещер Токтала, огр втянул воздух ноздрями. – В сумерках весь Клык будет нашим.

Глава 8

Тол'чак терпеливо ждал, пока из Пещеры Духов уйдут последние огры, которые укладывали умерших стариков, сгибая им руки таким образом, чтобы ладони прикрывали глаза. Это делалось согласно освященному стариной обычаю, чтобы души не могли вернуться в мертвые тела. Но Тол'чак знал, что в этом случае старый обряд не имеет смысла – Триада настолько устала от жизни, что ни один из них ни за что не пожелал бы вернуться в тело.

Наконец те, в чьи обязанности входило проведение старинного обряда, ушли, оставив Тол'чака наедине с мертвыми. Он оглядел комнату – до сих пор он побывал здесь всего дважды. В первый раз на церемонии наречения, а второй раз – принеся тело Фен'швы.

Осматриваясь, Тол'чак понял, что стоит в овальной пещере с вогнутым полом, схожей с пузырьком в толще гранита. Ее освещала дюжина факелов, воткнутых в трещины на стенах. Голубоватое пламя шипело и дергалось, казалось, что тени – это танцующие призраки мертвых.

Не обращая на них внимания, огр повернулся к темному проходу в дальней стене.
– Путь мертвых, – прошептал он.

Дорога эта вела к убежищу, где Триада жила бесчисленные годы. Еще дедушка дедушки Тол'чака поклонился трем старейшинам. И вот теперь они ушли, передав священный завет ему.

Вздыхнув, Тол'чак подошел к стене, снял с нее факел, понимая, что ему придется исполнить свой долг. Он еще раз пройдет путем мертвых до конца, туда, где началось его путешествие. И еще раз увидит Врата Духов, сверкающее сердце горы.

Загнав страх поглубже, Тол'чак вошел в темную арку прохода. Он пытался ни о чем не думать, не забивать себе голову сомнениями. Просто шагал вперед, спускаясь в безмолвные нижние пещеры огрского племени.

Проходя тут не в первый раз, он не испугался, почувствовав, что потолок туннеля снижается, вынуждая путника согнуться. Воздух становился сырым, с примесью аромата соли и плесени. Но он шел.

Впереди проход разветвлялся. Куда же пойти – вправо или влево? Недолго думая, Тол'чак нашел решение задачи. Подходя к черным дырам, он достал из сумки сердце-камень и держал перед собой. Перед левым коридором кристалл засиял ярче.

Тол'чак доверился камню, позволив ему вести себя к Вратам Духов.

Казалось, он блуждал бесконечно долго по лабиринту пещер и проходов, но вот впереди забрезжил какой-то свет. Не алый, как у сердце-камня, а зеленоватый, будто гнилушка.

Решительно направившись туда, огр вскоре обнаружил источник света – слепые черви длиной с большой палец устилали пол, стены и потолок. Они извивались и переползали с места на место, оставляя на камнях следы светящейся слизи.

Тол'чак поморщился. Он чуть не забыл об обитателях пещерных глубин. И продолжал упрямо идти вперед, а черви лопались под его босыми пятками. По рассказам Магнама, эти существа появлялись всякий раз, когда д'варфы обнаруживали жилу или гнездо сердце-камня. Откуда они приходили и почему, не знал никто.

Удерживая Сердце над головой, Тол'чак продолжал идти. Скоро червей стало так много, что отпала нужда в факеле. Оставив головню на перекрестке, огр нес только самоцвет.

Кожа Тол'чака покрылась потом и слизью червей, но когда он решил, что окончательно заблудился, очередной проход внезапно закончился в огромной пещере.

Огр остановился на пороге и, выпрямившись, огляделся. Сверкающий кристалл он держал перед собой. Здесь как будто даже воздух посвежел, а свет внутри камня разгорелся с новой силой, освещая каждый уголок обширной пещеры.

Достигая противоположного края, алое сияние очертило укрытую там арку из чистого сердце-камня. Ее опоры сияли огнем в бледном призрачном отсвете зеленоватых червей.

Тол'чак втянул голову в плечи, пораженный величием открывшегося перед ним зрелища, но тем не менее пошел дальше, одной рукой удерживая Сердце, а второй прикрывая глаза.

Омываемый светом, он ощущал знакомое умиротворение и единство со всем живым на земле. Вряд ли он мог бы сказать, сколько простоял в сиянии арки.

– Тол'чак...

Он оглядел пустую пещеру.

– Тол'чак, слушай нас...

Усилив воли возвратив мысли в мир скал и червей, он понял, что слышит голос из сердце-камня, зажатого в его волосатом кулаке. Вновь темное облачко оторвалось от поверхности кристалла и, поднявшись ввысь, поплыло к Вратам Духов. Дымка остановилась прямо под внушительной аркой, клубясь и переливаясь.

– Мы не осмеливаемся уйти за черту, – прошептали духи Триады, и Тол'чаку послышалась тоска в их голосах. – Есть нечто, что мы должны сперва показать тебе.

Туман разделился на три части, каждая из которых опустилась на пол и приобрела очертания старого, изнуренного годами огра.

– Подойди к Вратам Духов...

Тол'чак замешкался. Он уже прошел однажды под этой аркой и не горел желанием оказаться там снова.

Ближайшая тень повернулась к нему. Глаза, горящие зеленоватым огнем, в котором он узнал сияние червей, отыскали Тол'чака. Огр вспомнил слова Магнама: «Если ты бродишь возле червей достаточно долго, их свет передается твоим глазам. Некоторые доказывают, что это позволяет видеть не только наш мир, но и следующий за ним... Мир будущего».

Теперь, увидев глаза призрака, Тол'чак уже не сомневался в его провидческих способностях.

– Подойди... – шептал старик. Впервые его голос был голосом одного, а не сразу троих. – Пришла пора узнать истину.

Другие духи отлетели к арке, прямо к опорам. Прикоснувшись к алому самоцвету, они исчезли во Вратах Духов так же, как до этого скрывались в Сердце.

Тол'чак остался один на один с последним стариком из Триады.

Низкое гудение начало распространяться от арки по пещере. Когда оно стало громче, Тол'чак смог разобрать песню на древнем наречии, слова которого были ему незнакомы. Звук отражался от опор, и первоначальная молитва становилась эхом чего-то более древнего, старше, чем речь любого живого существа. Вскоре мелодия заполнила всю пещеру. Даже кости Тол'чака гудели в согласии с ней.

– Это голос Клыка, – проговорил одинокий дух за плечом.

Огр оглянулся. Призрачный силуэт стал плотнее, будто получал силу прямоком из звука.

– Земля говорит через гору, – призрак указал на арку.

Когда гул достиг наивысшей мощи, гранитная стена, окаймленная сердце-камнем, начала мерцать в такт пению. То, что раньше с легкостью можно было принять за незыблемую скалу, казалось теперь поверхностью пруда, дрожащей на ветру.

Даже воздух стал чистым, словно несуществующий ветер гнал его из ворот. Тол'чак дышал полными легкими и чувствовал, как бодрость растекается по всему телу. Зажатый в кулаке кристалл, Сердце племени огров, засиял еще ярче, мерцая в такт поющему голосу.

Рука Тол'чака поднялась сама по себе, в груди его раздался знакомый зов. Он шагнул к Вратам Духов, не в силах остановиться. Внезапно его охватил леденящий страх. Он что,

опять должен пройти сквозь Врата и оказаться где-то далеко отсюда? Огр попытался замедлить шаги, сопротивляясь, как только мог.

– Не борись с этим, – шептал призрак, неотступно следующий за ним.

– Что происходит? – сдавленно проговорил Тол'чак.

– Клык зовет тебя. Ты не сможешь противостоять.

Дух оказался прав. Несмотря на отчаянную борьбу, Тол'чака притянуло к Вратам, но не в середину, как в тот, первый раз, а к одной из опор. С каждым шагом Сердце горело все ярче, пока не превратилось в сверкающую звезду на ладони огра.

Едва не ослепнув от яркого света, Тол'чак не помнил, когда остановился. Его рука взметнулась вверх, хребет вытянулся. Огр почувствовал касание арки, щелчок, а потом чары развеялись, и он грузно осел на пол.

Растирая ладонь, Тол'чак увидел, что Сердце покоится в ограненной нише вверху арки, словно ключ в замке. Они настолько подходили друг к другу, что с первого раза его можно было и не различить, если бы не ослепительное сияние, струящееся из самоцвета.

– Этот камень в середине Врат – их сердце. Так же, как и сердце нашего народа.

Гудение Клыка внезапно изменилось.

– Смотри же! – провозгласил призрак старейшины. – Смотри же – теперь Врата стали цельными.

Сияние от вставленного Сердца перетекло в арку, зажигая большой камень, словно фитиль, брошенный в масло. Сверкающая вспышка вырвалась из свода, пробежала по арке, перетекая в опору.

Когда сияние коснулась гранита у подножия арки, то не остановилось!

Тол'чак охнул.

Свет прошел сквозь скалу и виднелся в ее толще, будто луна, пробивающаяся сквозь густой туман. Пламя дуга прошла под аркой, а затем вернулась к ее основанию, чтобы вновь соединиться с Сердцем.

Раскрыв рот, Тол'чак глазел на сверкающую арку сверху и ее отражение в граните внизу. Замкнутое кольцо напомнило ему о Цитадели горцев – гранитной арке, отражение которой в озере Тор-Амон образовывало полный магический круг. Здесь было нечто похожее.

– Единение... – со странной смесью горя и радости прошептал дух. – Сколько зим прошло с тех пор, как Сердце, не затронутое Погибелью, могло зажигать Врата целиком.

– Я не понимаю...

– Арка в пещере, которую ты видишь, – призрак указал на нее, – это всего лишь половина целого. – Он опустил руку. – Ниже лежит вторая половинка круга, похороненная в скале, но именно она делает Врата законченными.

– Кольцо из сердце-камня, – пробормотал Тол'чак. – А не просто арка.

– Возвращенное тобой Сердце открыло путь, – кивнул старейшина.

– Путь? Но куда?

Призрак уставился на него глазами, излучающими зеленоватый блеск.

– К средоточию всего, в центр мироздания, – он указал на Врата. – Узри же, что заключено в истинном сердце земли!

Отражение на слегка мерцающей поверхности гранита внезапно пошло волнами, как если бы кто-то швырнул здоровенный камень в середину пруда. Из опор выплыли облака тумана – это возвращались оставшиеся два духа. Они присоединились к собрату, наблюдая, как внутри сверкающего кольца волнами ходила гранитная скала. Камень изменялся, превращаясь в нечто необычное.

Страшась того, что может увидеть, Тол'чак тем не менее не мог отвести глаз. Дыхание с трудом вырывалось из его груди.

Очень медленно движение внутри арки затихло. Черный утес исчез, а на его месте открылся вид, повергший огра на колени.

Он смотрел в провал бесконечной тьмы, прорезаемой извилистыми линиями багрового огня. Вдоль этих прожилок, словно светлячки, стремительно перемещались пульсирующие вспышки. Некоторые, похоже, прибывали от кольца из сердце-камня и уходили по линиям вдаль. Но не из-за них у Тол'чак перехватило дыхание. В самой сердцевине крошечной тьмы вращался огромный чистейший кристалл голубовато-серебристого цвета, сияя подобно самому прекрасному алмазу. Его великолепие приковывало взгляд. Хотя огр не мог даже приблизительно представить себе размер самоцвета, но почему-то не сомневался – он больше любой горы. Все они были песчинками в сравнении с ним.

– Узри же сердце мироздания! – проговорили призраки хором. – Дух земли, который обрел форму. Узри Камень Духа!

При их словах сверкающий кристалл двинулся вперед. Тол'чак ощутил присутствие, заполняющее все пространство, будто давление воды на глубине. Он смотрел не мигая, чувствуя себя единым и цельным пред ликом силы непостижимой глубины и размаха.

Созерцая пространство, он понял, что багровые узоры на самом деле – жилы сердце-камня. Паутина линий сплеталась и разветвлялась, но тем не менее все линии сходились к самоцвету.

Камень Духа... Сердце мироздания...

– Она грядет... – шептала Триада голосами, исполненными почтения.

Тол'чак чувствовал, как давит на него воздух, – даже уши закладывало. И вдруг возникла фигура, шагнувшая из Врат Духов, как будто появившись прямо из камня. Очерченная голубоватым сиянием, она казалась черной тенью, ожившим дегтярным мазком. Несмотря на это, можно было различить, что это – женщина. Высокая и величественная, окутанная облаком серебристых волос, ниспадавших на эбеновые плечи, закрывавших лицо, волнующихся так, словно она двигалась под водой. Рассыпанные локоны тянулись к Камню Духа, сплетаясь между собой.

– Кто?.. Что?.. – запинаясь, выдавил Тол'чак.

Привлеченная его голосом, женщина шагнула вперед и повернулась. Лишь на краткий миг пряди волос открыли лицо, но его черты стали видны четко, как будто вырезанные из камня.

Огр изумленно охнул:

– Элена?!

Мама Фреда по-прежнему грела у очага старые кости. Чуть в стороне Джеррик шепотом беседовал с Магнамом и Джастоном, но она их не замечала, направив острый слух тамринка и все внимание на отряд огров из клана Ку'укла.

Оттого, что одна ее часть сидела у костра, а вторая мчалась в темноте, напрягая зрение и слух, кружилась голова. Ноздри обоняли одновременно легкий дымок от сухих дров и дух мокрой шерсти огров, напоминающий козлиный.

Вцепившись в наверхие палки, знахарка оперлась подбородком о кулаки, в то время как сердце ее бешено стучало от страха за своего любимца, от страха за всех друзей. Судя по всему, Крэй'нок из клана Ку'укла замыслил предательство и кровопролитие. Ей очень хотелось открыться друзьям, но, будучи слепой, она боялась – не подслушает ли кто их разговор? Вокруг она слышала шаги огров, их бормотание и гортанные выкрики. Наверняка кто-то ошивался поблизости, чтобы следить за устроившимися в пустующем жилище чужаками. Нужно хранить молчание до той поры, пока не выяснится наверняка, что же за коварство замыслил Крэй'нок.

Поэтому она сосредоточилась на Тикале.

К тому времени отряд огров пересек луг и ступил на опушку леса на горном склоне. Они оказались на своей земле, направляясь к родовым пещерам клана. Огры ворчали, как рокочущий гром. Большинство хвастало друг перед другом, кто принесет больше голов с предстоящей войны. Но когда темные ели вперемешку с горной ольхой обступили их плотнее, огры умолкли.

Носом Тикала Мама Фреда ощущала аромат страха, выделяемый огами. С каждым шагом мускусный запах становился все сильнее. Пальцы знахарки крепче сжали клюку.

Крэй'нок остановился и жестом приказал остальным не двигаться. Ни один огр не возразил. Вожак одернул плащ из волчьей шкуры, а потом отделился от соплеменников.

Мама Фреда мысленно приказала Тикалу следовать за ним. Тамринк сошел с тропы и обогнул огров по лесу, а потом, вскарабкавшись по стволу, помчался, перепрыгивая с дерева на дерево. Здесь, в густом лесу, кроны смыкались, словно ровная дорога. Острые глаза любимца знахарки не теряли из виду Крэй'нока, несмотря на то что огр уходил все дальше и дальше в чащу.

Выше потрескивали молнии, дождь барабанил по ветвям и еловым лапам. Тикалу пришлось опуститься чуть ниже, и для того, чтобы избежать ливня, и для того, чтобы не потерять из виду огра среди густых зарослей.

Крэй'нок остановился и внимательно огляделся. В воздухе усилился запах страха.

Из темноты под деревьями его приветствовал хитрый, источающий яд голос:

– Ты добыл голову того, чье имя – Тол'чак?

Мама Фреда удивилась, услышав всеобщую речь, а не язык огров.

– Нет, моя королева, – Крэй'нок упал на колени, его голос дрожал. – Убийца моего брата вновь прибег к демоническим уловкам. На сей раз он поколебал сердца остальных.

– А договор с кланом Токтала? Их обещание?

– Их вождь, Хун'шва, противится, – огр склонил голову. – Но клан Ку'укла готов атаковать по вашему приказу. Мы уже собираемся в северной части леса.

Последовала долгая тишина. Стоявшего на коленях в палой листве Крэй'нока была крупная дрожь.

– Нет, – внезапно прошелестел голос. – Мы не станем нападать на них в их родных пещерах. Я слышала этой ночью зов на всеобщий сбор. Все придут к месту, которое называется Череп Дракона. Так?

– Да, моя королева.

– Там мы их и захватим врасплох. Я не стану больше терпеть отговорок – то от твоего брата, то от тебя.

– Нет, моя королева.

– Я хочу удостовериться, Крэй'нок. Подойди ближе.

Огр встал и, еле переставляя ноги от ужаса, пошел в чащу.

Тикал продолжал преследовать его по приказу Мамы Фреды. Кто же скрывался в этом лесу?

Когда огр и тамринк добрались до запрятанной среди деревьев поляны, знахарка увидела нечто похожее на снег, сверкающий на ветвях. Будто небольшая метель прошла по этому укромному уголку леса. Белые пушистые комки покрывали ветви, превращали темный кустарник в белесые холмики. Даже подлесок весь был окутан белым покрывалом.

Удивительно... Что это?

Крэй'нок застыл на опушке странной поляны, а Тикал наблюдал за ним с верхушки ели.

Глядя глазами тамринка, Мама Фреда увидела, что совсем не снег окутывал лес. Тысячи красных пауков сновали туда-сюда по белым нитям и холмикам.

«Не снег! – с растущим ужасом сообразила знахарка. – Паутина!»

Всю поляну опутывали плотные шелковистые сети.

Крэй'нок съежился перед огромным гнездом паука.

И вот в середине сетей зашевелилось что-то темное. Зазубренная кроваво-красная лапа легко прошла сквозь шелковистую завесу. Потом еще... и еще одна...

На эти ноги опиралось существо, ужаснее которого Мама Фреда не могла ничего вообразить. Гигантский паук, не уступающий размером огру, такой темно-красной масти, что казался почти черным. Восемью лапами он опирался на сеть. Из округлого блестящего брюха тянулись нити, связывая чудовище с серединой гнезда.

Но это было не самым отталкивающим.

Над яйцевидным брюхом торчало женское туловище, настолько же бледное, насколько нижняя часть выглядела темной. Длинные иссиня-черные волосы свисали на обнаженную грудь, по которой бегали красные паучки. Она бережно стряхнула их ладонью, но все внимание сосредоточила на огре.

– Королева Вира'ни... – Крэй'нок не смел взглянуть в ее холодное лицо.

Целительница, сидевшая у костра, дернулась и выронила палку.

– Фреда, что с тобой? – повернулся Джеррик.

Она не слышала его вопроса, замерев от ужаса, поскольку слышала о ведьме-паучихе от людей. Враг из числа Темных Стражей, убитый в лесах предгорий и там же похороненный. Но мертвые Темные Стражи не всегда остаются мертвыми. По всей видимости, паучью ведьму оживили и дали ей новое тело, так же, как и Рокингему перед этим.

– Ты отведешь меня в Череп Дракона, – шептала Вира'ни вкрадчиво, но ядовито и обвела пальцем деревья вокруг. – Позови воинов своего клана. Пусть они туда же отнесут коконы с моими детьми.

Крэй'нок поднял голову. Тикал – и Мама Фреда с ним – проследил за его взглядом. С ветвей свисало множество тяжелых шелковых стручков, не уступающих размером зрелой тыкве. Под блестящей поверхностью шевелились и дергались темные тела, ожидая выхода на свет.

При виде коконов огр передернулся и замер в страхе.

– Мои дети пробовали кровь этого Тол'чака, – продолжала Вира'ни. – На сей раз мы отдаем его плоти и плоти всех, кто ему помогает.

– Да, моя королева, – Крэй'нок вскочил.

Когда он оказался на ногах, ведьма-паучиха подняла голову и огляделась. Ее пристальный взгляд пронзил укутанные шелком кроны деревьев и уставился прямо на Маму Фреду.

– За нами следят! – прошипела Вира'ни, указывая пальцем в сторону знахарки.

– Тикал, спасайся! – испуганно закричала Мама Фреда.

– Что случилось? – Джеррик схватил ее за плечо.

Но у знахарки не было времени отвечать. Она мчалась вместе с тамринком, прыгала с дерева на дерево и из последних сил пыталась поддержать его. Острая боль вспыхнула в груди старой женщины, дыхание стало прерывистым.

Ее маленький помощник разделял ее страдания. Тикал прыгнул неловко и сорвался с дерева. Он стукнулся о ветку лапкой, а потом удар о землю выбил воздух из его легких.

Мама Фреда не могла дышать, но продолжала борьбу, отдавая тамринку все силы до последней капли.

Зверек вскочил на здоровые лапки, визжа от страха и боли.

– Тикал, хороший мальчик, беги, спасайся!

Огонь из груди Мамы Фреды просочился в ее руки и ноги. Она чувствовала, как Джеррик подхватил ее и баюкает в объятиях. Ее ослабевшие сердце и разум перешли в Тикала.

– Спасайся, мой малыш, спасайся...

– Спасайся, спасайся... – отозвался он эхом далеко в лесу.

Тамринк мчался, поджав раненую лапку, хватался передними, отталкивался задней, помогал себе хвостом в полете.

– Убегай, прячься... Спасайся, мой любимый малыш...

От боли знахарка не могла пошевелиться. Не могла даже вздохнуть.

Тикал несся прыжками через лес, когда что-то схватило его за ногу в полете и бросило в грязь.

Катаясь по земле и дергаясь, он отчаянно пытался освободиться. Мама Фреда видела, что пленило его, – толстая паутина обернулась вокруг ноги и теперь волокла испуганного зверька в сеть, прямо к королеве пауков. Вира'ни, выследившая его, сгорбилась и покрепче уперлась ногами с ядовитой усмешкой на губах.

Из-под ее брюха вырвалась лавина крошечных алых паучков, устремляясь к малышу-тамринку. Любимец знахарки бился и боролся, кусал паутину острыми как иглы зубами.

Внезапно он отлетел, освободившись, перекувыркнулся и прыгнул на нижнюю ветку. С мгновенным чувством облегчения Мама Фреда почувствовала, как его коготки вцепились в опору.

Но на ветке он был не один.

Маленькие пауки перебежали с коры на тонкую лапку Тикала. Когда первый укусил его, боль потери пронзила Маму Фреду сильнее, чем боль собственного дряхлого сердца. Крошка-тамринк рухнул прямо в середину потока пауков. Мгновение, и его накрыла волна.

– Тикал! – закричала старуха.

– Мама, мама...

Тогда она почувствовала, как маленькое отважное сердце сжалось в последний раз и замерло... Так же, как и ее.

В глубине пещеры тело знахарки выгнулось. Мука пронзила ее сердце, словно копье.

– Что с ней? – крикнул Магнам.

– Она умирает! – ответил Джеррик. – Сердце!

Тьма сомкнулась вокруг Мамы Фреды, тьма непрогляднее, чем любая слепота. Легкие налились свинцом, но она еще пыталась вдохнуть воздух, борясь со смертью. И напоследок успела послать предупреждение друзьям и своему любимому:

– Берегитесь... Вира'ни!

А потом прохладный бальзам темноты смыл остатки боли. Она улетела далеко от рук Джеррика, чувствуя последнее прикосновение его губ. Далеко во тьме знахарка услышала тонкий протяжный крик, напуганный и потерянный:

– Мама, мама...

– Тише, маленький, я иду...

Ошеломленный Тол'чак наблюдал, как темная фигура выступает из Врат Духов.

– Элена? – повторил он.

Призрак впери в него темные глаза, сверкающие, как отполированный обсидиан. Серебристые локоны продолжали парить вокруг лица, двигаясь по воле невидимых ветров. Искры силы пробегали по прядям волос и локонам, прибывая из Камня Духа и оттеняя черную кожу незнакомки. Пока она выходила из Врат, черты ее лица становились все четче, будто бы она поднималась из мрачных морских глубин.

Тол'чак понял свою ошибку. Женщина была всего-навсего очень похожа на Элену, но выглядела гораздо старше. Несмотря на гладкую кожу, годы тронули ее глаза и губы, да и волосы серебрились не только из-за волшебства. На вид возраст женщины исчислялся не одним столетием.

– К-кто ты? – заикаясь, спросил огр.

– Владычица Камня, – ответила на его вопрос Триада. – Его страж и хранительница.

Призрак поднял темную руку, отбрасывая серебристые пряди от лица.

– Нет, – произнесла она черными губами. – Теперь уже нет. Я не могу сдерживать наступающую тьму. Мое время истекает. – Ее глаза сверкнули. – Необходимы новые стражи.

Тол'чак отшатнулся, а Триада растерянно зашевелилась, ее очертания слегка расплылись.

– Но Владычица Камня была вечным стражем Врат...

– Нет! – повторила она, потрянув головой. – Давним, но не вечным... Я соединила свой дух с камнем в те времена, которые сейчас стали легендами и преданиями.

– Мы не понимаем... – бормотала Триада, из-за волнения расплываясь туманными облаками.

– Когда-то я носила другое имя, – ее голос стал тише. – Ваши великие предки звали меня не Владычица Камня. Они наградили меня мерзким прозвищем – Ту'ла нэ ла Ра Чэйн.

Тол'чак озадаченно нахмурился. Последние слова она произнесла на древнем огрском наречии. Но старейшины ее поняли. Туманные фигуры издали вопль.

– Быть того не может! – В ужасе они отлетели подальше от Врат.

– А в чем дело? – спросил Тол'чак, переминаясь с ноги на ногу.

Один из призраков взмыл вверх, выкрикивая:

– Ту'ла нэ ла Ра Чэйн!

– Изгнанная... – простонал второй.

– Проклятая! – добавил третий.

От ужаса Триада разделилась, не выступая больше как единое целое.

– Кто-кто? – Тол'чак отступил на шаг.

– Она – Ту'ла нэ ла Ра Чэйн... Ведьма Камня Духа.

Тол'чак свел брови на переносице, а призраки старейшин перелетели ему за спину, будто бы прячась.

Не обращая внимания на их беспокойство, темная женщина продолжала парить в облаке серебристых волос. Ее кожа, казалось, стала еще темнее, а насыщенные магией пряди сияли ярче. В глазах читались гнев и бесконечная печаль.

Наконец-то слова Триады дошли до Тол'чака.

– Ведьма Камня Духа, – пробормотал он, хмуро уставившись на призрак. И когда он снова узнал черты, так похожие на Элену, нахлынуло озарение. Он задумался на миг, а потом выпалил имя, под которым знал ее: – Ведьма Камня и Духа!

Ее глаза неотрывно следили за огром.

– Ход времен изменяет много имен и вносит много смыслов, – холодно произнесла ведьма. – Странно видеть все победы и поражения своей жизни сведенными к такой простенькой фразе. Да и ту память исказила. – Она вздохнула. – Но ты знаешь мое истинное имя, не так ли, огр?

Он понял, увидев в ее утомленных глазах то же выражение, что и у Элены.

– Сисакофа! – громко произнес Тол'чак.

– И я тебя знаю, – кивнула ведьма. – Последний потомок Ли'чака из клана Токтала.

Тол'чак недоуменно нахмурился.

– Клятвоотступника, – пояснила она.

Огр моргнул. Ли'чак! Так вот как звали его далекого предка, имя, которое изначально носил Клятвоотступник.

– Я не понимаю, – через силу заговорил он. – Как ты здесь оказалась? Почему именно здесь?

– Отвечу для начала на первый вопрос, – она взмахнула призрачной рукой. – На самом деле я не совсем здесь. Мой истинный дух прошел через Врата давным-давно. Образ, что ты видишь, всего лишь отражение и немного магии. Я оставила его, связав с силой Камня

Духа. А что касается «почему»... Эта история предназначается для других ушей, не твоих. Я оставила свое отражение во Вратах, зная, что однажды ведьма, которая придет ко мне на смену, будет нуждаться в наставлении.

– Елена! – догадался Тол'чак.

Темная фигура кивнула.

– На протяжении множества столетий я оставалась стражем Камня Духа. Здесь я направляла твой народ настолько, насколько могла. Но даже я не смогла предотвратить предательство твоего предка.

– Клятвоотступника...

– Ли'чак принял обеты духовного подвижничества и стал служить у Врат. Этим Врат. Он был силен в магии духа, но еще сильнее в нем был развит дар стихийной магии.

– Клятвоотступник был стихийником? – удивленно вскинулся Тол'чак.

– Его природным даром была способность совершенствовать мастерство других. Он мог сделать мастером самого зеленого новичка.

Похоже, она говорила правду. Тол'чак вспоминал всех Темных Стражей, с которыми повстречался за время долгих странствий. Они представляли собой яркие примеры мастерски ограненной магии. Стихийники, чей дар был искажен, дабы удовлетворить потребности Клятвоотступника или просто ради его развлечения.

– И что случилось потом?

– Этого даже я не знаю. Однажды твой предок открыл Врата, ведущие к Камню Духа. Я почувствовала магию и явилась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Ли'чак стоит на коленях с поднятыми руками и кричит от боли. Приблизившись, я ощутила разрыв в ткани мироздания. А после этого Врата стремительно захлопнулись и оставались закрытыми на протяжении шести столетий. – Она посмотрела на призраков Триады. – А что случилось в пещере в тот день, мне неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.